

Br/86

12

Neoloģismi
leksikā,
gramatikā
un fonētikā

ZINĀTNISKO RAKSTU KRĀJUMS

Rīga 1985

P. Stučkas Latvijas Valsts
universitāte
Angļu filoloģijas katedra

Латвийский государственный
университет им. П. Стучки
Кафедра английской филологии

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Angļu filoloģijas katedra

NEOLOĢISMI LEKSIKĀ, GRAMATIKĀ UN FONĒTIKĀ

ZINĀTNISKO RAKSTU KRĀJUMS

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1985

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра английской филологии

НЕОЛОГИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ, ГРАММАТИКЕ И ФОНЕТИКЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1965

Вс 186
12

1

НЕОЛОГИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ, ГРАММАТИКЕ И ФОНЕТИКЕ

Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике: Сборник научных трудов /Отв. ред. Л.П.Олдырева. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1985. - 186 с.

В статьях сборника описан и систематизирован ряд инноваций разных языковых уровней, характерных для речевой практики современного английского, немецкого, французского и латышского языков. Сборник рассчитан на лингвистов, преподавателей иностранных языков, аспирантов и студентов различных филологических специальностей.

Табл. - 7; список лит. - 171 библиогр. назв.

Редакционная коллегия:

Л.П.Олдырева (отв. редактор),
Е.В.Дорошенко, И.Н.Наумова

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

№ 70100-094v 7-доп.85.4602000000
MS12(II)-85

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1985

5

ЛГУ ИМ. П. СТУЧКИ
70-16-85

Сборник "Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике" продолжает цикл исследований, посвященных изучению новых языковых явлений, характерных для современного русского, латышского, английского, французского и немецкого языков. Эти исследования проводились преподавателями - филологами кафедр английской филологии, французского и немецкого языков под руководством доцента Л.Я. Орловской - неизменного редактора всех предыдущих сборников, посвященных инновациям (сборники: Инновации на разных языковых уровнях. Рига, 1975; Инновации на разных языковых уровнях. Рига, 1982). В этом сборнике представлены статьи, отражающие разные аспекты изучения неологии, такие как: тенденции в изменении нормы произношения, лексикографическая фиксация неологизма, номинация новых реалий и связанная с ней тематическая и стилистическая перестройка лексического фонда, продуктивность словообразовательных моделей, взаимобусловленность инновации и строя языка, проблема терминологического неологизма, лингвистический статус окказионального слова и неологизма. Помимо статей, связанных с этим кругом проблем, в сборник вошли работы по экспериментальному изучению латвем современного латышского языка.

Предлагая вниманию читателей наш сборник, мы с благодарностью вспоминаем тот труд, который вложен в его издание замечательным преподавателем и филологом - доцентом Любовью Яковлевной Орловской. Тяжелая болезнь и последовавшая за ней безвременная кончина помешали Любови Яковлевне завершить работу над сборником, задуманным и начатым по ее инициативе. Л.Я. Орловская была редким энтузиастом своего дела, и очень часто успех научной конференции, семинара или издания научных трудов зависел от ее неутомимой энергии и организаторских способностей. Добрым словом вспоминают заботливое участие и инициативность Любови Яковлевны Орловской все участники научного семинара "Инновации на разных языковых уровнях" (семинар проводился 11 мая 1983 года, председателем оргкомитета была Л.Я. Орловская). Многие из докладов, прочи-

танных на той конференции вошли в настоящий сборник. Включена в сборник и последняя работа Л.Я. Орловской - статья "Структурно-семантические особенности фразеологических неологизмов", подготовленная ею к публикации в соавторстве с Н.Н. Данченко и обсужденная на майских лингвистических чтениях 1984 года.

Круг научных интересов Л.Я. Орловской был весьма широк - это и сравнительно-исторические исследования германских языков, и английская лексикология, однако главной темой всех ее исследований была фразеология. Л.Я. Орловская была зачинателем контрастивной фразеологии в Латвии. Ее исследование латышской фразеологии (следует отметить работу "О расположении латышских фразеологических единиц во фразеологическом словаре". Рига, 1968, изданную вскоре после защиты кандидатской диссертации) и многочисленные сопоставительные работы по английской, латышской и русской фразеологии могут стать отправной точкой в научных изысканиях тех лингвистов, чьи интересы связаны с изучением и развитием контрастивной фразеологии.

Изданная сборник "Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике", его авторы чтут память Л.Я. Орловской, воздавая должное ее заслугам в многолетней научно-педагогической и издательской деятельности.

Н. А. Аверьянова

Пенза

НЕМАРКИРОВАННЫЕ ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык как развивающаяся система не является чем-то застывшим, неизменным. В нем постоянно, хотя и очень медленно, происходят изменения, появляются и закрепляются новообразования, требующие от лингвистов научного объяснения.

Одна из основных типологических черт современного английского языка — стремление к экономии языковых средств проявляется на разных уровнях и в различных грамматических конструкциях. Отмечая преимущества простого и выразительного языка, лингвисты нередко писали, что желание говорить точно и ясно заставляет нас образовывать новые формы. Таким образом, мы будем продолжать терять и приобретать, терять в конкретности и приобретать в прямоте высказываний (1, с. 9-10).

В этом смысле определенный интерес представляет конструкция, характеризующиеся способностью выражать центростремительную направленность действия активной формой глагола (как личной, так и неличной его формой). Другими словами, сдвиг семантики в залоговом отношении никак не маркируется в этих структурах, например:

The door opened. He is easy to deal with. There is a book to read. Her advice is worth taking.

Синтаксические конструкции, отмеченные данным явлением, представляется целесообразным называть немаркированными пассивными конструкциями (НПК). Будучи живыми и продуктивными, они привлекали и привлекают внимание как зарубежных, так и советских лингвистов. В этих структурах

выражается отношение центростремительной направленности между действием-предикатом, его объектом и субъектом, если выражен последний. Глагол-предикат здесь, будучи в форме действительного залога, связан предикативными и объективными отношениями с подлежащим предложения. Последнее, таким образом, являясь синтаксической единицей, соответствует не субъекту на семантическом уровне, а другому семантическому понятию - объекту. Подобная конвертированность семантических и синтаксических единиц обычно выражается предикативной глагольно-объектной структурой с формой страдательного залога глагола, то есть морфологизованным способом, например:

The expression of her face was changed.

There is nothing to be said.

В последние годы заметно возрос интерес исследователей к смысловому содержанию синтаксических структур. Спецификой синтаксического уровня, непосредственно связанного с процессом мышления и процессом коммуникации, обусловлена особая роль семантики в организации синтаксических единиц (2, с. 26). Семантико-синтаксическое направление изучает структуры смысла, выделив пропозицию как минимальную структуру, отражающую ситуацию объективного мира. Под пропозицией, вслед за Ч.Филлмором (3, с.145), условимся понимать смысловую структуру, включающую предикат и аргументы, лишённые грамматического времени и модальности.

В НПК оформление пропозиции осуществляется путем свертывания структур с переводом ряда категорий в имплицитные. В большинстве НПК имплицитным оказывается субъект.

Среди синтаксических структур, для которых характерно выражение центростремительной направленности действия активной формой глагола, выделяются финитные НПК типа *The door opened* и разнообразие нефинитные НПК. Последние могут быть инфинитивными - с инфинитивом в функции определения, например:

There is nothing to say. He is not a man to talk to.

и предикативного члена *He is easy to please* - и герундиальными, например: *The roads want mending.*

Остановимся более подробно на некоторых из них. Наиболее распространенным типом среди инфинитивных НПК является тот, в котором инфинитив (назовем его, вслед за О.Есперсеном, ретроактивным (4, с. 117)) выполняет функцию компонента составного сказуемого после прилагательных:

0		to Va
The signature	was rather difficult	to read.
	(C. T.L.N., p. 10)	

Чтобы выявить семантическую характеристику этого типа НПК, обратимся к процедурам развертывания и трансформации. Так интересующее нас предложение имеет следующую "деривационную историю":

<i>It was rather difficult.</i>	<i>It was rather difficult (for X)</i>
<i>X read the signature.</i>	<i>to read the signature. The signature was rather difficult to read.</i>

С одной стороны, в НПК характеризуется действие путем выявления его признака, на это указывает первая трансформация. С другой стороны, в предложении устанавливается факт совершения действия (чтение подписи), направленного на предмет, выступающий в НПК в роли подлежащего, а на семантическом уровне являющийся объектом действия - инфинитива. Вторая трансформация явно показывает существование "объектного отношения между *signature* и *read*. Этому способствует экспликация субъекта инфинитива-действия, восстановление его субъектной валентности. Под "экспликацией" или "восполнением" мы, вслед за Л.С.Бархударовым (5, с.180), имеем ввиду замену нулевого варианта того или иного слова эксплицитно выраженным вариантом.

В центре НПК находится многоместный предикат, однако его многоместность относительна. Это вытекает из того, что вообще залоговая оппозиция с полной реализа-

цией субъектно-объектных валентностей встречается довольно редко. В нашем случае редуцируется субъектная валентность, или элиминируются различные семантические функции, если исходить из максимальной семантической глубины.

Такой редукции подвергается прежде всего агентив (А), являющийся не только релевантным для залога, вообще, но и главной семантической функцией. Это подтверждается тем, что большинство предикатов "семантически переколены" в сторону агентива. В связи с этим редукция агентива занимает особое положение [6].

На синтаксическом уровне наибольшим "весом" обладает функция подлежащего, поскольку каждое предложение является высказыванием об имени в позиции подлежащего.

Исследуемый материал показывает, что в НКК в позиции подлежащего выражаются семантические функции объектива (Об) - предмета, подвергавшегося действию:

... secretarial holiday ^{Ob} posts [←] were much more difficult
to Va
to get.

(С.Т.Л.Н., р.6)

и датива (D) - лица, затронутого действием:

^D Julia was much more easier ^{to Va} to get on with ...

(М.Т., р.74)

Во втором предложении дополнительным средством, уточняющим объектно-предикативные отношения, является предлог with.

Что касается прилагательных, способных сочетаться с ретроактивным инфинитивом, то круг их довольно широк, но все они принадлежат к одной семантической сфере - сфере оценки. Оценка, даваемая подлежащему предикативом-прилагательным, касается в основном качеств, подразделяемых на приятные и неприятные.

Широкое распространение получили в современном английском языке НКК с инфинитивом в функции определения. Инфинитив в этих конструкциях выступает в качестве вторичного предиката. Вторичным предикатом, вслед

за Г.Н.Воронцовой (7, с.47), мы называем признак, предцируемый (утверждаемый, устанавливаемый, заявляемый), но не являющийся в предложении сказуемым. Таким образом, интересующие нас НПК представляют собой эксплицитно выраженные многопредикатные структуры.

Рассмотрим НПК, в которых объектом действия-инфинитива является предикативный член, представленный именной частью речи. Инфинитив в этих предложениях связан с подлежащим объектными отношениями:

"... $\overset{O}{\text{Market basing}}$ is an impossible place $\overset{to Va}{\text{to live}}$."

(C.D.W., p.82)

К этому типу НПК тесно примыкают глагольно-объектные предикатные структуры, в которых инфинитив занимает позицию определения при предикативном члене, соотносящемся с подлежащим, выраженным указательным *it* или *this* (*that*):

It was not a $\overset{O}{\text{fit subject}}$ $\overset{to Va}{\text{to discuss}}$ before gentlemen.

(C.L.L.N., p.71)

Другим распространенным типом конструкции, отмеченным рассматриваемым нами явлением, выступает НПК с вводным *there*:

There's not a $\overset{O}{\text{moment}}$ $\overset{to Va}{\text{to lose}}$

При подлежащем здесь стоит ретроактивный инфинитив-определение, который приобретает лексически преобладающее предикатное значение, хотя оно у инфинитива синтаксически вторично. Сказуемое лексически слабее инфинитива, и оно сохраняет свое значение, в основном, как одна из конструктивных опор предложения.

Исследуемые НПК представляют собой глагольно-объектные предикативные структуры, характеризующиеся наличием объектной связи компонентов, направленной от инфинитива к его объекту. Выявить и проиллюстрировать эти смысловые

отношения помогают процедуры развертывания и трансформаций. Так, РЧК, представляющая собой, согласно нашей точке зрения, производную структуру:

There is ⁰ nothing ^{to} say.

(Sh.R.M., p.211)

происходит от следующих ядерных предложений:

There is nothing

X says nothing

There is nothing to say.

С одной стороны, в предложении отрицается факт существования чего бы то ни было. С другой стороны, вторая трансформация устанавливает факт совершения действия, исходящего от субъекта X, введенного в конструкцию в самом общем виде и направленного на предмет, занимающий в НПК позицию подлежащего. Развертка вторичного предиката, в качестве которого выступает инфинитив to say, показывает характеристику действия относительно предмета, которому оно предписывается.

Во всех рассматриваемых НПК в качестве ретроактивного инфинитива выступают многоместные предикаты, реализующие свою обязательную объектную валентность. Что касается субъектной валентности, то она в большинстве случаев элиминируется. Несмотря на широкий круг семантических подклассов глаголов, участвующих в образовании НПК (сюда входят глаголы речи: say, tell, ask, discuss; глаголы психической деятельности: know, expect, consider, see, watch; глаголы обратной зависимости: trust, rely on и другие), всех их объединяет то, что семантика глагола предполагает обязательное наличие партиципанта, на который направлено действие.

Компонент с объектным значением выходит из глагольного подчинения на роль самостоятельного структурного компонента НПК, приобретая при этом значение носителя признака, свойства, выраженного инфинитивом.

В подавляющем большинстве рассмотренных нефинитных НПК в роли подлежащего выступает как неодушевленное,

так и одушевленные существительные, в то время как в финитных НПК позицию подлежащего занимает в основном неодушевленные существительные.

Все эти синтаксические конструкции в совокупности с так называемым "лексическим пассивом": *The army suffered a defeat* составляют немаркированные средства выражения пассива в современном языке.

Наши наблюдения показывают, что несмотря на формальное различие НПК, все они характеризуются центроостремительностью действия (процесса), выраженной активной глагольной формой, на инактивный в широком смысле или аффицированный объект со стороны имплицитно или - в редких случаях - эксплицитно выраженного деятеля.

Все эти конструкции обладают разной интенсивностью признаков, указывающих на определенную градацию выраженности пассивности.

Данное явление (как бы оно ни называлось разными исследователями) получает все большее распространение в английском языке и нуждается в теоретическом осмыслении, поскольку оно пронизывает всю систему английского глагола, "сбивая" значение глагольных форм, прежде всего залога. Однако этот "сбой", хотя и касается разных уровней, но происходит через синтаксическую структуру предложения, что и подтверждают результаты проведенного исследования.

Системное изучение средств выражения неморфологизованного пассива или ретроактивности, получающих широкое распространение в английском языке, может дать интересные результаты при решении семантико-синтаксических проблем.

Источники и их сокращения

- C.D.W. - Christie A. Dumb Witness. L., 1970.
C.T.L.N. - Christie A. Ten Little Niggers. L., 1970.
M.P.V. - Maugham W.S. The Painted Veil. M., 1981.

М.Т. - Maughan W.S. Theatre. М., 1979.

Sh.R.M. - Shaw I. Rich Man, Poor Man. N.Y., 1974.

Л и т е р а т у р а

1. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1966.
2. Воронцова Г.Н. Вторичный предикат в английском языке. - Иностранные языки в школе, 1950, №6.
3. Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе. - В кн.: Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974.
4. Качельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972.

А.Я.Банков

Рига

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГАЛЛИЦИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО ЛАТВИСКОГО ЯЗЫКА

Изучение влияния французского языка на лексику других языков не перестает быть в центре внимания лингвистов. По этой тематике в настоящее время имеется различная научная литература, фактический материал обобщен в этимологических словарях и в словарях иностранных слов. При исследовании данной проблемы обычно изучаются прямые заимствования французского происхождения (например, галлицизмы в английском, в русском и немецком языках).

Вопрос усложняется, если эти заимствования попали в язык-реципиент через посредничество других языков, т.к. фонетическая, лексико-грамматическая, семантическая и стилистическая характеристики заимствованных единиц могут подвергаться изменениям в языках-посредниках. Кроме того, роль языков-посредников в ходе исторического развития языков может усиливаться или ослабевать. Одновременно на один язык-реципиент могут оказать влияние два языка-посредника и т.д. В этом плане латышский язык представляет благоприятную почву для исследований по распространению галлицизмов через посредничество других языков. Латышский язык практически не имел прямых контактов с французским языком и основная масса галлицизмов проникла через немецкий и/или русский языки.

Многие галлицизмы латышского языка являются непрямыми словами, в такой форме эти слова существуют уже в языке-этимоне, т.е. во французском. Таковы, например, заимствования, встречающиеся уже в текстах старолатышского письменного языка: *dimants, dragūna, kanēlis, kapteinis, krelles, leitnants, muskats, rubins, torņis* и другие, по сей день в обоих языках, как во французском так и в латышском, они являются производными словами.

В некоторых случаях производное слово в языке-источнике становится производным в языке-посреднике, откуда оно проникает в латышский язык. Так, например, в русском языке образовано слово литраж /по аналогии с галлицизмами метраж, тоннаж/, которое потом было заимствовано латышским языком. По отношению к французскому языку данное слово является псевдогаллицизмом /а не заимствованием из французского языка, как неточно указано в словаре иностранных слов латышского языка/.

В отдельных случаях французское слово получает значительно позже сходную с языком-реципиентом форму. Латышское *karjera* восходит к французскому *carrière* и,

следовательно, является галлицизмом. Производное *karje-rists* фиксируется словарями латышского языка уже в начале XX в., хотя соответствующее слово во французском языке появилось лишь в 60-70 годах XX в. под влиянием английского *careerist* (I, с. 77).

В русском языке, как показала Т.А. Григорьева (2, с. 48), наблюдаются четыре рода аффиксации галлицизмов:

1/ французское слово приспособляется к русской грамматической системе посредством аффиксации: например: фильтровать, калибровать, кредитовать (ср. в немецком: *filtrieren, kalibrieren, kreditieren*);

2/ французские слова, которые могли бы войти в русский язык и без суффикса, приобретают таковой, например, виньетка (ср. франц. *vignette*, лтш. *vinjete*); этажерка (ср. франц. *etagere*, лтш. *etažera*); шансонетка (ср. франц. *chansonnette*, лтш. *šansonete* и т.д.);

3/ французское слово варьируется суффиксальными образованиями, например: табурет - табуретка (ср. лтш. *taburete*); ; берет - беретка (ср. лтш. *berete*);

4/ к галлицизмам присоединяются суффиксы субъективной оценки /ср. нейтральное портфель и стилистически окрашенные портфелище, портфельшко, портфельчик/.

По сравнению с русским языком, который в настоящее время является основным языком-посредником при пополнении галлицизмами словарного состава латышского языка, в последнем наблюдается целый ряд особенностей. Если в русском и немецком языках глаголы французского происхождения оформляются посредством аффиксов (*покировать* - *schokieren*; *конкурировать* - *konkurrieren*; *гравировать* - *gravieren* и др.), то соответствующие глаголы в современном латышском языке обычно по своей форме, как бы это не было парадоксально, ближе к языку-источнику, т.е. французскому (ср. лтш. *šokēt*, франц. *choquer*; лтш. *gravēt*, франц. *graver*; лтш. *kontrolēt*, франц. *controler* и т.д.). Хотя можно отметить, что еще в конце XIX в. - начале XX в. в латышском языке

употреблялись суффиксальные формы вербальных галлицизмов типа *blāzierēt*, *komandierēt* и др. Однако в течение этого века такие формы либо вышли из употребления¹, либо относятся к нелитературной лексике.

Аналогичный процесс наблюдается при заимствовании имен существительных в латышском языке. Если в русском языке существует целый ряд существительных французского происхождения с суффиксом *-к-* /таблетка, пипетка, кушетка, этажерка, виньетка и др./, то в латышском языке такая суффиксация имеет очень ограниченные возможности. Обычно галлицизмы могут иметь только суффиксы *-it*, *-in*, чтобы придать слову субъективную оценку с ласкательным, уменьшительным оттенком/ ср. *beretīte*, *gagažina*, *portfelītis* и т.д./ . Таким образом, современному латышскому языку свойственен только один вид суффиксации галлицизмов, т.е. образование диминутивов с субъективной, ласкательной оценкой. Так как употребление таких галлицизмов стилистически ограничено, то они в латышском языке встречаются довольно редко.

Если обратиться к суффиксам латышского языка иностранного происхождения, то в первую очередь необходимо отметить словообразовательную активность суффикса французского происхождения *-āz-*. Около 50 существительных современного латышского языка имеют исход слова на *-āza*. В большинстве случаев эти слова французского происхож-

¹ Обратный словарь латышского языка (3), например, охватывающий лексику газет и общественно-политических журналов, с объемом — 200 000 словоупотреблений, не зарегистрировал ни одного глагола с окончанием *-ierēt*, а среди 30 000 слов Обратного частотного словаря латышского языка (4) зафиксированы лишь 6 слов с окончанием на *-ierēt*, в том числе 3 французского происхождения: *glāzierēt*, *penierēt*, *teksierēt*.

дения (garāža, drenāža, tirāža, trikotāža, virāža и др.) а в некоторых случаях слова с данным суффиксом заимствуются с английского (bagāža, drenāža, klivāža) немецкого (blamāža) и русского (instruktāža, litrāža, tamrōnāža) языков. В ходе исторического развития отдельные галлицизмы латышского языка с исходом на -āža были заменены под влиянием контактных языков другим исходом. Так, например, еще в начале XX века словари иностранных слов регистрировали галлицизм plantāža /ср. нем. Plantage/, а в настоящее время данный галлицизм больше не употребляется, так как заменен словом plantācija, проникшим через русский "плантация" из латинского plantatio /ср. англ. plantation/.

В отдельных случаях французский этимон может различаться по своему суффиксальному оформлению, что приводит к образованию т.н. "ложных друзей переводчика". Глагол dresēt заимствован из французского языка (dreszer). Однако соответствующие существительные образуются по различным словообразовательным моделями: во французском языке с суффиксом -age (dressage), а в латышском - с исходом слова на -āra (dresāra). Так французскому glissage соответствует латышское glisāde; calibre - kalibrēšana и т.д. Отличия объясняются главным образом непосредственным влиянием языков-посредников, т.к. именно в этих языках образованы исходные формы (нем. Glissade, русск. глиссада).

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на то, что латышский язык заимствовал свыше 2000 цельно-оформленных лексических единиц французского происхождения, около 50% галлицизмов являются изолированными словами. Это объясняется тем, что, во-первых, галлицизмы относятся главным образом к периферийным слоям лексики; во-вторых, уже часть этимонов является в языке-источнике непроемными словами и, в-третьих, в большинстве случаев они относятся к терминологическим единицам сравнительно недавнего происхождения.

Л и т е р а т у р а

1. Григорьева Т.А. Аффикация галлицизмов в русском языке. - В кн.: Вопросы общего и романского языкознания. Уфа, 1965, вып. 2, с.48.
2. Обратный частотный словарь латвийского языка. - Рига: Зинатне, 1967. - 500 с.
3. Jakubaite T., Guļevska D. u.c. Latviešu valodas biežuma vārdnīca.-R.:Zinātne, 1969. 2.sēj., 1.d.-855 lpp.
4. Gilbert P. Dictionnaire des mots contemporains.- Paris: Les usuels du Robert, 1980. - 739 p.

Э.Г.Бойко
Москва

УТРАТА ПОСТОЯННОГО КОМПОНЕНТА ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ СООПСТАВИТЕЛЬНО С АНГЛИЙСКИМ - ИННОВАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ

В современном шведском языке имеет место выпадение вспомогательного глагола в формах перфекта и плюсквам-перфекта, на что указывают многие авторы /В.Д.Аракин, С.С.Маслова-Лашанская, Э.А.Макаев, Н.Бэкман, Э.Велландер, Б.Коллиндер, Э.Кэльквист, Д.Сунден и др./ . Как показывает исследование, этот феномен не есть следствие одного лишь фонетического разрушения служебной части аналитической перфектной формы, задействованными оказываются и другие аспекты языка, а нарастание процесса создает такую ситуацию, которая ведет к заметным изменениям и на более высоком - грамматическом уровне.

Причем характерным для этой инновации является использование таких неполных перфектных форм преимущественно в придаточных предложениях. Анализ этого явления в диахронии свидетельствует о том, что оно по своему происхождению не может считаться чисто шведской реали-

ей, т.к. было принесено в XVII в. в письменный язык Швеции из немецкого, где опущение постоянного компонента перфектных форм в зависимой синтаксической позиции было чуть ли не нормой. Однако примечательным является не факт заимствования, а то обстоятельство, что эта стилистическая "мода" не только прижилась в шведском языке, но и распространилась в нем до такой степени, что "просочилась" и в самостоятельные, синтаксически независимые предложения, т.е. стала приобретать черты универсальности.

Столь широкое распространение на шведской почве явления, заимствованного из другого языка, можно объяснить лишь тем, что к этому времени в самом шведском языке созрели или активно намечались реальные условия для выпадения вспомогательного глагола перфектных форм: заимствование явилось всего лишь толчком, который способствовал переходу накопленного количества в новое качество. Можно назвать, по крайней мере, три основных фактора, давших жизнь этой инновации: 1) фонетический - укорачивание вспомогательного глагола до минимальной (односложной) структуры, 2) фонетико-грамматический - установление в результате постепенного слияния устной и письменной норм (тенденция, окончательно утвердившаяся лишь в XX в.) единой формы спряжения глагола, безразличной к числу и лицу, 3) грамматический - создание особой глагольной формы так называемого супина, представляющего собой причастие II ср. рода, ед. числа и используемого главным образом для образования перфектных форм.

Проанализируем эти факторы и определим их место и роль в том широко охватившем язык процессе функционирования неполных перфектных форм, представленных одним лишь супином, который можно условно назвать супинизацией.

Фактор фонетический. Укорачивание вспомогательного глагола создавало реальные предпосылки для его выпадения: как служебный элемент аналитических перфектных форм он не мог подвергаться воздействию неумолимого закона

функциональной фонологии, в соответствии с которым "чем больше вероятность встречаемости фонемы (вернее репрезентанта фонемы) в речевой цепи, тем меньше ее функциональная нагрузка" (Р.Р.Каспранский); а элементы, которые оказываются функционально менее нагруженными, чаще всего терпят ударение и более всего подвергаются физическому разрушению - элизии и фонетическому эллипсу. Здесь имела место следующая эволюция: две первоначальные двухсложные закрытые структуры, имевшиеся в парадигме спряжения глагола "hava" ("havar" и "havan"), укорачиваются соответственно до форм "har" и "han", представлявших собой односложные закрытые структуры вследствие эллиптирования целого слога "va", а во множественном числе двухсложная открытая структура "hava" становится односложной открытой структурой "ha" в результате выпадения слога "va". Кстати сказать, "стирание" целого слога во вспомогательном глаголе "иметь" не является каким-то изолированным явлением в звездочном языке, оно происходит в строгом соответствии с фонетическими законами этого языка и отмечается в безударных слогах и целом ряде значимых слов, обладающих в речи высокой степенью частотности: bli(va)-bli, dra(ga)-dra, g(iv)er-gar, ta(ge)r-tar, te(da)n-ten, et(da)-za и др.

Фактор фонетико-грамматический. Параллельное существование двух языковых норм, письменной и разговорной, отличавшихся в системе глагола тем, что первая характеризовалась различием между ед. и множ. числом, а вторая ориентировалась на показатели одного лишь ед. числа, в конечном итоге привело к сглаживанию этой разницы: разговорная норма вытеснила письменную, и спрягаемый глагол в последней выравнивался на формат единственного числа, в результате чего парадигма спряжения приобрела максимальный единообразный вид. В глаголе "иметь" процесс унификации привел к созданию форм "har" в настоящем и "haae" в

прошедшем времени.

То, что финитная форма шведского глагола фактически стала безразличной к лицу и числу, имело далеко идущие грамматические последствия и отразилось на слотных временных формах — перфекте и плюсквамперфекте. И здесь мы переходим к фактору грамматическому, на котором следует остановиться особо, т.к. он объясняет тенденцию развития и поэтому представляет наибольший интерес.

Появление в системе шведского глагола такой уникальной формы, как супин, само по себе уже создавало ситуацию, при которой утрата постоянного компонента аналитического перфекте и плюсквамперфекта становилась возможной, а если взглянуть на это с учетом предыдущего фактора, то картина станет предельно ясной. Известно, что вспомогательный глагол, будучи лексически опустошенным, призван выполнять лишь функцию согласования всей аналитической конструкции. Но с унификацией парадигмы спряжения он фактически лишился этой функции, не указывая более ни на лицо, ни на число, и в этом смысле становился избыточным. За ним сохранялась лишь функция согласования по времени, но в определенной синтаксической позиции и она могла быть избыточной. Именно такой позицией и являются придаточные предложения сложноподчиненного комплекса, в которых чаще всего наблюдается использование супина: их сказуемые легко ориентируются на определенный временной план (настоящее или прошедшее) через взаимодействие со сказуемым главного предложения. Нетрудно заметить, что супин, выступая в функции сказуемого, сам обнаруживает все черты унифицированной финитной формы современного шведского глагола: так же как и она, он имеет нулевой показатель числа и лица, так же как и она, он сохраняет в своей структуре указание на временной план, что находит выражение в виде ден- тального суффикса "-t": "-at", "-t", "-tt", "-it". В результате такого сближения с финитной формой супин по-

лучает возможность заменять перфект и плюсквамперфект без опоры на вспомогательный глагол.

Сулинизация перфектных форм характеризуется следующими семантико-грамматическими направлениями: 1/ так как сулин перфекта и сулин плюсквамперфекта внешне ничем не отличаются друг от друга и выражают обобщенное значение предшествования (равновременности), то его использование вместо этих форм способствует стиранию разницы между ними, вследствие чего происходит их сближение, при этом семантический сдвиг намечается в сторону прошедшего времени, 2/ отдельные случаи проникновения сулина в глагольно-предикативное поле независимых предложений увеличивают сферу распространения сулина и создают предпосылки полной замены аналитических форм перфекта и плюсквамперфекта простой, синтетической формой времени, как это имело место в древнерусском языке (Г.А.Хабургаев), 3/ возникновение инновации на грамматическом уровне неизменно влечет за собой перестройку уже сложившегося взаимодействия временных форм и связей внутри определенной микросистемы языка, в данном случае внутри малой системы прошедших времен (В.Н.Ярцева). Имея это в виду, можно сказать, что сулин, употребляясь параллельно с имперфектом, как бы становится второй простой формой прошедшего времени, что должно привести - в случае дальнейшего упрощения позиций сулина - к семантической дифференциации этих форм.

Аналогичное явление, обнаруживаемое в другом германском языке, английском, уже было предметом исследования (Я.Д.Калдани, Л.С.Гюксадзе, Н.Н.Гроздова, Н.А.Ситнова и др.), но еще не все его аспекты достаточно изучены, а сопоставительные параллели почти не проводились, если не считать отдельных работ Г.С.Шура. А между тем типологический аспект проблемы представляет чрезвычайный интерес, т.к. дает возможность обнаружить не только общие тенденции развития, но и индивидуальные особенности, заслужива-

вамшие большого внимания. Так, в отличие от шведского, утрата вспомогательного глагола в английском языке происходит лишь в форме перфекта, на плюсквамперфект этот процесс не распространяется, и это связано с еще одной очень важной отличительной чертой: в шведском выпадение постоянного компонента перфектных форм характерно для письменного языка, где (особенно в повествовании) довольно часто используется плюсквамперфект; в английском же этот процесс наблюдается в разговорной речи (для которой более присущ перфект) и в письменном языке рассматривается как отклонение от литературной нормы. И еще одна особенность: в английском процессе выпадения вспомогательного глагола перфекта протекает как чисто фонетическое явление и имеет две вытекающие одна из другой стадии развития - сначала постепенное разрушение "have" как безударного элемента аналитической формы, в результате чего от него остаются осколочные неслогообразующие звуки "v" и "z", являющиеся минимальным морфемным показателем, выполняющим функции согласования в составе сложной формы, и наконец, полное их стирание в потоке живой речи. Интересно, что и плюсквамперфект подвергается такому же процессу, но здесь не происходит полного разрушения вспомогательного глагола по той причине, что эта временная форма в разговорной речи практически не употребляема.

В шведском же языке чисто фонетическим является лишь первый этап этого процесса, и постепенной редукции вспомогательного глагола, приводящей к созданию осколочных форм, как в английском, не происходит. Здесь физическое разрушение глагола "have" останавливается на выработке односложной закрытой структуры "haz", дальнейшее выпадение которой протекает скорее не под воздействием фонетических причин, а вследствие установившейся и нормативно допустимой синтаксической традиции (в придаточных предложениях).

Хотя усечение вспомогательного глагола и происходит в обоих языках в соответствии с универсальным законом редукации, однако в каждом из них он имеет свои особенности. В шведском редукация "подгрызает" вспомогательный глагол с конца, что вполне объяснимо, т.к. именно окончания чаще всего попадают в безударную позицию и легче всего подвергаются фонетической "эрозии". В английском на более раннем историческом этапе "have" также разрушался с конца. Л.С.Гокссадзе констатирует, что усеченная форма "ha" встречается в письменном языке уже во второй половине XVII в., однако случаи такого усечения можно обнаружить еще раньше - в языке В.Шекспира. Затем редукация меняет направление, и глагол "have" начинает разрушаться с начала. Такое необычное течение редукации объясняется тем, что в английском языке звук "h" в начальной позиции оказывается неустойчивым и легко выпадает (ср.: "I saw (h)im").

И еще одно различие: в английском усеченная форма перфекта и плюсквамперфекта типа "I've done, He's done, you'd done" считается литературно допустимой нормой, а форма, представленная одним лишь переменным компонентом, воспринимается как отклонение от принятого языкового стандарта, как явление лингвистики речи. В шведском же употребление переменного компонента в форме перфекта или плюсквамперфекта, напротив, признается нормативно допустимым: супин здесь рассматривается как вариант полных перфектных форм.

При различии причин, условий возникновения и особенностей протекания эта фонетико-грамматическая инновация в анализируемых языках имеет единую типологическую направленность: общим в этом процессе следует считать зарождение в языке предпосылок, ведущих к разрушению аналитических перфектных форм. Как показали исследования, наиболее ощутимо это явление дает о себе знать в шведском и лишь намечается в английском. Реализация этой тенденции может

привести в конечном итоге к созданию синтетической формы перфекта в английском, а в шведском, возможно, и некой единой простой формы перфекта и плюсквамперфекта на базе суфина.

И. Н. Болдырев
Ленинград

ИННОВАЦИИ В СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Логико-синтаксические отношения - субъектные, объектные, обстоятельственные - традиционно реализуются в связях между членами предложения, обозначающего ту или иную реальную ситуацию (действие и его участников), и отражают таким образом реальные отношения объективной действительности. В соответствии с основными положениями современной семантической теории о вербцентрической организации предложения, структурным центром всякого предложения является глагол-предикат, называющий реальную ситуацию и определяющий присутствие и характер именных элементов - ее участников (1). При этом та или иная ситуация может быть представлена не только в предложении, но и в других синтаксических конструкциях: причастных оборотах, герундиальных конструкциях, именных сочетаниях, содержащих отглагольное (предикатное) слово.

Параллельно с перечисленными способами выражения пропозиционального значения в английском языке наметилась тенденция к широкому использованию номинативных словосочетаний с несколькими атрибутами в препозиции, одним из которых является отглагольное (предикатное) слово: нарицательные формы глагола, отглагольные существительные и прилагательные, например: the oil-producing countries; turf-

forming grasses; the fire-fighting equipment; grass-stained shoes; school-learned rules; the Exeter-based brickmaker; a diesel-engine assembly plant; mine-disposal squads; a fully adjustable wall bracket; a truncheon-waving policeman и т.п. Появление отлагательного (предикатного) слова структурирует цепочку слов в данных конструкциях и актуализирует определенные смысловые отношения между их элементами (ср.: a bee-keeping bachelor a bachelor who keeps bees/ , т.е. внутреннюю смысловую структурированность всего словосочетания, которое мы соответственно назвали структурированным атрибутивным словосочетанием.

Структурированность данных словосочетаний (система смысловых отношений между их элементами) проявляется в реализации синтагматики, аналогичной синтаксической организации предложения. Это подтверждается трансформационной соотносимостью исследуемых конструкций и предложений при противоположной направленности развертывания смысловых отношений (2), ср.: permanently water repellent cotton poplin (This) cotton poplin repels water permanently. Соотносимость позволяет проследить между членами структурированного атрибутивного словосочетания четкие логико-синтаксические отношения: субъектные, объектные, обстоятельственные, т.е. такие же, как и в предложении. Так, определяемое слово poplin соотносится в предложении-трансформе с подлежащим, связанным субъектно-предикатным отношением со сказуемым repels, с которым соотносится предикатное слово repellent. Существительное water в предложении-трансформе функционирует в качестве прямого дополнения, реализующего объектное отношение со сказуемым, а наречие permanently - в качестве обстоятельства образа действия, реализующего со сказуемым обстоятельственное отношение. Отсюда следует, что структурированные атрибутивные словосочетания также могут рас-

считаться как один из способов реализации логико-синтаксических отношений в современном английском языке. Однако в предложении отношения между его членами получают эксплицитное выражение, т.е. оформляются с помощью фиксированного словопорядка, служебных слов и словоформ. Наличие же формальных средств, маркирующих логико-синтаксические отношения между элементами структурированных словосочетаний до сих пор установлено не было. Между тем, этот вопрос заслуживает самого пристального внимания. Регулярная повторяемость определенного порядка расположения элементов в этих словосочетаниях свидетельствует об определенных грамматических правилах их организации, об определенной системности самого их построения. Поэтому остановимся подробнее на способах поверхностной репрезентации логико-синтаксических отношений в данных словосочетаниях и некоторых вопросах структурной организации последних.

Спецификой современного английского языка, как языка аналитического строя, является то, что почти все реляционные значения внутри грамматической структуры, будь то предложение или словосочетание, выражаются, в основном, с помощью порядка слов. Порядок слов имеет общую связующую роль, скрепляя слова и указывая на наличие связи между ними, на их определенную организацию. Любая грамматическая структура в английском языке характеризуется определенным, за ней закрепленным порядком слов. Фиксированный порядок слов может указывать не только на сам факт связи, но и выразить определенные синтаксические значения, т.е. индексировать характер связи. По словам С.Д. Канцельсона, порядок слов является "основной формой обнаружения основных синтаксических позиций" в беспадетных языках, к разряду которых относится и английский (3, с.64). Помимо дифференциации подлежащего и дополнения, дополнения пред-

мого и косвенного в предложении, порядок слов в английском предложении, как утверждает А.И.Смирницкий, играет существенную роль и в установлении связи между определенным и определяемым [4, с. 66]. При этом особенностью английского языка, в котором согласование почти полностью утрачено, является тот факт, что в данном случае порядок слов выступает в качестве единственного, не осложненного другими моментами, грамматического средства для выражения этого типа связи. С этой точки зрения значимым представляется и позиционное расположение элементов в структурированных атрибутивных словосочетаниях.

Коммуникативная адекватность исследуемых построений, как и любых других грамматических структур английского языка, говорит о том, что связи между их элементами осмысляются однозначно, очевидно потому, что они оформлены определенным порядком следования. Другими словами, структурированное атрибутивное словосочетание должно иметь определенный словопорядок, который не только подчеркивает наличие связей между его элементами, но и указывает на характер этих связей.

Экспериментальное исследование структуры данных словосочетаний с помощью трансформаций на опущение или перестановку элементов показало, что последние отличаются позиционной устойчивостью и не допускают таких трансформаций без нарушения адекватности исходной структуре.

Например:

a phosphorus-containing fat

- * a containing fat
- * a phosphorus fat
- * a containing phosphorus

В данном словосочетании предикатное слово ^{fat} containing может иметь только переходное значение и, следовательно, не способно выступать в качестве самостоятельного атрибута к определяемому слову. Его употребление без зависимого компонента phosphorus, связанного с ним объектным отно-

шением, делает последовательность *a containing fat структурно и семантически недостаточной, не говоря уже о ее неадекватности исходному словосочетанию. Последовательность *a phosphorus fat также не адекватна исходному построению. Значения слов phosphorus и fat не предполагают сами по себе отношение включения первого во второе, выраженное эксплицитно предикатным словом containing в исходной конструкции. Поэтому их соположение в результате опущения предикатного слова не дает однозначно осмысленного сочетания. К тому же нет смысла использовать препозитивное существительное для обозначения названного отношения, если в английском языке имеется прилагательное с соответствующим значением: phosphorus - relating to or containing phosphorus [5, с.638]. В результате перестановки слов phosphorus и containing получается последовательность *a containing phosphorus fat, где объектное отношение между переставленными словами оформлено словопорядком, свойственным структуре с правым /в правую сторону/ порядком развертывания, что само по себе свидетельствует о неадекватности данной последовательности исходному словосочетанию. К тому же разрушается связь предикатного слова с определяемым существительным. Последнее не может занимать в структуре с правым словопорядком данную /типичную для обстоятельства/ позицию, т.е. происходит нарушение принципа категоризации¹. Иная интерпретация данной последовательности исключается, поскольку предикатное слово containing, как уже отмечалось, имеет только переходное значение. Из этого следует, что последовательность *a containing phosphorus fat не адекватна исходному построению и грамматически не отмечена.

Позиционная устойчивость элементов структурированных

¹ Здесь имеет место нарушение правильности грамматической структуры, связанное с нарушением принципа субкатегоризации. О трех степенях нарушения правильности грамматической структуры в результате несоблюдения принципов категоризации, субкатегоризации и селекции см.: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. - М.: Изд-во МГУ, 1972.

атрибутивных словосочетаний с левым порядком развертывания позволяет говорить об определенной стереотипности поверхностно-синтаксической структуры данных словосочетаний: *The tobacco-smoking audience; a silk-printing company; a sun-resisting plant; the wool-producing countries;*

paint-spraying machines и т.д. Во всех приведенных примерах повторяется одна и та же последовательность элементов влево, а именно: определяемое существительное, выступающее в функции субъекта по отношению к предикатному слову, предикатное слово и существительное, связанное с предикатным словом объектным отношением. Поскольку соположение слов значимо, вполне естественно предположить, что в данных конструкциях происходит закрепление определенных позиций за их элементами и оформление таким образом грамматических связей между ними. В таком случае поверхностно-синтаксическую структуру исследуемых словосочетаний можно представить следующим образом /счет позиций ведется влево/:

I позиция - определяемое существительное, связанное с предикатным словом во II позиции субъектным отношением; III позиция - существительное, реализующее с предикатным словом объектное отношение; IV позиция /заполняется редко/ - наречие, связанное с предикатным словом обстоятельственным отношением образа действия. Если предикатное слово соотносится с непереходным глаголом или глаголом движения, то в третьей позиции также выступает наречие в функции обстоятельства образа действия, места или времени или существительное в той же функции, например: *a long-standing policy; a church-going woman; brightly-burning lamps* и т.п.

Иное распределение позиций имеет место в конструкциях с причастием II, обладающим пассивным значением, например: *the frost-hardened earth; the leaf-covered lawn; a storm-tossed ship; the partisan-controlled regions; government-subsidized units; a wind-driven plant; the German-occupied Rovno region* и т.п. I позицию в такого

рода словосочетаниях занимают существительные, связанные с предикатным словом во II позиции объектным отношением, а III позицию - существительные, реализующие с предикатным словом субъектное отношение. В этой же позиции может выступать наречие или существительное, связанное с предикатным словом обстоятельственным отношением места, времени или образа действия, например: a long-deserted garden; the summer-tilled land; school-learned rules; farm-fod hay; roughly-dressed timbers и т.д.

Аналогичное распределение позиций наблюдается и в словосочетаниях с причастием I [7], значение которого подразумевает пассивный характер совершенного действия (медиальный залог), например: best-selling cars (books, drugs); our rapidly expanding business; quick-changing sets и т.п.

Иную модель представляют собой конструкции с причастием II, имеющим активное значение и обозначающим своей формой направленность действия на его же субъект, т.е. возвратность действия, например: the Monaco-based group; the far-flung settlements; a long-established London dealer; the splendidly dressed occupants и т.д. Во всех приведенных примерах определяемые существительные в I позиции по отношению к предикатному слову во II позиции выступают в функции субъекта и объекта одновременно. III позицию в таких словосочетаниях занимает наречие или существительное в обстоятельственной функции места, времени или образа действия.

Отдельную группу образуют также словосочетания с определяемым словом, обозначающим время, место или средство осуществления какого-либо действия, выраженного предикатным словом. Последнее в конструкциях такого рода вы-

стует в форме герундия^I или отглагольного существительного. Например: the crop-growing seasons; transport question time (in the Commons); race-horse training yards; a plant exhibition hall; the shoe-fitting stools; the gas-extracting facilities; information transmission medium и т.д. III позицию в словосочетаниях такого рода занимает существительное, связанное объектным отношением с предикатным словом.

Таким образом, английские структурированные атрибутивные словосочетания, имеющие несколько моделей построения, представляют собой один из способов реализации логико-синтаксических отношений, которые, как и в традиционном английском предложении, оформляются с помощью порядка слов.

Л и т е р а т у р а

1. См.: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972; Долинина И.Б. Вопросы функционального и линейного синтаксиса: Синтаксический анализ и проблема представления структуры предложения. - М.: Изд-во ИРЯ АН СССР, 1973. - Ч. 2; Чейф У.Л. Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975; Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1977; Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. - М.: Высш. школа, 1981 и др.
2. На трансформационную соотносимость такого рода конструкций с предложениями указывают также Р.Б.Лиз и Б.Хейтвэй, см. Lees R.B. The Grammar of English

^IМорфологический статус -ing формы /причастие I/ в данном случае актуализируется наречием, сочетание которого с герундием в структурированных атрибутивных словосочетаниях не характерно. В целом, причастие I употребляется в тех конструкциях, где определяемое существительное связано с предикатным словом субъектным отношением. Во всех остальных случаях употребляется герундий.

- Nominalizations. - In: International Journal of American Linguistics, vol.26, No 3. - Bloomington, 1960;
- Hatheway B. A Transformational Syntax: A Grammar of Modern American English. - N.Y., 1967.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972.
 4. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957.
 5. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Oxford: University Press, 1978.

М.А.Бреде
Рига

НОВЫЕ ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ СОНАНТОВ ЛАТВИЙСКОГО ЯЗЫКА

За последнее время возросло число исследований просодической природы звукового строя языка. Выявление просодических характеристик - частоты основного тона, длительности, интенсивности - служит для описания звуковой стороны языка в синтагматическом плане.

В фонетических исследованиях неоднократно указывалось на необходимость учета не только результатов объективного анализа, полученных с помощью инструментальных методов, но также и субъективного анализа, основанного на восприятии носителя языка. "Обращение к тому, что информативно в речевом сигнале для носителя языка, учет данных слуховой идентификации объекта исследования, а также последующая корреляция данных физического (объективного) и перцептивного (субъективного) харак-

тера приводит *mutatis mutandis* к оптимальному решению поставленной задачи." [1, с. 87].

В латышской фонетической литературе имеются отдельные сведения о восприятии одной из акустических характеристик — длительности сонантов [4, 5]. В этих исследованиях аудиторам были предъявлены сонанты в словесном контексте с определенными соотношениями по длительности.

В ходе настоящего исследования была предпринята попытка проверить соответствие между темпоральными характеристиками и интенсивностью сонантов на акустическом и слуховом уровнях.

Для аудитивного анализа была отобрана небольшая часть экспериментального материала (17 слов), который послужил основой для акустического анализа сонантов в различных позициях слова (в начале и в абсолютном исходе односложного слова, в конечной позиции односложного слова перед последующим согласным и в интросложной позиции двусложного слова). Слова выбрались после того, как были получены результаты акустических исследований, и они представляют наиболее характерные случаи значимого расхождения между значениями длительности и интенсивности сонантов в исследуемых позициях слова.

В работе выдвигается гипотеза, согласно которой не все различия по наиболее информативным акустическим характеристикам сонантов — длительности и интенсивности — фиксируются носителями языка. Как было отмечено, в предыдущих исследованиях по восприятию латышского консонантизма согласные предъявлялись аудиторам в словесном контексте. В данном случае поставленная цель опровергла выбор специальной методики с использованием электронного сегментатора конструкции ЛЮПИР МПШИЯ им. М.Тореса. В результате подготовки материала для прослушивания аудиторам были предъявлены сегменты-стимулы, соответствующие сонантам вне фонетического контекста в следу-

ющих парах:

1) [t] - [t]	([t]uks: - pi[t]) ;
2) [t] - [t]	(pi[t] - pi[t]s) ;
3) [t] - [t]	(pi[t] - pi[t]le) ;
4) [m] - [m]	([m]ac: - ka[m]) ;
5) [m] - [m]	(ka[m] - 'ka[m]a) ;
6) [m] - [m]	(m[im]s - d[um]) ;
7) [n] - [n]	([n]aks - ma[n]) ;
8) [n] - [n]	(ma[n] - do[n]s) ;
9) [n] - [n]	(t[im] - t[im]a) ;

В трех случаях в представленные пары были включены сонанты латышского и английского языков:

1) [l] - [l]	(pi[l] - pi[l]) ;
2) [l] - [l]	([l]uks: - [l]uks) ;
3) [l] - [l]	(pi[l]le - 'pi[l]le) ;

В соответствии с целью исследования были поставлены конкретные задачи: 1) выявление соотношения между длительностью сонантов в сопоставляемых стимулах-парах; 2) выявление соотношения между интенсивностью сонантов в предъявляемых стимулах-парах; 3) определение фонетического качества идентифицируемых сонантов.

Сопоставление объективных данных с результатами аудиторского анализа, определяющего соотношение по длительности и интенсивности сонантов латышского языка сводится к следующему (см. табл. I):

1) длительность стимулов, соответствующих сонантам, воспринимается соответственно объективным данным (44,5 %);

2) соотношение между длительностью обоих стимулов в восприятии auditors совершенно отличается от объективных данных (33,3 %);

ТАБЛИЦА I. Результаты аудиторского анализа латвских сонантов по ориентации на их количественные и энергетические характеристики

№	Сегменты-стимулы	объективное соотношение по длительности	субъективное соотношение по длительности			объективное соотношение по интенсивности	субъективное соотношение по интенсивности		
			аудитор I	аудитор II	аудитор III		аудитор I	аудитор II	аудитор III
1.	[l]-[l]	<	>	>	>	>	>	>	>
2.	[l]-[i]	>	=	=	>	=	<	>	<
3.	[l]-[l]	>	>	>	>	>	=	>	>
4.	[s]-[m]	<	<	>	>	>	>	>	>
5.	[m]-[m]	>	=	>	>	<	=	<	<
6.	[m]-[m]	<	<	<	<	=	>	<	<
7.	[n]-[n]	<	=	>	>	>	=	>	<
8.	[n]-[n]	>	>	>	>	>	>	>	>
9.	[n]-[n]	>	>	>	>	=	<	<	>

3) соотношение, выявленное между длительностью обоих стимулов, частично совпадает с объективными данными (22,2 %); в нескольких случаях различие по длительности аудиторам: не воспринимается.

Хорошо воспринимается соотношение по длительности между сонантами в абсолютном исходе односложного слова и в интервокальной позиции двусложного слова, а также в абсолютном исходе и в конечной позиции перед последующим согласным. При сопоставлении характера восприятия длительности сонантов [l], [m], [n] в начале и в конце односложного слова было обнаружено, что во всех случаях как наиболее длительный воспринимается сонант в начальной позиции, а не в конечной, как этого следует ожидать согласно объективным значениям длительности. По данным объективного анализа в начальной позиции сонантов отмечен наибольший уровень интенсивности. Следовательно, в этой позиции интенсивность играет ведущую роль при распознавании различий между стимулами: наиболее интенсивные стимулы-сонанты воспринимаются аудиторам как наиболее длительные.

Относительно интенсивности отмечены следующие случаи:

1) результаты аудирования совпадают с объективными данными интенсивности (33,3 %), в основном, соотношение по интенсивности между стимулами в начальной и конечной позициях слова;

2) результаты аудирования отличаются (33,3 %);

3) результаты аудирования частично совпадают с объективными данными (33,3 %).

Аудиторы не воспринимают реального соотношения по интенсивности сонантов [l], [m] в абсолютном исходе односложного слова и в конечной позиции перед последующим согласным. Результаты слуховой идентификации сонантов указывают на лучшую распознаваемость в начальной позиции слова (см. табл. 2), как и в английском языке [3].

ТАБЛИЦА 2. Результаты слуховой идентификации сонантов [l], [m], [n] в латышском языке

№	Сегменты-стимулы	стимулы в восприятии аудиторов		
		аудитор I	аудитор II	аудитор III
1.	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] -
2.	[l] - [l]			
3.	[l] - [l]	[r] - [r]		
4.	[m] - [m]	[m] - [m]	[m] - [m]	[m] -
5.	[m] - [m]			
6.	[m] - [m]	[m] -	[v] - [v]	[m] - [m]
7.	[n] - [n]	[l] - [l]	[l] -	[n] - [n]
8.	[n] - [n]			
9.	[n] - [n]			- [o.]

Это особенно относится к сонантам [l] и [m]. Сонант [n] в этой позиции воспринимается и как [l]. В остальных позициях сонанты либо совсем не воспринимаются в качестве определенных звуков речи, либо воспринимаются как другие звуки. Настоящие результаты подтверждают вывод о том, что "...информация о каждой фонеме заключена не только в одном звуке речи, но также и в соседних с ним звуках [2, с. 166].

Сопоставление объективных данных с результатами аудиторского анализа в отношении длительности и интенсивности сонантов в латышском и в английском языках показано в таблице 3.

ТАБЛИЦА 3: Результаты аудиторского анализа латышских и английских сонантов по ориентации на их количественные и энергетические характеристики

№	Сегменты-стимулы		Объективное соотношение по длительности	Субъективное соотношение по длительности		
	Л	А		аудитор I	аудитор II	аудитор III
1.	[l] - [l]		<	<	>	<
2.	[l] - [l]		=	=	>	=
3.	[l] - [l]		<		<	<
			Объективное соотношение по интенсивности	Субъективное соотношение по интенсивности		
				аудитор I	аудитор II	аудитор III
1.	[l] - [l]		>	=	<	<
2.	[l] - [l]		>	>	>	>
3.	[l] - [l]		<	<	<	<

В большинстве случаев сопоставление сонанта [l] в латышском и в английском языках показало правильное соотношение между длительностью сонантов в указанных позициях в восприятии. Соотношение по интенсивности хорошо воспринимается в начале слова и в интервокальной позиции и, в соответствии с объективными данными, не воспринимается в конце слова, то есть проявляется та же тенденция, что и в восприятии сонантов в латышском языке.

Результаты идентификации сонанта [l] в обоих языках на данном материале в большинстве случаев соответственно показывают фонетическое качество сонантов (см. табл. 4).

ТАБЛИЦА 4. Результаты слуховой идентификации сонанта в латышском и английском языках

№	Сегменты-стимулы		Стимулы в восприятии аудиторов		
	Л	А	аудитор I	ауди. ор II	аудитор III
1.	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] - [l]	- [l]	- [l]
2.	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] - [l]
3.	[l] - [l]	[l] - [l]	[l] - [l]		- [m]

На основании представленных данных можно сделать следующие выводы:

- 1) длительность сонантов [l], [m], [n] в латышском языке лучше всего воспринимается в сопоставлении следующих позиций: абсолютного исхода односложного слова - интервокальной позиции двусложного слова, абсолютного исхода односложного слова - конечной позиции односложного слова перед последующим согласным;
- 2) интенсивность сонантов в латышском языке воспринимается в соответствии с объективными данными: начальной и в конечной позициях слова;
- 3) в начальной позиции слова сонанты, характеризующиеся наибольшим уровнем интенсивности, воспринимаются как наиболее длительные в сопоставлении с конечной позицией слова (что противоположно объективным данным);
- 4) в сопоставляемых позициях с наименьшим уровнем интенсивности сонантов (в абсолютном исходе односложного слова и в конечной позиции перед последующим согласным) различие по интенсивности воспринимается неявно;
- 5) различие по длительности латышского и английского сонанта [l] в различных позициях слова воспринимается сравнительно четко;
- 6) фонетическое качество сонантов лучше всего идентифи-

цируется только в начальной позиции;

7) результаты аудитивного анализа подтверждают значимые различия между значениями длительности (в абсолютном исходе односложного слова и в интервокальной позиции двухсложного слова, в абсолютном исходе односложного слова и в конечной позиции перед последующим согласным) и интенсивности сонантов (в начале и конце односложного слова).

Итак, если различия по длительности и интенсивности сонантов воспринимаются носителями языка, можно сделать вывод о их релевантности в акте коммуникации. Предъявление соответствующих сонантов сегментов-стимулов в сингарном виде предотвращает возможность некорректной интерпретации сигнала по индивидуальному порогу физической громкости (каждый стимул не ниже величины физиологической константы по длительности воспринимаемого звука - 60 мсек).

Л и т е р а т у р а

1. Потапова Р.К. О типологических особенностях слова. - В кн.: Распознавание образов. М., 1976, с. 60-67.
2. Чистович Л.А. Речь: Артикуляция и восприятие. - М.; Л.: Наука, 1965. - 241 с.
3. Byers V.W. Intelligibility of initial versus final consonants in monosyllabic words. - J. Acoust. Soc. Am., 1973, vol. 53, N 1, p. 328.
4. Liepa E. Skanēņu kvantitāte. - LVU Zin.raksti, 1970, 98. sēj., 39-38. lpp.
5. Vecozola M. Sonantu kvantitāte mūsdienu angļu un latviešu literārajā valodā. - LVU Zin.raksti, 1976, 248. sēj., 3-12. lpp.

А.Г. Рейсберг

Рига

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ

Проблема стилистического использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи представляет большой научный и практический интерес. В предлагаемой статье рассматривается использование ФЕ в заголовках периодических изданий на латышском языке 80-х годов. В 80-х годах наблюдается тенденция к резкому расширению окказионального использования ФЕ в текстах печати вообще и в заголовках в частности. Это объясняется повышенными требованиями к эффективности печатного слова и поисками средств для увеличения экспрессивности и информативности газетного языка.

В данной работе используется понятие ФЕ разработанное А.В.Куниным (1, с.210). Следуя дефиниции, ФЕ имеет два свойства - раздельнооформленность и семантическую двупланность. Эти свойства играют ведущую роль при использовании ФЕ в речи.

Как известно, ФЕ в речи можно использовать узуально и окказионально. При окказиональном использовании ФЕ наблюдается дополнительный стилистический эффект, повышенная экспрессивность, порожденные контрастом между исходной формой ФЕ и ее окказиональным употреблением.

Окказиональное использование ФЕ, хотя и является отступлением от языковой системы и нормы, имеет, однако, системный характер в речевом использовании (1, с. 187 ; 2, с. 36) и речевую нормативность (3, с. 36).

Существует целый ряд приемов окказионального использования ФЕ, впервые выявленных А.В.Куниным (4). Эти приемы различны, но образуют систему на уровне языка (5, с. 52), они воспроизводимы - "принципы и приемы окказионального изменения ФЕ, основные разновидности этих приемов исторически вос-

производимы, хотя и реализуются они по-разному (3, с. 42.).

Все элементарные случаи окказионального использования ФЕ средствами этих приемов можно разделить на два типа: 1) семантические преобразования ФЕ, 2) структурно-семантические преобразования ФЕ. При семантических изменениях структура ФЕ не затрагивается, но ФЕ подлежит обыгрыванию. При структурно-семантических преобразованиях изменяется структура ФЕ и вследствие этого и семантика (5, с. 85.).

Наши наблюдения показывают, что в заголовках особенно часто употребляются приемы, связанные с контекстуальной редукцией компонентного состава ФЕ. Такие структурно-семантические преобразования обусловлены спецификой газетного стиля и требованиями к заголовку.

Какова же эта специфика? Язык газет почти всегда отражает борьбу противоположных тенденций - красоты и стандарта, экспрессивного и лаконичного. Особенно это касается заголовков, которые должны быть и лаконичны, и содержательны, и экспрессивны.

Бесконечное употребление даже самых выразительных ФЕ в конце концов приводит к потере свежести, экспрессивности и к возникновению штампов и клише. Отсюда и наблюдаемое тяготение к окказиональному изменению ФЕ, актуализация средств выражения. Окказиональное использование ФЕ дает возможность сделать заголовки выразительными, привлечь внимание читателя, придать новур экспрессивную окраску и заголовку, и всему тексту. Если еще принять во внимание то, что все приемы редукции экономичны, то понятно, почему они в последнее время так часто используются.

Редукция компонентного состава рассмотрена И. Л. Тадриным, который выделяет следующие приемы контекстуального сокращения ФЕ:

- а) опущение отдельных компонентов,
- б) употребление словосочетаний, представляющих собой начальный, средний или конечный фрагмент фразеологической единицы,

в) использовании лишь отдельных образных компонентов (6, с. 159.).

Соглашаясь с общими теоретическими выводами Н.Л. Щадрина относительно редуции, мы, однако, считаем, что последний прием скорее является аллюзией, а первые два следует определять как эллипсис. Мы также предлагаем еще один прием редуции - фразеологическое умолчание (ароміорезія). Все эти приемы объединяет то, что во всех случаях редуцирована исходная форма ФЕ, приемы выполняют реминисцентную функцию (6, с. 160.), однако между ними есть и отличия, которые мы рассмотрим на конкретном речевом материале.

Фразеологический эллипсис: мы обращаем внимание только на окказиональный эллипсис, поскольку эллипсис узусуальный представляет собой явление лексическое и особых стилистических функций в речи не выполняет. Сущность фразеологического эллипсиса заключается в намеренном отсечении и устраниении отдельных компонентов ФЕ, при сохранении лексико-семантического остова оборота. Опускается все второстепенное в семантическом отношении, однако ФЕ и в ее сокращенном виде способна передать свойственный ей смысл. При изменении объема плана выражения не изменяется объем плана сдержанности, а экспрессивность ФЕ повышается. По нашему мнению, главная функция и цель фразеологического эллипсиса - экономия речевых средств, при сохранении образности и полного фразеологического значения оборота. С точки зрения стилистики за счет редуции возникает напряжение и в какой-то мере эффект недоговаривания, на счетной недосказанности (7, с. 44.). Однако нам кажется, что последнее в большей степени характерно для умолчания, чем для фразеологического эллипсиса.

Однако ясно, что фразеологический эллипсис имплицитно создает дополнительную стилистическую информацию в речи и, благодаря реминисцентной функции приема, читатель воспринимает в сознании исходную фразеологическую формулу.

Стилистический эффект зависит во многом и от того, какой компонент ФЕ отсутствует. Чем важнее роль отсутствующего компонента в семантическом построении ФЕ, тем больше стилистический эффект.

izlist saur adatas aci

Saur adatas aci - lideros. (P.J. 19.10.1984.)

В этом заголовке отсутствие глагола не создает особого стилистического эффекта, и читатель моментально понимает смысл заголовка. Здесь на первый план выходит функция энонимии.

Udens smelas mutē

Kad smelas ušons, tad vrelē. (P.J. 27.10.1984.)

В этом примере при отсутствии одного из ключевых элементов ФЕ на первый план выходит стилистическая функция приёма.

По нашим наблюдениям в заголовках эллипсису обычно подвергаются немногочисленные ФЕ, чаще всего 2-, 3-, 4-компонентные. Эти наблюдения схожи с данными по фразеологии украинского языка (С, с. 20).

Фразеологическое умолчание (ароміорозія) в отличие от фразеологического эллипсиса, умолчание как приём окказионального использования ФЕ практически не изучен. Под фразеологическим умолчанием мы понимаем намеренный обрыв ФЕ, сопровождаемый стилистическим эффектом недосказанного и имплицитно напоминающий исходную форму ФЕ. Если в случае фразеологического эллипсиса автор не намекает на то, что используется приём окказионального изменения, то при фразеологическом умолчании это обычно выражено эксплицитно - графически (многоточие, тире). Автор как бы открыто намекает на то, что он не договаривает до конца, сосредотачивая внимание читателя на невсказанном. Таким образом, внимание читателя привлекается к последующему тексту, где обычно дается полная информация, которая снимает напряжение, созданное приемом. Эффект недомолвки намного сильнее, чем при эллипсисе, и его можно считать главной стилистической

функцией приема. Конечно, и в случае фразеологического умолчания имеет место экономия языковых средств.

Этому приему обычно подвергается многокомпонентные ФЕ, очень часто пословицы и поговорки.

Tie paši vēži, tikai citā kultūrē.

Tie paši vēži ... (P.J. 8.5.1984.)

Kad vilks aitās, par vēlu barot suni.

Kad vilks aitās ... (R.B. 25.3.1981.)

Kas neriskē, tas nevinņē.

Kas neriskē, tas ... (P.J. 1.2.1985.)

Еще дальше по пути редукции идет прием фразеологической аллюзии. Фразеологическая аллюзия (намек) является ссылкой, намеком на известную читателю ФЕ. Она осуществляется употреблением в тексте одного или нескольких компонентов ФЕ, имитацией структуры ФЕ или намеком на образ ФЕ. В употреблении аллюзии самым ярким образом проявляется взаимодействие между ФЕ и контекстом, который выявляет имплицитные компоненты. Что касается заголовков, то зачастую раскрыть их смысл без помощи контекста невозможно. Это обычно имеет в виду автор, помещая аллюзию в самом композиционно важном месте - в заголовке, заставляя этим читателя прочитать всю статью. Таким образом, текст компенсирует недостаточность информации, заложенной в заголовке, он полностью актуализирует ФЕ, а заголовок выступает как отправная точка развертывания статьи, часто раскрывая позицию автора. Фразеологическая аллюзия в заголовке, которая раскрывается на всем протяжении текста, называется сквозной (термин Мамаевой (9, с. 19) .

maisam gals valē

Pipķerēšanās ar maisa galu. (P.J. 8.5.1984.)

noликт kādu uz lāpstinām

Nepatīkamā lāpstīņu problēma. (S. 30.1.1985.)

izlaist džinu no krūkas

Džins palika krūkā. (S. 8.1.1985.)

Наряду с элементарной аллюзией в заголовках часто встречаются сложные приемы окказионального использования ФЕ, включающие в свой состав аллюзию. Как известно, сложные приемы разделяются на две группы: осложненные приемы, в которых один ведущий прием осложняется другим, и конвергентные приемы, в которых невозможно выделить главный прием (З, с. 178.).

Так, заголовок *Bez punkta uz "i"*. (P.J. 6.11.1984.) является аллюзией на ФЕ uz punktu uz "i" (ставить точку над "и"). Однако в статье говорится о последнем матче в чемпионате, который должен был "ставить точку над "и". Но игра закончилась вничью, и наша команда не получила и одного очка (в латышском языке слово "punkts" является полисемантическим и означает и "точку", и "очко"), поскольку был превышен лимит ничьей. Так вместе с аллюзией в заголовке употреблен прием двойной актуализации, и мы имеем дело с конвергентными сложными приемами, так как выделить ведущий прием невозможно.

Как пример осложненных преобразований проанализируем следующий заголовок.

Pirnie kucēni "Mistral" dīkt... (Sports 2.10.84.).

Здесь аллюзия на ФЕ "pirnie kucēni iēstā" осложнена развернутой метафорой, окончание которой находится в самом конце статьи - "Tomēr jāteic, ka īdenī iēstēti kucēni spirinājās itin pīri". Таким образом, приемы окказионального употребления обладают текстобразующей и композиционно-организующей функциями.

Эти три приема ни в коей мере не исчерпывают весь арсенал приемов окказионального использования ФЕ, применяемых в заголовках. Эти приемы открывают новые возможности для использования экспрессивно-стилистических свойств ФЕ. Изучение особенностей окказионального использования ФЕ дает возможность выделить сферы применения тех или иных приемов, их

стилистические свойства, а также выработать практические рекомендации для журналистов.

Принятые сокращения названий газет

P.J. - Padomju Jaunatne

R.B. - Rīgas Balsa

S. - Sports

Л и т е р а т у р а

1. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). - М., 1970.
2. Кунин А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе. - Учен. зап. МГПИИЯ им. М.Тореза. М., 1976, вып. 10.
3. Начисчионе А.С. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж.Чосера): Дис... канд. фил. наук. М., 1976.
4. Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики. - В кн.: Тезисы конференции "Проблемы лингвистической стилистики". М., 1969.
5. Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов. - В кн.: Лингвистические исследования. М., 1973. - Ч. II.
6. Шадрин Н.Л. Контекстуальная редукция фразеологических единиц и передача ее семантико-стилистических функций в переводе. - В кн.: Лексикологические основы стилистики. Л., 1973.
7. Камбарова З.А. Разложение фразеологических единиц в изложении английской газеты. - Учен. зап. МГПИИЯ им. М.Тореза. М., 1976, вып. 94.
8. Гнатук И.С. Трансформация традиционных фразеологизмов в

языке современной украинской художественной прозы:

Автореф. дис... канд. филол. наук. - Киев, 1982

9. Мамлева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллитгии. Автореф. дис... канд. филол. наук. - М., 1977

В.А. Гуртая
Рига

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ
ПРИРОДЫ ГЛУХИХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ ЛАТВИЙСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ

Исследования просодии текста в современной литературе, посвященной проблемам звучащей речи, занимают значительное место. В большой степени это обстоятельство связано с увеличением объема информации, получаемой человеком через устные средства информации - радио, телевидение, установки записи и воспроизведения устной речи.

В последнее время в промышленную эксплуатацию вносятся системы автоматической синтезированной речи, что существенно увеличивает объем передаваемой речевой информации. К важнейшим прикладным задачам изучения просодии относится также активно развивающаяся область - машинный перевод устной речи. Это далеко не полный перечень прикладных задач, требующих теоретической разработки рассматриваемой проблемы.

В этой связи немаловажным оказывается вопрос о функциях просодии, единицах просодии, средствах просодии. В самом общем виде функциями просодии являются: оформление звучащей речи с помощью супraseгментных средств; членение ее на отрезки, равные слогу, фонетическому слову, синтагме, фразе, фокоабзацу. Акустическими средствами реализации указанных единиц служат частота тона, интенсивность, длительность, пауза. Вместе с тем важную функцию выполняют акусти-

ческие характеристики сегментов.

Просодии на уровне ее акустического описания представляют сложное явление. Просодическое оформление высказывания и просодическая организация всего текста предиктовалась прежде всего типом текста, целевой установкой его реализации.

Данная статья представляет собой экспериментально-фонетическое исследование глухих шумных согласных современного латышского языка (в сопоставлении с английским). На данном этапе развития фонетических знаний консонантизм современного латышского литературного языка остается сравнительно мало изученным. Абсолютно не исследован экспериментально консонантизм латышского языка в сопоставлении с консонантизмом других языков. В то же время известно, что обращение к акустической природе согласных на материале различных языков помогает не только глубже проникнуть в существо исследуемого явления, но и определить своеобразие каждого из объектов исследования. Дополнительно в работе использован аналогичный материал в области английского консонантизма, что было необходимо для выявления специфики основного объекта исследования — латышского консонантизма.

В ходе исследования была выдвинута основная гипотеза, которая формулировалась следующим образом: латышским глухим шумным согласным присуще позиционное и контекстуальное варьирование просодических характеристик, которые образуют относительно стабильные зоны значений.

Для выявления акустических характеристик глухих шумных согласных (длительности и интенсивности), в качестве эксперимента взяты слова в латышском и английском языках с ударением на первый слог. Анализируемые интервокальные глухие шумные согласные в обоих языках находились в одинаковом фонетическом контексте — в отдельных словах, во фразах и в тексте — максимально близком по своему сегментному составу.

Работа проводилась в ЛЭФ МПНИИ им. М.Тореза.

Сравнение данных по длительности и интенсивности проводилось с учетом следующих факторов:

1. Анализировалась длительность и интенсивность глухих шумных согласных в интервокальной позиции на материале двухсложных слов с дифференциацией по месту и способу образования:

$[t], [k], [k], [c], [c], [s], [s] - [p], [t], [k], [s], [s], [t]$

2. Анализировалась длительность и интенсивность интервокальных согласных в двухсложных словах, где исконному согласному предшествовали ударные гласные, относящиеся к группе узких и к группе широких гласных;

3. Анализировалась длительность и интенсивность интервокальных глухих шумных согласных в двухсложных словах, произнесенных во фразах и в тексте.

В ходе проведения акустического анализа были получены определенные результаты. Исследование глухих шумных согласных показало, что согласные отличаются друг от друга по целому ряду акустических параметров. Согласно поставленной задаче необходимо было установить:

1. Зависимость изменения длительности и интенсивности согласных от места и способа их образования, например, $[p], [t], [k]$.

а) дифференцированно для латвийского и английского языков,

б) в сравнительном плане.

2. Зависимость изменения длительности и интенсивности согласных от качества фонетического контекста:

а) дифференцированно для латвийского и английского языков,

б) в сравнительном плане.

3. Зависимость изменения длительности и интенсивности согласных от позиции во фразе.

4. Зависимость изменения длительности и интенсивности

согласных от положения фразы в тексте.

В ходе исследования было установлено:

- а) по способу образования наиболее длительными являются аффрикаты и щелевые;
- б) по месту образования наиболее длительными являются глухие шумные согласные переднеязычного образования;
- в) после широких ударных гласных длительность интервокальных глухих шумных согласных в латышском языке отличается тенденцией к увеличению значений по сравнению с длительностью тех же согласных после узких ударных гласных;
- г) в английском языке длительность интервокальных глухих шумных согласных возрастает у согласных, следующих за краткими ударными широкими гласными, но существенно не отличается от длительности соответствующих согласных после кратких ударных узких гласных.

В латышском языке наблюдается зависимость длительности глухих шумных согласных от их позиции во фразе. Наблюдается тенденция к постепенному нарастанию длительности анализируемых согласных в направлении от начала фразы к ее концу. Длительность глухих шумных согласных, произнесенных в конце фразы, приближается к длительности соответствующих глухих шумных согласных в составе изолированно произнесенных слов.

Таким образом, можно констатировать:

1. Наблюдается тенденция к позиционному изменению длительности согласных.

2. Для латышского языка характерно более существенное увеличение длительности глухих шумных согласных в конечной позиции по сравнению со степенью увеличения длительности соответствующих согласных в английском языке.

3. Для латышского языка характерна тенденция относительной стабильности значений длительности анализируемых согласных для начальной и срединной позиций, что не характерно для английского языка.

4. Длительность глухих шумных согласных, произнесенных

во фразах в тексте, отличается от длительности соответствующих согласных, произнесенных в словах и фразах, в сторону компрессии.

5. Длительность глухих шумных согласных латышского и английского языков обнаруживает одинаковую тенденцию в сторону уменьшения в зависимости от увеличения слоговой длины высказывания.

6. Длительность латышских глухих шумных согласных во фразах в тексте больше, чем длительность соответствующих согласных английского языка.

7. В тексте длительность латышских глухих шумных согласных претерпевает большие изменения в сторону компрессии чем длительность соответствующих английских согласных. (см. табл. I, 2).

В результате анализа уровня интенсивности исследуемых согласных можно сделать следующие выводы:

1. Наблюдается зависимость изменения уровня интенсивности глухих шумных согласных от способа и места их образования.

2. Наблюдается зависимость изменения уровня интенсивности глухих шумных согласных от одностороннего фонетического контекста.

Уровень интенсивности глухих шумных согласных, следующих после узких гласных, выше, чем уровень интенсивности тех же глухих шумных согласных, следующих после широких ударных гласных.

3. Наблюдается прямая связь между изменениями длительности и интенсивности: чем выше интенсивность глухого шумного согласного, тем он длиннее.

Таким образом, к числу регулярных явлений следует отнести позиционные изменения длительности анализируемых согласных, связь между длительностью и интенсивностью, зависимость длительности от способа и места образования согласных, зависимость длительности согласных от места пред-

шествующего ударного гласного. К числу специфических фонетических признаков следует отнести: большую длительность и интенсивность латышских глухих шумных согласных по сравнению с английскими согласными. Большую степень варьирования значений длительности латышских глухих шумных согласных по сравнению с соответствующими английскими (см. табл. I, 2).

В заключение следует отметить, что результаты проведенного исследования помогают раскрыть фонетическую природу консонантизма на материале латышского языка. Результаты сопоставительного анализа акустических характеристик глухих шумных согласных латышского и английского языков помогут углубить и расширить соответствующие разделы сопоставительной фонетики данных языков.

Н.Н.Данченко, Л.Я.Орловская

Рига

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Общезвестно, что последние десятилетия развития английского языка отмечены появлением большого количества новообразований самого разнообразного характера. Среди них не последнее место занимают фразеологические неологизмы. Появление и закрепление в английском языке новых фразеологических единиц /ФЕ/ является одним из объективных показателей развития фразеологического фонда языка и свидетельством его жизнеспособности. Изучение фразеологических новообразований представляется важным аспектом лингвистических исследований, так как не только способствует развитию знаний в области самой фразеологии, но и углублению наших представлений о языке в целом.

Материал статьи составляют фразеологизмы, пополнившие фонд английского языка за последние десятилетия и зарегистрированные в Дополнении к Большому англо-русскому словарю, изданному в 1980 году [I]. Для уточнения корпуса инноваций была проведена сверка по Англо-русскому фразеологическому словарю /АРФС/ и другим лексикографическим источникам (2,3,4).

Общее количество собранного материала составляет 342 ф.е. В это число вошли как новые фразеологизмы

так и ранее известные единицы, развившие новые значения, причем первые значительно преобладают.

Фразеологические неологизмы, как правило, способствуют заполнению лакун как в сфере номинации, так и в сфере коннотации. При этом в большинстве случаев коннотация неизменно сопутствует номинации, это вытекает из самой природы фразеологизмов как выразительных средств языка. Эмоционально-оценочный компонент представляется особенно выразительным и выпуклым в тех случаях, где новообразования выстраиваются в синонимический ряд. Заслуживает внимания в этом смысле тематически продуктивное поле "умереть", "быть убитым". АРФС фиксирует, например, такие известные идиомы, как

to go beyond the veil	- отправиться на тот свет;
to go the way of all flesh	- испытать удел всего земного;
to join the (great) majority	- отправиться в лучший мир /к праотцам/;
not to make old bones	- не дожить до глубокой старости;
to pay the debt of nature	- отдать дань природе;
to shuffle off this mortal coil	- покинуть этот бренный мир

и т.д.

При сравнении обнаруживается, что большинство вошедших в словарь выражений можно отнести к эвфемизмам и

лишь незначительное количество представляет так называемый slang. Из четырех новых фразеологизмов, зафиксированных в Дополнении, два имеют помету "жарг.". Вот эти ФЕ:

to buy the farm	- /жарг./ умереть;
to call off all the bets	- /ам. жарг./ умереть;
to crease to it	- умереть;
to dine with Mohammed	- попасть на трапезу в рай.

Несомненная разговорная направленность отличает и новые фразеологизмы, выражающие понятие насильственной смерти:

to be headed for the high jump	- кончить на виселице;
to get the chop	- быть убитым;
to have had one's chips	- потерпеть поражение, быть убитым;
to make one's bones	- /жарг./ /впервые/ убить человека /по заданию банды/, боевое крещение гангстера.

Те же наблюдения справедливы в отношении других лексико-тематических групп. Отмечаемые словарем данные сообразуются с наметившейся в современной литературе тенденцией к расширению использования слов и выражений разговорного /нелитературного/ и жаргонного характера.

Подавляющее большинство ФЕ образовано путем так называемой первичной фразеологизации (5, с.147). Из приводимых А.В.Куниным шести типов первичной фразеологизации отметим лишь два самых распространенных и широко представленных в нашем материале:

I. Образование ФЕ путем переосмысления переменных сочетаний слов:

to spend a penny	- пойти в уборную;
to wing it	- а) импровизировать; б) скрыться, смяться; в) приступить к делу, начать;
then the band p'ayed	- и тогда все кончилось

2. Образование ФЕ путем переосмысления терминов или нетерминологических профессионализмов:

- in the can - а) /кино/ уже в коробке, отснятый /о готовом фильме/; готовый для демонстрации;
- straight from central casting - стереотипный, стандартный;
- to pump iron - заниматься тяжелой атлетикой; быть штангистом;
- to be (flat, thrown) on one's back - быть в безнадежном положении; его положили на обе лопатки.

Наряду с этим следует отметить наличие другой, менее обширной группы, представленной оборотами, образованными путем вторичной фразеологизации или иными словами фразеологической деривации, которая также имеет свои подвиды. Наиболее распространенным представляется первый случай, отмеченный А.В.Куниним (6, с.156), а именно вычленение ФЕ из состава более сложного фразеологизма. Из описанных автором четырех способов вычленения в собранном материале представлены первые два:

1. Обособление начальных компонентов, например, ФЕ round the table - "круглый стол, встреча за круглым столом, симпозиум, конференция", образовалась путем выделения от ФЕ round the table conference - "конференция круглого стола";

2. Обособление конечных компонентов, например, ФЕ on the table - "стоящий на обсуждении, обсуждаемый" произошла посредством вычленения от ФЕ to lie on the table - /парл./ "находиться на рассмотрении палаты /о законопроекте./".

В этой связи представляется заслуживающей внимания судьба еще одного фразеологизма. В Дополнении зарегистрирована ФЕ straight from the horse's mouth - "/сведения/ полученные из первых рук, информация вполне надежная", которая в Словаре английских идиом Лонгмана (3) отмечена

уже как в своем полном, так и усеченном варианте (straight, right) from the horse's mouth. Налицо расшатывание первоначальной формы. Первый компонент ФЕ обретает вариант и вслед за этим становится необязательным.^X

Зарегистрирован также случай опущения одного из компонентов, что возможно рассматривать как эллипсис компонентного состава фразеологической единицы. Речь идет о фразеологизме to throw a monkey into the works - "ставить палки в колеса", который отмечен в АРФС как to throw a monkey wrench into the works.

Следующим способом, хорошо представленным в нашем материале, является образование по контрасту (Б, с.160), например: to have a strong stomach - "быть небрезгливым", to have a weak stomach - "быть брезгливым; быть впечатлительным; не переносить тяжелых зрелищ; high on the hog - "щедро, не считаться с затратами", low on the hog - "экономно, прижимисто" и т.д.

Заслуживают упоминания также так называемые образования по аналогии. Например, очевидно, по аналогии с ФЕ near the knuckle - "на грани неприличия", возник неологизм near the bone - "на грани непристойного". Другой яркий пример: по аналогии с ФЕ last ditch defence - "последнее, отчаянное сопротивление" /произошла от die in the last ditch - "учереть, но не сдаться"/ образовалась новая ФЕ last ditch battle - "последняя решительная схватка".

Все вышеописанные примеры являются непосредственной иллюстрацией действия в языке таких лингвистических

^XПримечательно, что окказиональное использование допускает и дальнейшее усечение. Вспомним, к примеру, название романа Джойса Кэри "The Horse's Mouth"

принципов как экономия и аналогия, отмеченных еще Бодуэном де Куртене (7).

Наряду с процессом фразеологизации в языке происходит процесс дефразеологизации. По справедливому замечанию А.В.Кунина дефразеологизация объясняется давлением лексической системы языка (5, с.149). Процесс этот развивается весьма бурно. В.М.Жирмунский в свое время писал, что в языке происходит образование словосочетаний и противоположный процесс - их редукция в слова (8).

При переходе ФЕ в сложное слово компонентный состав фразеологизма, как правило, не меняется и фиксируется в прежнем синтаксическом порядке. Наиболее часто дефразеологизации такого рода подвергаются субстантивные, адъективные и адverbиальные фразеологизмы, причем в подавляющем большинстве случаев представляется сложным фиксировать момент дефразеологизации. Объективными показателями дефразеологизации являются слитное и дефисное написание, а также фиксация в толковом словаре в качестве заглавной единицы. Например, на основе ФЕ *pipe dream* - "несбыточная мечта, бесплодная фантазия, иллюзия, самообман" образовалось сложное слово *pipe-dream* на основе ФЕ *between maid* - "помощница кухарки или горничной" возникло сложное слово *between-maid*, от адverbиального фразеологизма *straight from the shoulder* - "с плеча, прямо, в открытую" образовалось сложное прилагательное *straight-from-the shoulder* - "прямой, открытый" и т.д.

Значительно реже наблюдается образование сложных слов от глагольных фразеологизмов. Процессу дефразеологизации в этом случае сопутствуют структурно-семантические и грамматические изменения. Например, прилагательное *mouth-watering* "аппетитный" образовано от коммуникативной ФЕ *one's (the) mouth waters* - "слюнки потекли", прилагательное *hand-to-mouth* - "эле-эле достаточный, плохо обеспеченный" образовано от глагольной ФЕ *to*

live from hand to mouth - "жить впроголодь, владеть полуголодное существование".

Количество сложных слов, образованных путем дефразеологизации, в Дополнении довольно велико, что свидетельствует о продуктивности приема.

Фразеологические неологизмы обладают самой разнообразной структурой и компонентным составом. Подавляющее большинство новообразований представлены номинативными ФЕ (92,98 % от общего числа). Коммуникативных фразеологизмов относительно немного (6,14 % от общего числа), совсем малочисленны междометные фразеологизмы (0,88 % от общего числа).

В подгруппе номинативных единиц самыми многочисленными являются глагольные фразеологизмы (57,86 %), далее следуют субстантивные ФЕ (23,27 %), третье место занимают адвербиальные фразеологизмы (10,38 %), на последнем месте в количественном отношении находятся адъективные единицы (8,49 %).

Выше уже упоминалось, что развитие фразеологического фонда языка происходит не только за счет образования новых единиц, но и посредством расширения значения ранее известных фразеологизмов. В собранном материале отмечены (всего 39) случаи новообразований путем полисемии. Почти все они развили только одно новое значение, в исключительных случаях - два, например:

to have nothing on	- АРЭС, быть голым, в голом виде; Дополнение "не иметь сведений" (особенно компрометирующих);
to get under smb's skin	- АРЭС /ам./ "действовать кому-либо на нервы"; Дополнение "овладеть чьими-либо мыслями, глубоко заинтересовать";
to be out of pocket	- АРЭС (уст) "не иметь денег"; Дополнение "потерять связь с кем-либо. утратить контакт".

Развитие новых значений отмечается также и у собственно новообразований, например, to wing it - /амер.жарг./ а) импровизировать, действовать по наитию или по обстоятельствам; б) скрыться, смыться; в) приступить к делу, начать.

Однако в целом в анализируемом материале преобладают случаи полисемии уже известных выражений.

Экстралингвистические истоки фразеобразовательных процессов проследиваются в самых различных сферах человеческой жизни. Это профессиональная фразеология политических и избирательных кампаний, например:

- jobs for the boys - /полит.жарг./ раздача доходных местечек приверженцам /победившей партии и т.п./;
- white collar crime - преступления, совершаемые "белыми воротничками", должностные преступления;
- to hit it over the fence - произвести впечатление /о речи и т.п./, донести до аудитории;
- little ladies in tennis shoes - "старушки в мягкой обуви", активистки консервативного направления; крайние реакционерки;
- at ticky wicket - затруднительное положение;
- to pump iron - заниматься тяжелой атлетикой; быть штангистом;
- to be (flat, thrown) on one's back - быть в безнадешном положении; = его положили на обе лопатки.

Язык спорта

- at ticky wicket - затруднительное положение;
- to pump iron - заниматься тяжелой атлетикой; быть штангистом;
- to be (flat, thrown) on one's back - быть в безнадешном положении; = его положили на обе лопатки.

Язык кино

- in the can - а) "уже в коробке", отснятый (о готовом фильме); готовый для демонстрации;
- straight from the central casting - б) готовый, законченный, завершенный; - стереотипный, стандартный.

Язык бизнеса

- dripping roast - "жирный кусок", доходное дело;
- top-hat budget - бюджет, выгодный имущим;
- on the money - точно в назначенное время или в назначенном месте; как из пушки и многие другие.

Обращает на себя внимание стилистическая дифференциация фразеологического корпуса словаря. Почти 13 % новообразований имеют помету "жарг.", и только 1% - "эвф". Примечателен также тот факт, что прогрессивно расширяется фразеология отрицательной оценки, например:

a man who does not make waves - "человек, ничего собой не представляющий, = звезд с неба не хватает; to die on one's feet - "накрыться, провалиться (о пьесе и т.п.); лопнуть (о предприятии и т.п.); to hand the short /dirty/ end of the stick - "обвести (подвести) (к-л), поставить (к-л) в невыгодное положение".

Невольно напрашивается вывод о том, что в современном английском языке увеличивается доля экспрессивных средств разговорной и пейоративной направленности.

В заключение следует отметить, что наши предварительные наблюдения отнюдь не исчерпывают всех тенденций современного состояния и развития фразеологического фонда английского языка.

Л и т е р а т у р а

1. Дополнение к Большому англо-русскому словарю / Под ред. И.Р. Гальперина. - М., 1980.
2. А.В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. - М., 1984.
3. Longman Dictionary of English Idioms. 1979.
4. A Supplement to the Oxford English Dictionary. - Oxford, 1972-1976. Vol. 1-3.

6. Кукин А.В. Фразеологическая деривация в английском языке. - В кн.: Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках. М., 1980, вып. 164.
7. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке: Избранные труды по общему языковедению. - М., 1963.
8. Дирмуниский В.М. О границах слова. - ВЯ, 1961, № 3.

Е.В.Дорошенко
Рига

НОВЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЗНАКОВ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Появление новых видов научной и технической деятельности сопровождается созданием новых знаковых систем и отдельных знаков, что требует упорядочения и систематизации уже существующих знаковых средств. Эта систематизация осуществляется путем создания отраслевых терминологических словарей, но общая картина состава знаков, функционирующих в данной культуре, дана в толковых словарях национального языка.

Язык называет и описывает не только сам себя, но и другие знаки. Таким образом, толковый словарь, отражающий результаты практической деятельности человека по созданию и использованию различных знаков, нормирует не только речевую, но и другие виды знаковой деятельности: все виды знаков названы средствами данного языка и описаны в толковом словаре через призму данной языковой культуры.

В то же время сам состав наименований знаков дает представление о закономерностях постоянно происходящего в языке процесса именовании знаков - как в истории языка,

так и в его современном состоянии.

В этой связи представляет интерес то, как в процессе именовании знаков распределялись в английском языке его этимологические ресурсы. Анализ словаря "Вебстер" (Webster's Third New International Dictionary of the English Language. - Springfield., Mass., G. and C. Merriam Co., 1961,) с точки зрения количественных соотношений наименований разной этимологии дает следующую картину.

Наиболее важными этимологическими группами в плане разработки названий знаков являются для английского языка германизмы и латинизмы. При этом название большинства видов знаков, возникших на первом этапе семиозиса (т.е. существовавших до изобретения письма) - таких, как орнамент, жест, костюм, ориентиры и др., шло в основном за счет германской лексики (beck - кивок, поклон; wear - одежда, платье; mark - ориентир). Знаки, возникшие на более позднем этапе развития культуры (на втором или послеписьменном этапе семиозиса), напротив, дают существенное преобладание латинизмов в наименованиях большинства видов знаков - таких, как знаки музыкальной нотации (note - нота), математические символы (number - цифра), литургия (service - богослужение) и др. Уменьшение доли германизмов в общем числе наименований знаков второго этапа семиозиса по сравнению с первым этапом на 11% сопровождается увеличением в них на столько же названий латинского происхождения. По данным "Вебстера", установившееся для наименований знаков второго этапа семиозиса соотношение латинизмов и германизмов сохраняется и для названий знаков третьего этапа (появившихся в результате изобретения техники звукозаписи, фотографии, ЭВМ) - современной рекламы, кино, телевидения, информатики и т.д.

Общему увеличению доли латинизмов в наименованиях знаков второго этапа семиозиса способствует тенденция

использовать для обозначения более поздних знаков уже сложившийся корпус наименований знаковых явлений. Иначе говоря, язык накладывает определенные ограничения на многообразие слов, используемых для названия знаков, что приводит к появлению многозначных, т.е. называющих несколько видов знаков, наименований. Так, слово *illustration* называет изображение, а также план или чертеж, *note* - звучащую музыкальную ноту, а также знак музыкальной нотации, и т.п. Возникновение таких многозначных наименований шло в английском языке преимущественно за счет латинизмов.

Тенденция использования уже существующего лексического фонда выражена еще очевидней в представленных в "Вебстере" наименованиях знаков последнего, третьего этапа семиозиса: эти знаки в довольно малой степени располагают собственным отдельным набором имен. Это объясняется несколькими причинами.

1. Знаки третьего этапа семиозиса располагают общим фондом названий со знаками, являющимися их непосредственными предшественниками. Так, театр дал наименования *play, production*, а также названия многих жанров для кино и телевидения. Основные названия технических семиотических средств исследования (показания приборов) составляют слова *indication, impression, print image, picture, pattern*, называющие также изображения, орнамент, чертежи, планы и модели.

2. Эти знаки являются сложными семиотическими текстами, соединяющими в рамках единого целого комплекс неоднородных знаков (изображение, музыка, устная и письменная речь и др.), названия которых включаются в состав их наименований и образуют общий фонд с наименованиями соответствующих видов знаков. Так, для обозначения знаков рекламы и кино употребляется *image*, рекламы - *illustration*, кино - *picture*.

3. Наименования знаков третьего этапа семиозиса

достаточно часто недифференцированно называют разные виды знаков. Так, *comprolize* именуется знаки в рекламе, кино и телевидении, *broadcast* - на телевидении и радио, *lead* - в периодической печати, на телевидении и радио, *serial* - на телевидении и радио.

Развитие лексики, именующей знаковые явления, на протяжении двух десятилетий, прошедших со времени выхода третьего издания "Вебстера", можно проследить на материале словарей Барнхарта (*Barnhart G.L., Steinmets S., Barnhart R.K. The Barnhart Dictionary of New English since 1963. Bronxville, N.Y., 1973; The Second Barnhart Dictionary of New English. Lnd., 1980.*). За этимологический состав весьма пестр. Во-первых, эти словари фиксируют многочисленные экзотизмы - названия знаков, принадлежащих к другим культурным ареалам (*gele* - африканский головной убор; *salsa* - южно-американская танцевальная музыка), а также названия знаков, возникающих как имитации или стилизации подобных знаков уже в англоязычном ареале (*safari* - костюм; *samba* - танец). Это прежде всего названия костюмов, произведений прикладного искусства, музыки и танца. С другой стороны, по сравнению с "Вебстером", фиксируем профессиональную лексику и специальные термины не в полном объеме, возрастает доля слов латинского и греческого происхождения, называющих вошедшие в научный обиход новые единицы измерения и знаки информатики (названия текстов и частей текстов ЭВМ: *command* - сигнал компьютера; *allocator* - программа ЭВМ.

Лексика, не относящаяся к этим двум классам слов, пополняется в основном за счет названий германского происхождения, часто это слова сниженной стилистической окраски или жаргонизмы, состав которых в современном английском языке пополняется в основном за счет германского фонда (*throwaway* - костюм; *bread* - денежные знаки; *hooker* - начало театрального представления; *bird* -

военный знак отличия).

Важно отметить состав областей знаковой деятельности, находящихся, судя по словарям Барнхарта, в центре номинативной активности. Для знаков первого этапа семиозиса это искусства: мусические (изображение: hard edge - вид абстрактной живописи; музыка: boogie - вид рока), прикладные (костюм: languette - платье или костюм миди; дизайн: srongeware - вид керамики), игры (computer games - игры с использованием компьютера), и, с другой стороны, новые единицы измерения (graviton - гипотетическая единица измерения энергии гравитационного поля). Для знаков второго этапа семиозиса это - происходящий из игры театр (rockat - мюзикл в стиле рок) и некоторые виды денежных знаков. Для знаков третьего этапа семиозиса - происходящие от театра кино (oldies - старые фильмы) и телевидение (intertainment - передача, сочетающая информативность с развлекательностью), а с другой стороны - знаки информатики (input - данные, закладываемые в компьютер) и показания приборов (skio paint - показания радара). Иначе говоря, в центре номинативной активности оказываются, с одной стороны, стилиобразующие области знаковой деятельности (искусства, и прежде всего прикладное искусство костюма), с другой стороны, сферы управления языков науки и информатики. На периферии номинативной активности (представлены всего несколькими названиями или не представлены вообще) оказываются древние, видимые, наиболее жестко канонизированные в культуре виды знаков, такие как орнамент, жест, обряд, приметы и знамения, знаки, используемые в гаданиях; из знаков второго этапа семиозиса - литургика.

В. В. Кабакчи
Ленинград

ИННОВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСПЛАНТЫ

В условиях сохраняющегося многоязычия актуальной задачей современности является использование языков мирового и межнационального общения. В частности, социально значимым видом коммуникации для советского общества в последние десятилетия стало использование иностранных языков для пропаганды за рубежом советской культуры. В ходе соположения английского языка и советской культуры происходит актуализация английского языка как мирового с ориентацией на конкретную иноязычную культуру в виде одной из многочисленных форм существования данного языка, в нашем случае - английский язык советской культуры. При этом центральной проблемой является создание англоязычного варианта советской культурной терминологии. Из теории перевода и лексикографии известны различные способы означивания иноязычных культурных терминов: постоянные межъязыковые соответствия, аналоги, описательные обороты, кальки, заимствования. В настоящей работе мы сосредоточим своё внимание на последнем способе.

Особенностью иноязычного варианта культурно-терминологической системы является его вторичность: первичное закрепление данной терминологии осуществлено на языке народа-носителя данной культуры. Суть фактора этимона заключается в том, что адекватность межкультурной коммуникации (идентификация денотата, поиск информации) может быть достигнута лишь в том случае, если соблюдается то, что мы называем принципом обратимости - установление взаимодозначной связи между этимоном и его иноязычной номинацией. При этом оказывается, что в числе инноваций иноязычного описания культуры частотными являются прямые заимствования.

Действительно, принцип обратимости оптимально может

быть реализован в том случае, если знак X, избранный для обозначения иноязычного культурного элемента Э (тимон), полностью совпадает с последним. Не трудно видеть, что для установления соотношения X=Э последний должен быть перенесён ("пересажен") из одного языка в другой. Назовём коммуникативный приём механического переноса языкового знака из одного языка в другой межъязыковой трансплантацией, а пересаженные таким образом языковые единицы будем называть (межъязыковыми) трансплантами. Межъязыковые транспланты в языковом общении довольно распространённое явление, однако однозначного толкования в лингвистике оно еще не получило, как не получило и однозначного термина. В различных работах можно встретить такие обозначения этого явления как "иноязычные вкрапления (включения), цитации", "варваризмы", "экзотизмы", "транслитерации" и пр.

Транспланты это частотное явление в иноязычном описании культуры, в том числе и в СоюзАЯ, например:

The Kremlin Yolka parties, initiated in 1954, are organized and financed by the Moscow City Committee of Trade Unions (Dav.Sd., 27).

Their uncle pointed out the little inset window, the fortochka, which could be opened for a short time in both windows to let in fresh air ... (Miller, 104).

... I am addicted to tea and toast and kefir (yoghurt) for breakfast ... (Gusack, 143).

В случае корректного введения в текст транспланта достигается адекватность коммуникации, устанавливается однозначная связь между языковым знаком и его денотатом, а само изложение приобретает строгость, присущую научному стилю. И это неудивительно: иноязычная культура это самостоятельный, сложный объект познания, и как всякий специальный предмет он требует специальной терминологии. Между тем транспланты обеспечивают интернациональность всех возможных иноязычных вариантов данной культурной термино-

логической системы, ср.:

К *Microfrenata* относятся более примитивные и мелкие бабочки (БСЭ, т. 2, с. 505).

Подобно тому как латинский термин сохраняется в данном высказывании независимо от того, на каком языке мы передадим эту информацию, транспланты вводятся в различные иноязычные описания культуры, выполняя функцию унифицированного языкового кода культурного термина-этимона. В современных текстах иноязычного описания культуры транспланты используются очень широко:

Its system is financed by contributions paid into some 1,300 Krankenkassen (sickness insurance funds). (Economist 10-16.01.1981).

French authorities report that in one department, Var... (Time, August 18, 1980).

The recommendation from Palmi prison was seconded by brigatisti ... (Time, January 19, 1982).

Языковая практика показывает, что в случаях необходимости на ограниченном отрезке текста оказывается целесообразным трансплантировать сразу несколько этимонов:

Нация - не Kultur, не Schicksal-, а Sprachgemeinschaft (Ленин, Соч., т.24, ст.388).

Аналогичная ситуация встречается и в текстах иноязычного описания культуры:

... "активные" абсентеисты выступают не как non-voters, но как anti-voters (Городецкая, 148).

С точки зрения русскоязычного монолингва содержание этой фразы можно свести к следующему: "Т.н. активные X выступают не как Y, а как Z". Однако работа И.Е. Городецкой "Великобритания: избиратели, выборы, партии, 1945-1970" адресована специалистам, которые в той или иной степени владеют английским языком, то есть являются двуязычными, и для них понимание этого предложения не составляет труда.

Вместе с тем введение целого ряда трансплантов в одно предложение позволяет автору добиться как точности в изложении, так и экономности.

Введение транспланта X в текст иноязычного описания культуры можно уподобить математическому языку, когда мы договариваемся обозначить отрезок от пункта А до пункта В через "х". При этом трансплант необходимо эксплицировать. Коспосредственный способ экспликации зависит от конкретных задач, решаемых в ходе коммуникации и места, занимаемого в ней данным иноязычным элементом. Это может быть более или менее пространное объяснение:

The invariable tamada sat at the head of the table. His is the role of overseer of the festivities. He calls on people ... (Kefregier, 164).

И далее автор подробно объясняет функции тамады во время застолья. В других случаях автор обходится более сжатым пояснением:

Tough people, these Siberians, going about unconcernedly in valenki (felt boots), padded jackets and qoshankas, fur caps with ear-flaps that can be tied under the chin (Gusack, 85).

Здесь уже экспликация терминологического значения транспланта во втором случае осуществляется с помощью развернутого словосочетания, тогда как в первом случае используется лишь краткое двусловное описание. В других случаях в качестве средства экспликации может использоваться межкультурный аналог. Так, например, в приведенном выше примере поясняет Д.Кусак этимон "кефир".

В тексте трансплант надлежит выделять, чаще всего это осуществляется с помощью курсива. Тем самым читателю дается сигнал о том, что данный языковой знак нестандартен, не-узуален (даже в тех возможных случаях, когда трансплант может совпадать с каким-либо словом языка коммуникации). Исключается также возможность толкования чужеродного слова как опечатки.

В устной речи говорящий осуществляет переход с одного языкового кода на другой и вводит трансплант способом "цитации" (I, с. 73). Безусловно, в тех случаях, когда речь идёт не о неосвоенном заимствовании-транспланте, а о заимствовании, уже вошедшем в лексикон языка коммуникации, необходимо следовать нормам этого языка (например, "Лондон", а не "Ландон"), однако и в этих случаях наблюдается по возможности сближение нормы с этимологом: так, в последние годы фамилию знаменитого английского физика Ньютон стали произносить с ударением на первом слоге (во времена Ломоносова её произносили "Невтон").

Коротко остановимся на сфере применения трансплантов. В самом общем виде можно выделить следующие способы использования этого способа означивания иноязычных терминов:

а/ Использование трансплантов в функции собственно обозначения иноязычного термина. Трансплант вводится описанным выше способом и в дальнейшем используется в качестве коммуникативного знака, значение которого, как предполагается, адресат информации будет помнить.

б/ Одновременно с трансплантом вводится какая-либо иная номинация, выполняющая ту же терминологическую функцию, после чего обе номинации используются поочерёдно на равных правах. Рассмотрим отрывок из русскоязычного описания английской системы образования:

Между тем обучение в "публик школ" начинается только с 13 лет. До этого будущие воспитанники Итона, Харроу или Винчестера занимаются в так называемых "преп школз" - подготовительных школах (с 7-8 лет), тоже частных и тоже неподвластных контролю органов просвещения и местной администрации. Да, в "публик школз" существуют приёмные экзамены. И с годами, говорят, они становится всё строже, к чему их вынуждает конкуренция классических школ. Но сдаёт их дети на два года старше по возрасту, чем те, что выходят один на один с "илевен-плас", и уже высколенные в подготовительных школах, где один преподаватель обучает меньшее количество учащихся, чем в обычных

школах" (Осипов, с.100).

Данный отрывок позволяет проследить весь механизм иноязычного означивания культурной терминологии. Трансплант "паблик скул" был введён В.Осиповым ранее, и его значение читатель должен держать в памяти, а трансплант "преп скулз" вводится впервые, параллельно ему даётся калька "подготовительная школа", значение которой (в самом общем смысле) достаточно понятно, уточняется лишь возрастная группа. Обе номинации равноправны, и в дальнейшем автор получает возможность использовать по выбору ту или другую, осуществляя то, что мы называем дидактическим чередованием: трансплант обеспечивает выполнение принципа обратимости, а калька облегчает читателю усвоение нового термина и его значения. Отметим, что в этом же отрывке автор использует еще один трансплант - "клевен-плас".

/а/ Трансплант используется однократно при первичном введении какой-либо другой, основной, номинации иноязычного культурного элемента, выполняя функцию привязки к этимону в соответствии с принципом обратимости:

Teachers for elementary-secondary schools in the USSR today are generally trained in pedagogical schools (pedagogicheskie uchilishcha) or pedagogical institutes (pedagogicheskie instituty), also they may be university graduates (Rosen, с.103).

Используя данные транспланты в рамках обладения принципа обратимости, автор в дальнейшем к ним не обращается, полагая, что читатель, в случае необходимости, может вернуться к этому месту изложения системы образования СССР. Ро. 2 транспланта на этом завершена. Ср.:

"...депутаты обязаны голбсовать так, как укажет им "уйп" - "хлыст", главный парламентский организатор данной фракции. /.../ Хлысту нет необходимости быть настолько грубым, чтобы угрожать ..." (Осипов, с.145-147).

Каждый трансплант - это инновация, жизнеспособность которой может быть проверена только временем. Транспланты используются прежде всего в тех случаях, когда /а/ необходимо обязательное соблюдение принципа обратимости, /б/ на ограниченном отрезке текста необходимо частотное упоминание иноязычного элемента, /в/ речь идёт о частично совпадающих терминах, которые имеют релевантное различие в плане идиоматическом или идеологическом. Трансплантируются слова чаще, нежели словосочетания.

Билингвы охотно прибегают к трансплантации, переключаясь с одного языкового кода на другой. Исследования также показывают, что авторы родноязычных описаний иноязычных культур гораздо смелее вводят транспланты-инновации, чем авторы иноязычного описания родноязычной культуры, над которыми довлеет психологическая боязнь вторжения в область иноязычной нормы. Так, единицы административного деления СССР "край", "область" и "район" в практике советского англоязычного описания советской культуры передаются с помощью аналогов Territory, Region, District. Между тем в топонимике соблюдение принципа обратимости крайне необходимо, и тот факт, например, что англоязычные воспринимают слово Region в значении "регион", а не "единица административно-территориального деления СССР" ведёт к недоразумениям. Показательно в этом отношении, что предпочтение в текстах англоязычных авторов отдаётся трансплантами:

In Tuumen oblast on the river Konda in 1960 there was the first gusher of oil in commercial quantities... (Peglo, 25).

Частотность трансплантации этих русских этимонов подтверждается тем, что все три этимона уже отмечаются английскими и американскими лексикографами, в частности, все они включены в приложение к Большому Оксфордскому Словарю.

Следует отметить и другую сторону трансплантации: возможность перехода корректного введения атимона в иноязычный текст может подменяться неоправданным перенесением лексики языка описываемой культуры в язык коммуникации, что

приводит к смешанному двуязычии типа "Джон запарковал кару на корнере", на что указывал в своё время Л.В.Шерба (2, с. 49-52). Об этой проблеме, однако, уже говорилось достаточно, и мы на ней останавливаться не будем. Ограничимся только констатацией того несомненного факта, что фактор лексической интерференции не должен ограничивать использование трансплантов-инноваций в тех случаях, когда они необходимы.

В заключение коротко остановимся еще на одной стороне инноваций-трансплантов. Говоря о языковой трансплантации, мы имеем в виду механическую пересадку этимона в язык коммуникации буквально, как это, например, имеет место в приведённом выше примере из ЕСЗ о бабочках, где трансплантируется латинизм. Между тем, собственно трансплантация русизмов в англоязычный текст осуществляется крайне редко. Обычно русские слова передаются с помощью латинского шрифта. Теоретически это может быть сделано двумя способами: посредством трансплантации и т.н. практической транскрипции. Проблема латинизации русизмов с помощью транслитерации уже давно стоит на повестке дня. Ею занимались Л.В. Шерба, Р.Якобсон, А.А.Реформатский и др. Выдвигались предложения радикального решения этого вопроса путём перехода русского языка на латинский алфавит. Эта идея на сегодняшний день уже является нереальной, поэтому целесообразно рассмотреть наиболее рациональный способ осуществления транслитерации. На сегодняшний день существует не менее дюжины различных систем транслитерации, как отечественных, так и зарубежных, из них наиболее известные: система АН СССР, ГОСТ 16876-71, система СЗВ, международная система ИСО Р9-68, британский стандарт 2979:1958, система Библиотеки Конгресса США. И тем не менее приходится констатировать, что ни одна из них не получила сколько-нибудь широкого распространения, а в коммуникативной реальности используются (зачастую кустарные) способы практической транскрипции, то есть попытка приспособления этимона к графическим нормам (а иногда фонетическим) английского языка. В резуль-

тате возникает разнобой, русизмы коверкаются до неузнаваемости, становятся протяженнее:

Chekhov /Chekov /Tshekhov /WNCB, 137B, 1409/.

Gorki /Gorky /WNCB, 1387/

sechtschi /Suppl., 1537/.

Отсутствие общепринятой системы установления однозначного соответствия между буквами латинского алфавита и русского языка затрудняет межкультурную коммуникацию, усложняет введение заимствований-инноваций, затрудняет закрепление русизмов в английском языке вследствие разнобоя в их написании и в конечном счете несколько задерживает распространение русского языка. Эту проблему предлагается решить путём принятия вспомогательного латинского алфавита русского языка (ВЛАРЯ), который в своей основе мог бы иметь следующие принципы:

- а/ вторичность по отношению к кирилловскому алфавиту;
- б/ функциональная ограниченность использования ВЛАРЯ рамками межкультурного общения с латиниоалфавитными народами в целях транслитерации русизмов;
- в/ простота установления соответствия между буквами обоих алфавитов на основе взаимодозначного соотношения (I: I), то есть букве русского алфавита соответствует всегда одна и только одна буква латинского алфавита;
- г/ буквенный дефицит латинского алфавита компенсируется с помощью диакритики, набор которой в основном ограничивается т.н. "гачковой" диакритикой чешского варианта латинского алфавита, то есть принимается традиция системы АН СССР (см.:3, с .100).

Предлагается следующий вариант ВЛАРЯ:

А - А	Ж - Ж	Н - Н	Ф - Ф	Н - У
Б - В	З - З	О - О	Х - Х	Ь - Ь
В - У	И - И	П - Р	Ц - С	Э - Ё
Г - Г	Й - Й	Р - Р	Ч - С	Ю - Ю
Д - Д	К - К	С - С	Ш - Ш	Я - Я
Е - Е	Л - Л	Т - Т	Щ - Щ	
Ё - Ё	М - М	У - У	Ъ - Ь	

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что в языке-источнике культурный элемент кодируется как в звуковом, так и в графическом оформлении, причем в английском языке последний далеко не всегда адекватно передаёт звучание языкового знака. Между тем транслитерация сохраняет лишь форму этимона; поэтому в случаях релевантности звукового оформления этимона необходимо либо прибегать к практической транскрипции, либо давать оба варианта: и транслитерацию, и транскрипцию.

Принятые сокращения

- Городецкая - Городецкая И.Е. Великобритания: избиратели, выборы, партии, 1945-1970.-М., 1974.
- Осипов - Осипов В. Британия. 60-е годы.-М., 1967.
- Cusack - Cusack D. Holidays Among the Russians.-London, 1964.
- Dav.Ed. - Davidow M. The Soviet Union Through the Eyes of an American.-М., 1974.
- Miller - Miller W.W. The Young Traveller in Russia.- London, 1958.
- Perlo - Perlo V.&E. Dynamic Stability. The Soviet Economy Today.-М., 1980.
- Refregier - Refregier A. Sketches of the Soviet Union.- М., 1978.

Rosen - Rosen S.M. Education and Modernization in the USSR. Addison-Wesley publishing Company, 1971.

Suppl. - A Supplement to the Oxford English Dictionary, ed. R.W.Burchfield, Oxford, vol. II.

WNCD - Webster's New Collegiate Dictionary. A Merriam-Webster, 1974.

Л и т е р а т у р а

1. Weinreich U. Languages in Contact.-N.Y., 1953.
2. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. -Л., 1958.-Т. I.
3. Реформатский А.А. Транслитерация русских текстов латинскими буквами.-ВЯ, 1960, № 5.

Т. В. Король

Рига

ОБ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ
ВНУТРЕННЕЙ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ
ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИКОНОВАЦИЙ

Взаимосвязь языка и внеязыковой действительности является содержанием одной из основных проблем на современном этапе развития лингвистики. Так, например, еще в 1974 г. Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания, прошедшая в Москве, в принятых решениях отмечает, что "современная лингвистика вновь возвращается к пониманию языка глобального средства выражения сознания и психики человека" (1, с. 13).

Словарный состав языка позволяет носителю последнего вербализировать окружающую его действительность, его отношение к ней, и, в частности, к себе подобным; свой внутренний мир и, наконец, передавать информацию дальше. Но видение мира строго индивидуально. Каждый индивидуум выделяет в получаемой им информации и при передаче последней дальше то, что ему кажется особенно важным.

Таким образом, в любом акте коммуникации информантом выделяются признаки, релевантные только для данного сообщения. При этом словарный состав современного информанту языка может удовлетворять его, но может оказаться для него и недостаточно богатым.

В последнем случае начинается поиск новых способов выразить свою мысль. Язык участвует в таких, но собственно мыслительных, функциях как осознание эмоциональных переживаний путем их означения или означения запоминаемого содержания и включения его в соответствующие словесные связи для удержания в памяти и т.д.

"В этой речевой, или, точнее, языковой, по своей форме

деятельности ... усвоенные элементы языка могут претерпевать (и действительно претерпевают) известные изменения" (2, с.66). Это может быть новая комбинация морфем, новая семантика уже известной и находящейся в обиходе, т.е. узуальной, словарной единицы; новый, необычный способ реализации грамматической формы, новое сочетание слов, новое заимствование из другого языка или же, наконец, возрождение старого, забытого слова, словоформы и т.д. Следует заметить, что последние из упомянутых случаев инноваций могут рассматриваться только как некие квазиологизмы.

Автор любой из отмеченных инноваций может быть или непосредственным создателем нового слова или же только проводником в литературный язык того нового, которое уже бытует в разговорном языке.

Творческое мышление писателя подобно фантазии художника. Это, в частности, наиболее ярко выражено в видении цветовой гаммы мира. Индивидуальные инновации в области цветообозначений через отбор лексем и их сцепление в рамках даже одного слова могут многое рассказать о самом авторе инновации и об окружающем его мире.

Рамки видения раздвигаются не только в индивидуальном творчестве. Диапазон видения может расширяться в результате социальных потрясений и преобразований, охвативших широкие массы. Соответственно эти явления отражаются и в лексике языка, за счет расширения семантического объема лексических единиц и, в результате, возникают самые неожиданные сцепления лексем. Лингвистом Л.Ивашевич (3, с.3-15) проведена интересная работа, в результате которой установлено, что в ранневерхненемецком периоде в письменных памятниках можно зафиксировать только 24 прилагательных - цветообозначений типа - *schneeweiß*, *grasgrün*, а на нововержненемецкий период (его раннюю часть) приходится 110 подобных словарных единиц. Это - период Реформации, период деятельности Томаса Мюнцера и

Мартина Лхтера, период жестокой борьбы во всех областях жизни. Поэтому интересно, что первое место среди инноваций такого типа занимают различные соединения лексем с цветообозначением "rot" - красный - 25 единиц. Второе место занимает соединения с прилагательным "gelb" - желтый и "braun" коричневый - 17 единиц. Таким образом, в словообразовании упомянутого периода самыми активными оказываются: цветообозначение - "красный" - цвет радости, борьбы и "желтый, коричневый" - цвет жестокости, увядания.

Приводя данные упомянутого исследования, мы хотели подчеркнуть, что целый комплекс экстралингвистических, референтных факторов ощутимо влияет на образование новых лексем, нового пополнения словарного состава языка.

В данной связи следует упомянуть так называемое "знание соотношения вещей в действительности" - соответствующий немецкий термин - "Zusammenhang", как один из неотъемлемых факторов экстралингвистического характера, влияющий на правильный отбор лексем при соединении последних в одно семантическое целое. Иными словами - отражение действия этого фактора мы находим в так называемой лексической или логико-семантической валентности. Следует согласиться с Л.Р. Зиндером, что лексическая (логико-семантическая) валентность в соотношении с внутренней валентностью в целом - строго говоря, не лингвистическая; она определяется объективной действительностью, условиями жизни общества и является поэтому очень изменчивой как территориально, так и во времени (4, с. 123).

Предполагаем, что словарь языка может быть представлен как некоторая система лексико-семантических групп (5, с. 140-141). Каждая из этих групп имеет свою точно очерченную характеристику, варианты которой определены в подгруппах. Объединение лексем проводится на основе их общей предметной отнесенности и общего категориального семантического признака. Выделенная для анализа лексема *schmerz* может показа-

телями, приводимыми в статье любого словаря современного немецкого языка. Это дает возможность определить количество вариантов значения данной лексики. Однако дополнительно могут возникать и окказиональные варианты значения под влиянием упомянутых факторов.

Н. Хомский подчеркивает, что каждый язык имеет право на так называемые "семантические пробелы". В свою очередь основной функцией любой инновации для Н. Хомского является заполнение этих "пробелов". Именно поэтому он приветствует, например, субстантивацию формы английского глагола от инфинитива "делать" - "to do" - "the did" в следующем предложении: "he danced his did" (6, с. 7).

В своем эссе "Two types of language" Р. Якобсон рассматривает необычные соединения морфем/лексем в рамках одного слова как будто только с позиций их стилистических функций, но одновременно резко осуждает тех литераторов и лингвистов, которые ничего не хотят знать о лингвистике, называя их "Анахронизмами" и даже "Троглодитами". Действительно, при анализе некоторой инновации писателя интерес вызывает не только стилистическая манипуляция словесными единицами, но и скрытая в них логически обоснованная информация. Например, читая у Траля "die hyazinthenen Locken der Magd", мы в первую очередь воспринимаем данное сочетание двух лексем как информацию о необычном цвете волос: ведь есть и каштановые, медно-рыжие, льняные и т.п. волосы, в которой скрыто узуальное сравнение. Но приглядимся внимательней к сочетанию слов "die hyazinthenen Locken", Траля имел в виду не цвет волос - тем более, что цвет гиацинта может быть самого разного оттенка - , а форму цветка гиацинта, т.е. локоны волос девушки похожи своей формой на форму цветка гиацинта. Таким образом, с точки зрения лингвистики, здесь мы имеем дело с актуализацией одной из сем, не привычных в сравнениях с цветами, хотя и бытующий в языке - срвн. стройна как лилия, пышна как роза, за-

румяниться как маков цвет и т.п.

В рамках производного слова разговор может идти о внутренней валентности аффикса, как например в словах: "Unrastglätter (Lilienkron) - условный перевод: "устранитель беспокойства" или у А.Зегера "der Im - Stich - Lasser - - условный перевод "предатель". Если рассматривать слово "Unrastglätter" как образование от сдвига словосочетания "Inrast glätten" + суффикс "-er", то никаких отклонений в валентности суффикса зарегистрировать нельзя, т.к. мы уже имеем модель таких образований в немецком языке. Срв.: Bahnbrecher = Bahn - brechen - -er. Необычной представляется актуализация семы второго компонента "glätten" при внутренней валентности "glätten - LSG - konkrete" и ни в коем случае не "glätten - LSG - abstrakta". Необычной является и внутренняя валентность в производных словах, образованных с помощью суффикса "-in". Трагль образует следующие слова - : die Mönchin, die Jünglingin. Мотивированность же данных слов, на наш взгляд, достаточно прозрачна. В качестве сравнения приведем слово русского языка, которое можно считать известным эквивалентом немецкого слова "die Jünglingin" "девушка - рослая, дебилая, мужиковатая девка" (7, с. 508).

Резюмируем изложенное:

- 1) экстралингвистические условия влияют на актуализацию ВЗ (вариантов значения) лексемы;
- 2) актуализация вариантов значения лексемы происходит в процессе сцепления отдельных лексем или морфем между собой, которое, в свою очередь, зависит от синтактико-морфологически сочетательных потенций (т.е. внутренней валентности) словарных единиц;
- 3) синтактико-морфологические сочетательные потенции (внутренняя валентность) могут быть реализованными (узвальными) или же возможными (окациональными). Их реализация зависит только от наличия определенных экстралингвистических

ких условий;

4) необычность характера сцеплений лексем или морфем не дает возможности последним претендовать на определенное место в лексической системе языка, но указывает на потенции языка в области словообразования и тем самым заполнения так называемых "семантических пробелов".

Л и т е р а т у р а

1. Ярцева В.Н., Колманский Г.В., Степанов Ю.С., Уфимцева А.А. Основные проблемы языкознания.-М., 1974.
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность.-М., 1969.
3. Ивашкевич Л.В. Сложные прилагательные немецкого языка с первым компонентом - основой имени существительного типа *schneeweiß, graugrün*. - В кн.: Вопросы лексикологии и стилистики германских языков. Л., 1958.
4. Зиндер Л.Р. О лингвистической вероятности. - ВЯ, 1958, № 2.
5. Гак В.Г. Беседы о французском слове.-М., 1966.
6. Цит. по: Blau A.B. Stil und Abweichungen. (Einige syntaktisch-stilistische Merkmale in den Dichtungen von D.v. Lillienorons, G.Trakls und Ingeborg Bachmann). - Uppsala, 1978, Acta Universitatis Upsaliensis 19.
7. Trakl Georg. Dichtungen und Briefe. Salzburg, 1969.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.- М., 1955. - Т. I.

Э.А.Лапина

Рига

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В МИКРОЭЛЕКТРОНИКЕ

Стремление к более полному изучению познавательной деятельности человека и роли языка в этой деятельности вызывает повышенный интерес к анализу языка науки, в частности терминологии, которая является основной, наиболее информативной его частью и непосредственно реагирует на внеязыковый стимул.

Предметом настоящего анализа служит английская терминология микроэлектроники ввиду того, что

1) терминология микроэлектроники была сперва создана на английском языке, хотя сама отрасль возникла одновременно в нескольких странах;

2) микроэлектроника - бурно развивающаяся область знания, в которой ярко отражается характерная особенность современной науки: процесс интеграции научного знания с одновременным отграничением своей собственной области знания. Это естественно влечет за собой создание массы новых терминов. Поскольку обычные словари не успевают их фиксировать, они появляются в первую очередь в пристатейных словариках и глоссариях, в тетрадях новых терминов, а также в списках новых терминов, публикуемых в журналах данной области (1, 2, 3). Все эти вновь возникшие и возникающие термины являются терминологическими неологизмами.

Предметом рассматриваемой области является создание микроинтегральных электронных устройств и исследование теоретических основ возможности увеличения степени интеграции, что в конечном счете определяет выбор основных способов номинации и логико-семантические отношения внутри терминосистемы.

Для исследования терминологии микроэлектроники мы

пользовались классификацией способов образования терминов, разработанной Н.В.Засильевой (4, 6), где в качестве основных способов выделены следующие: 1) терминологизация (превращение слова общеупотребительного языка в омонимичный ему термин), 2) ретерминологизация (полная или частичная ресемантизация термина, перенесенного из одной научной дисциплины в другую), 3) терминособразование (терминологическое словообразование), 4) терминосозимствование (заимствование иноязычного термина). Несмотря на то, что эти способы были выявлены в результате анализа лингвистической терминологии, они оказались продуктивными в совершенно иной терминосистеме - в терминологии микроэлектроники, где особой продуктивностью отличается терминологизация.

Относительно механизма вышеуказанных процессов следует отметить, что общим его семантическим компонентом с различной степенью проявления при разных способах терминосотворчества является переосмысление. Переосмысление обычно объясняется как перенос значения, сдвиг значения или семантическая дублированность.

По нашим наблюдениям, переосмысление выражается главным образом через метафору.

В настоящее время в связи с изменением взглядов как на роль языка в целом при развитии научного знания, так и на роль его отдельных средств метафора рассматривается лингвистами и философами не только как лексическая проблема, а также как свойство мышления, например, в работах В.З.Петрова, Дж.Лакоффа и др. (5, 6, 7). Следовательно, целесообразно разграничить узкий и широкий смысл понятия "метафора". В узком понимании это только языковое средство, для определения которого более всего пригодно высказывание Н.Д.Арутюновой, что метафора заключается "в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении" (8, ст.140). Для определения широкого

понимания метафоры мы можем использовать текст диссертации С.Б.Никитиной: "Метафора, являясь языковым способом переноса признаков с одного объекта на другой, становится средством, способным реализовать преемственность научного знания и сделать понятной связь этого знания с миром здравого смысла." (9, ст.41).

Таким образом, как отмечено в литературе, метафора включается в стратегию научного поиска, ибо образность делает ее средством передачи информации, точнее идей, которые возникают при нетрадиционном подходе к решению проблем и терминологически еще не оформлены. При этом особо важен гипотетический характер метафоры, так как она включает и сравнение, и аналогию. Кроме того, акцентируя специфические стороны выражаемых понятий, метафора дает возможность синтетического осмысления новой проблемы во взаимосвязи с другими, выделенными исследовательской практикой.

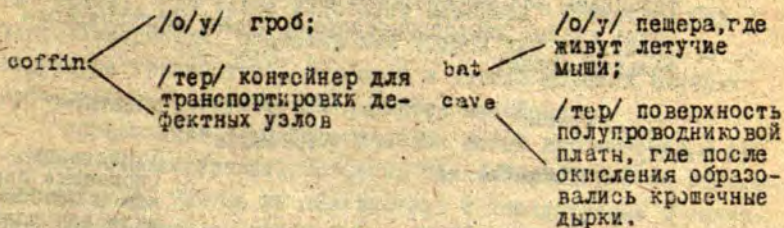
Мы отдаем себе отчет о том, что доскональное исследование феномена метафоры в языке науки требует учета всех этих аспектов, что возможно только частично на начальном этапе нашего исследования.

Итак, самый продуктивный способ образования терминов в микроэлектронике - терминологизация по существу заключается в метафоризации, при которой можно наблюдать первичное использование слова общеупотребительного языка для образования на его основе термина. Перейдя в терминологическое поле, слово утрачивает свое значение и приобретает понятийно-дефинитивную характеристику, ему соответствует научное понятие. При получении статуса термина, требуется уже не тождество, а дефиниция. Например, слово общеупотребительного языка "bucket" с значениями: 1) ведро, бадья; 2) черпак, ковш; 3) поршень насоса; 4) подземная клетка, льялка (Ю, с. 194) в результате метафоризации связанных друг с другом 1-го и 2-го значений превращается в термин, который в микроэлектронике имеет дефиницию: "область памяти, функционально выделенная для накопления

данных или контрольных сумм; обычно используется при первоначальном распределении" (II, с . 33).

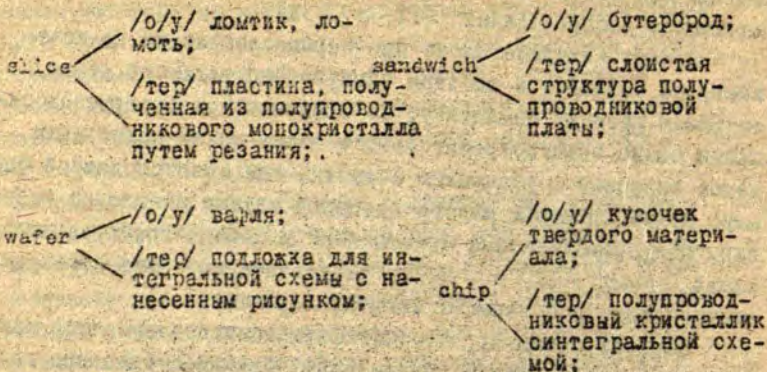
Однако исходное слово при терминологизации не исчезает, но остается в словаре общеупотребительного языка, сохраняя прежнюю семантику. Со временем при детерминологизации слово общеупотребительного языка может приобрести новое значение с указанием области, где имеется данный термин. Ярким примером такого процесса служит появление значения "полупроводниковый кристаллик" у общеупотребительного слова "chip" (12, с . 92) в результате детерминологизации соответствующего термина микроэлектроники.

Следует отметить, что метафоризации подвергаются как отдельные слова, так и группы слов. Однако отдельные слова и словосочетания имеют меньший процент по сравнению с группами слов и чаще всего распространены среди профессионализмов. Покажем это на примерах:

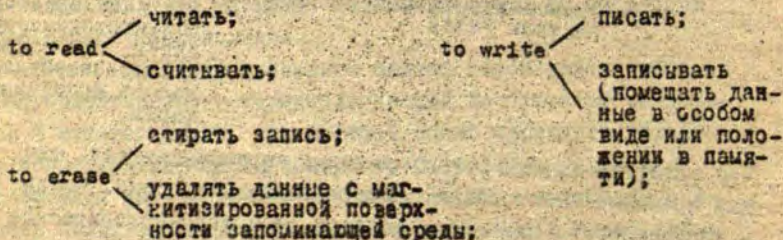
Что касается группы слов, которые переосмысляются, они, как правило, имеют общее семантическое микрополе. Войдя в терминологию, они и там создают свое терминологическое поле. В настоящее время нами выявлено II таких групп, но это количество не окончательное. Приведем только некоторые примеры:

- для обозначения звеньев в производстве микроинтегральных схем служат термины, созданные в результате метафоризации микрополя общеупотребительных слов:

Их семантическое микрополе можно назвать как "небольшие части хлебных изделий".

- терминами для обозначения разных операций при обработке данных микропроцессорами стали общеупотребительные слова:

Здесь семантическое микрополе можно условно назвать "действия при письме и чтении".

Кроме того, уже в самом терминологическом поле, где путем терминологизации создан основной термин, например, "считывать", искусственно образуется целое гнездо терминов: reader - считывающее устройство;
reading head - считывающая головка;
read-only - метод допуска к данным, так называемое "только считывание";

read-only memory - постоянная память;
read-ahead queue - очередь с опережающим считыванием.

Данное явление вызвано ассоциативным характером человеческого мышления, вследствие чего в языке слово развивается не изолировано, а под влиянием соседних с ним в парадигме и синтагме, как на это указал С.Ульман (13, с. 29).

При транстерминологизации (ретерминологизации у Н.В.Васильевой) также используется метафоризация. Переосмысляются те термины иных научных дисциплин, которые в свое время возникли на базе общеупотребительной лексики, типа "bridge" (мост, мостик, перемычка - основное о/у значение). Как термин "bridge" употребляется кроме строительства в электротехнике для обозначения параллельного соединения, шунта. В результате уточнения (или сужения) понятийной характеристики термина, где также действует метафора, возник термин микроэлектроники, обозначающий особый вид соединения в структуре транзистора. В этом и в других похожих случаях проявляется синтетический характер метафоры.

Образование терминологических полей наблюдается и при транстерминологизации. Особенно показательны в этом отношении термины, взятые из лингвистики и используемые в вычислительной технике, как prefix, suffix, root, syllable.

Проведенный анализ убеждает в том, что транстерминологизации подвергаются именно те термины, которые стали всеобщим достоянием, а не только достоянием специалистов. Формально это выражается в том, что они включены в общие толковые и переводные словари.

Терминологическое словообразование или терминообразование также пользуется метафоризацией. Однако метафоризация здесь имеет особые условия: терминологическое словосочетание создается искусственно из слов общеупотребительной лексики в комбинации, невозможной в общем языке. Эти сложные термины создаются за счет переосмысления общеупотребительного значения отдельных компонентов. Например:
floating point - плавающая запятая;

- bucket brigade device - прибор на цепочках структуры металл-оксид-полупроводник; прибор типа "пожарная цепочка";
- daisy-chain connection - соединение в последовательно-приоритетную цепочку.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В основе разных способов образования терминов в английской терминологии микроэлектроники лежит метафоризация как основной семантический процесс, т.к.
 - с одной стороны, исследование микроминиатюрных явлений и объектов требует дополнительной предметной интерпретации, т.е. возрастает роль вспомогательных средств, таких как метафора;
 - с другой стороны, интегрирующий характер микроэлектроники нуждается в средстве связи "научных языков" различных областей.
2. Язык как материальная действительность мышления предназначен для выражения всего содержания мышления. Следовательно, в метафоре как в языковом способе отражаются особенности и закономерности метафоричности мышления, такие как
 - уменьшение образности с увеличением отвлеченности понятия;
 - формирование научных понятий в терминах конкретного (освоенного) опыта и других, выявление которых требует дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Glossary of Terms Used. - In: Computer Programming Made Simple. - N.Y., 1978.

2. Тетрадь новых терминов. Англо-русские термины по технологии производства радиоэлектронной аппаратуры.-М., 1983, № 47.
3. Anjard R.P. A Microelectronics Technical Dictionary. -In: Microelectronics and Reliability. England, 1981, vol. 21, N 4.
4. Васильева Н.В. Греко-латинские элементы в лингвистической терминологии: Автореф. дис... канд. филол. наук.- М., 1985.
5. Петров В.В. Семантика научных терминов.-Новосибирск, 1982.
6. Lakoff G., Johnson M., Conceptual Metaphor in Everyday Life.-In: The Journal of Philosophy. 1980, vol. 77, N 8, pp. 453-486.
7. Гусев С.С. Метафора - средство связи различных компонентов языка науки. - Философские науки, 1978, № 2, с. 70-75.
8. Арутюнова Н.Д. Метафора.- В кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с.150.
9. Никитина С.Е. Тезаурус как способ описания и представления языка науки (на матер. лингвистической терминологии): Дис.канд.филол.наук.-М., 1983.
10. Большой англо-русский словарь / Под общ.ред. И.Р.Гальперина.-М.: Русский язык, 1979.
11. Гнедовский А.В., Ротанов С.В. Англо-русский толковый словарь по вычислительным системам и сетям.-М., 1981.
12. Дополнение к большому англо-русскому словарю / Под общ. ред. И.Р.Гальперина.-М.: Русский язык, 1980.
13. Ullmann S. Language and Style.-L., 1964.

М.Я.Нейланде -
Рига

НОВОЕ В АКЦЕНТУАЦИИ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Во второй половине 20-го века произошли весьма существенные изменения в английском произношении. Тенденция к унификации произношения, главным образом благодаря влиянию средств массовой информации /радио, телевидения и др./, наблюдается в изменениях артикуляции отдельных английских монофтонгов и дифтонгов, а также в акцентуации основных частей речи.

В течение более 30 лет группа известных английских лингвистов во главе с проф. А.С.Гимсоном регистрировали изменения в словесном ударении радиодикторов и лиц, говорящих на стандартном английском языке (*received pronunciation*).

То новое в акцентуации главных частей речи, что стало нормой современного произношения и было подтверждено более чем 100 ведущими германистами Европы, нашло свое отражение в 14-м

выпуске словаря английского произношения
(D. Jones, *Everyman's English Pronouncing Dictionary*,
London, 1977).

Статистическому исследованию всех этих изменений были посвящены три дипломных работы выпускников факультета иностранных языков Латвийского государственного университета отделения английского языка и литературы под научным руководством автора статьи.

Для выявления характера изменений были проанализированы простые, производные, а также сложные имена существительные, прилагательные и глаголы, которые включены в 12-й (1963 г.) и повторный выпуск 14-го издания словаря английского произношения (1979 г.) под редакцией проф. А.С.Гимсона.

Характер изменений в акцентуации всех основных частей речи имеет сходные черты:

1. Ни в одной из основных частей речи не употребляется двойное ударение (double or even stress).

2. Изменения в словесном ударении затрагивают производные и сложные существительные, прилагательные и глаголы с производными префиксами в основном романского и, в некоторых случаях, германского происхождения.

Рассмотрим отдельно основные виды изменений в словесном ударении в каждой из упомянутых частей речи.

Имена существительные. Изменения затрагивают все производные существительные (2% из более чем 15 500 слов) с префиксами: arch-, anti-, bi-, bio-, co-, dis-, de-, ex-, mis-, под-, post-, re-, over-, ил-, vice- и др.

Эти существительные имели двойное ударение: одно сильное ударение на префиксе, второе - на основной морфеме слова. Теперь в этих существительных первое сильное ударение на префиксе редуцировано на второстепенное (secondary stress) и сохранено второе сильное ударение (primary stress) на основной морфеме слова.

В современном произношении такие производные существительные имеют следующее словесное ударение: archbishop - /ɑ:tʃ'biʃəp/, antifascist - /ænti'fæsiʃt/, biochemistry - /baɪəv'keɪmɪstri/, coexistence - /kəvɪg'zɪstəns/, disbelief - /dɪsbɪ'lɪ:f/, ex-president - /eks'prezɪdnt/, misdeed - /mɪs'di:d/, recreation - /rɪkri'eɪʃn/.

В сложных именах существительных увеличилось употребление рецессивного ударения (recessive stress). Главным фактором, определяющим место словесного ударения в сложных существительных, считается смысловый центр слова. Однако во многих существительных такого рода эта аргументация не была обоснованной. В современном произношении изменения в ударении сложных существительных свидетельствует о поисках объективного смыслового центра слова. Подобные изменения зафиксированы в 15,7% случаев из 3 712 проанализированных сложных существительных.

Главным видом изменений является редуцирование сильного ударения на второстепенное ударение в первом компоненте сложного существительного с сохранением сильного ударения на втором компоненте: (easy-chair) /i:zɪ' tʃeə/, fancy-dress - /fænsɪ'dres/, head-master /hed'mɑ:stə/, ice-cream /aɪs'kri:m/, sea-coast /si:kəʊst/, good-night /gʊd'naɪt/.

Лингвистический интерес представляют те случаи, когда двойное ударение редуцировано на одно рецессивное ударение. Сложные существительные такого рода представляют собой одно смысловое целое и зачастую имеют новое понятие, например: free-lance /fri:lɑ:ns/, писатель или артист, услуги которого не продаются; great-coat - /'gret kəʊt/ - шинель; high-road - /'haɪrəʊd - главная дорога; motor-bike - /məʊtəbaɪk/ - велосипед, двигателем которого является маленький мотор.

Имена прилагательные. Количество изменений в словесном ударении имён прилагательных превысило количественные данные по сравнению с существительными. В 16,9% из проанализированных производных имён прилагательных (от общего количества 8651), имеющих те же префиксы, что и существительные, сильное ударение на префиксе редуцировано на второстепенное. Сильное ударение падает на основную морфему прилагательного, например, bilabial /baɪ'leɪbjəl/, antisocial /æntɪ'səʊʃl/, misspelt /mɪs'spelt/, nonexistent /nɒnɪg'zɪstənt/, overdone /əʊvə'dʌn/, unable /ʌn'eɪbl/.

Коренным образом изменилась акцентуация сложных имён прилагательных: в 53,7% из проанализированных сложных прилагательных (от 832), не употребляется более двойное ударение.

Аналогично сложным существительным, сильное ударение на первом компоненте в сложных прилагательных редуцировано на второстепенное. Сильное ударение падает на второй компонент,

который чаще всего является семантическим центром всего прилагательного, например: evil-minded /i:vl 'maɪndɪd/, good-looking /gʊd 'lʊkɪŋ/, kind-hearted /kaɪnd 'hɑ:rtɪd/, old-fashioned /əʊld 'fæʃənd/, pitch-dark /pɪtʃ 'dɑ:k/.

Глаголы. Изменения в акцентуации 10,6 % производных и сложных глаголов (5 832) аналогичны вышеизложенным изменениям в акцентуации имён существительных и прилагательных.

В производных глаголах, имеющих префиксы: anti-, co-, de-, dis-, in-, ill-, inter-, out-, pre-, re- и других, не сохранилось двойное ударение. Сильное ударение на префиксе редуцируется на второстепенное с сохранением сильного ударения на основной морфеме, например: to decode /di: 'kəʊd/, to disapprove /dɪsə 'pru:v/, to demilitarize /di: 'mɪlɪ-təraɪz/, to ill-treat /ɪl 'tri:t/, to miscount /mɪs 'kaʊnt/, to reprint /ri: 'prɪnt/, to unarm /ʌn 'ɑ:m/.

Большое количество сложных глаголов с двойным ударением также сохранили сильное ударение только на втором компоненте, т.е. на смысловом центре сложного слова. Первый компонент таких глаголов имеет второстепенное ударение, например: to dry-clean /draɪ 'kli:n/, to hall-mark /hɔ:l 'mɑ:k/, to court-martial /kɔ:t 'mɑ:ʃl/, to fine-draw /faɪndrɔ:.

Следует отметить, что второй вариант произношения имён существительных, прилагательных и глаголов, отмеченный в скобках в 12-м издании словаря английского произношения Д.Джоунза, в 14-м издании этого же словаря является первым и нередко единственным вариантом произношения.

В заключение отметим, что хотя изменения в акцентуации современных английских существительных, прилагательных и глаголов весьма аналогичны, больше единообразия наблюдается в акцентуации имён прилагательных.

Л и т е р а т у р а

1. Andersone D. Changes in the Stress of Verbs in English: Graduation paper.-Riga, LVU, 1983.
2. Barber Ch. Linguistic Change in Present-day English. London, 1964.
3. Foster B. The Changing English Language. London, 1968.
4. Jones D. Everyman's English Pronouncing Dictionary. Fourteenth Edition (completely revised), London, 1979.
5. Kachkera A. Latest Tendencies in the Variation of Stress in Modern English (statistic analysis of nouns). Riga. 1981.
6. Larka M. Latest Tendencies in Stressing Adjectives in English (statistic analysis): Riga, LVU, 1982.

О.Л.Озолинь
Рига

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОЛОГИЗМОВ В СИСТЕМЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Словарный состав языка подвижен, он весьма быстро и легко поддается изменениям. Индустриализация, научно-технический прогресс, интенсивная общественно-политическая жизнь, возникновение и развитие новых наук способствуют лексическому обогащению языка. Создание неологизмов — свидетельство жизни языка, его способности выразить все богатство человеческих зрений.

Изучение неологизмов постоянно находится в поле зрения советских и зарубежных лингвистов (1, 2, 3, 4, 5), однако до настоящего времени эта проблема не может считаться решенной окончательно, так как словарный состав языка в целом яв-

ляется незамкнутой, открытой системой. В последние годы наблюдается стремление превратить образование и внедрение неологизмов в управляемый процесс (6). Знаменательно, что во Франции создан Международный совет по французскому языку, который составляет каталог способов образования новых слов во французском языке.

Установление неологизма — трудная задача. Одним из наиболее распространенных способов его определения является сравнение двух изданий разных периодов одного и того же словаря (7, с. II).

В настоящей работе сравниваются два издания *Petit Larousse* с разницей в 16 лет (6, с. 9). Материалом исследования являются прилагательные, инвентаризированные методом сплошной выборки трех наиболее богато представленных в количественном отношении букв словарей — А, С, Р. Цель статьи — выявить продуктивные и активные словообразовательные модели неологизмов последних лет в системе прилагательных французского языка.

В результате анализа *Petit Larousse* (1965 года издания) выделено 2928 исследуемых лексем. К 1981 году 272 прилагательных исчезли, 282 прилагательных подверглись семантическим изменениям, 660 новых единиц обогатили класс прилагательных французского языка.

Исходя из целей статьи, мы рассмотрим лишь новые единицы, появившиеся в языке за последние 16 лет.

Анализ 660 выявленных неологизмов показал, что пополнение словаря современного французского языка происходит следующими путями: 1) морфологическим — в результате аффиксального словообразования (500 прилаг.);

- 2) путем конверсии (96 прилаг.);
- 3) путем словосложения (39 прилаг.);
- 4) путем заимствования (25 прилаг.).

Рассмотрим каждый из указанных типов.

I. Аффиксальное образование

а) Суффиксация

Суффиксальное словопроизводство остается господствующим средством пополнения лексико-грамматического класса прилагательных (362 образования из 500). 35 суффиксов служат для данной цели, из них 22 - книжные. Однако не все форманты одинаково активны. Рассмотрим наиболее продуктивные модели новообразований.

Производные модели "сущ. + -ique" включают 119 единиц. Все они обозначают принадлежность и отношение. Суффикс превратился в один из самых продуктивных и активных формантов современного языка. Он создает в основном терминологическую лексику для различных областей науки и техники: *consonantique*, *phonologique*, *paradigmatique* (языкознание), *catadioptrique*, *rhobique*, *caruolytique* (медицина), *cationique*, *plasmique* (физика), *phénolique*, *cétonique*, *carboxilique* (химия), *plutonique*, *pyroelastique* (геология). Суффикс, как правило, сочетается с книжными и иноязычными основами: *cannibalique*, *carpatique*, *coufigue*, *couchitique*.

Суффикс *-ien* используется в основном для образования производных от имен собственных, выражая принадлежность лицу, обозначаемому производной основой (37 из 49 прилаг.): *acadien*, *amarrien*, *sambrézien*, *raulnien*, *polynésien*, *colombien*. Кроме того, он может обозначать принадлежность и отношение, конкурируя с формантом *-ique*: *cheroïdien*, *carotidien*, *cristallinien*, *coronarien* (медицина). Производные от книжных основ носят отчетливо терминологический характер и употребляются в различных сферах. Следует отметить наличие большого количества новообразований от названий стран, городов, областей и от других географических наименований (71 прилаг. - 19% от всех производных). Данный факт свидетельствует об увеличении роли суффиксального словопроизводства, поскольку совсем недавно французский язык с трудом создавал прилагательные от имен собственных. В настоящее же вре-

мя 6 суффиксов служат для этой цели: *-ien, -éen, -ais, -ois, -ain, -an*. Предпочтение отдается форманту *-ien*. Наблюдается некоторая специализация суффиксов: при образовании производных от названий городов отдают предпочтение суффиксу *-ois* (*pragois, creusois, audois, ariégeois*); *-ais* используется для производных, обозначающих национальность, народность, жителей стран и областей (*azerbaïdjanaïs, angolais, aragonais*). Реже встречаются образования с *-éen* и *-an* (*confucéen, araméen, azuréen, prométhéen, andorran, cordouan*). Универсальным является суффикс *-ien* (*calaisien, athenien, paraguayen, caucasien, armenien, pavlovien, constantinien*).

Книжный суффикс *-iste* образует как существительные, так и прилагательные со значением отношения к явлению, к политическому течению и группировке (из 27 производных - 23 существительных и прилагательных, 4 прилагательных). Присоединяется он к книжным и народным именным основам (I 6 книжных и II народных образований): *culturaliste, poujadiste, rhépoméniste, phalangiste, putschiste, cédeïste, castriste, pauliste, corporaliste, constructiviste, americaniste*.

Судьба и жизнь производных на *-iste* в языке зависит от судьбы и значения соответствующих политических или общественных деятелей или течений. Поэтому они недолговечны (ср. исчезнувшие из словарного состава за 16 лет образования: *autonomiste, psychologiste, pigiste, paralléliste, corniste, cithariste, aragaliste, antiesclavagiste, anthropomorphiste*).

Книжный суффикс *-(a)teur*, присоединяясь к отглагольным основам, также образует как существительные, так и прилагательные (9 сущ. и прилаг., II прилаг.): *classificateur, conciliateur, consommateur, phonateur, psychomoteur*. Производные употребляются в значении "деятели". Поскольку количество глаголов во французском языке значительно превосходит количество отглагольных существительных и прилагательных, то потенциальные возможности, заложенные в исследуемой

словообразовательной парадигме, пока еще не реализуются полностью, а следовательно, прилагательные на -(a)teur могут в любой момент появиться в речи, если возникнет потребность (10, с. 21-22). Суффикс -(a)teur коррелирует с формантами -eur (10 прилаг.) и -oire (4 прилаг.), которые также, как и он образуются от глаголов и обозначают "деятели". Дифференциация обнаруживается в большей продуктивности суффикса -(a)teur (20 прилаг.), а также в дистрибуции: -(a)teur, -oire сочетаются с книжными основами, -eur - с народными: communicateur, abducteur, convocateur, pollueur, grêcheur, agicheur, chamailleur, classificatoire, articulatoire, anovulatoire. Следует отметить, что суффикс -oire служил всегда для производства отглагольных существительных. В настоящем же исследовании он представлен как формант прилагательных, что позволяет предположить функционирование новой словообразовательной модели прилагательных в современном французском языке.

Суффиксы -al (15 прилаг.) и -el (11 прилаг.) образуют производные от имен существительных со значением принадлежности, сходства. Эти образования широко используются в технике, экономике, науке и газетной лексике: pharyngal, grandical, paradontal, palatial, convivial, conjonctival, cancéral, catégoriel, pulsionnel, promotionnel, contextuel.

Установить семантические или фонетические закономерности образований с этими суффиксами не представляется возможным. Дифференциация прослеживается лишь на уровне продуктивности: (-al более активен). Обнаруживается также тенденция к замене производных с -el их коррелятами с -al (cultural вытеснило culturel).

Суффикс -if образует производные от глаголов и существительных (14 прилаг.), они имеют значение абстрактного свойства. Все новообразования относятся к книжным производным и носят терминологический характер: perfectif, prédictif, apparelatif (языковедение), servatif (психология), ablatif (техника).

Производные на *-able* и *-ible* образуются от глагольных основ (15 прилаг.) и именных основ (1 прилаг.). Они имеют четкое словообразовательное значение "способность быть объектом действия": *arbitrable, commutable, consultable, cumulable, crédible, circonscriptible*. Между суффиксами нет различий в словообразовательном значении: они различаются только структурно: *-ible* присоединяется к книжным основам, *-able* - к книжным и народным: *congéable, chiffable, plaidable, approuvable*. Кроме того, *-able* доминирует по количеству производных (14 прилаг.), *-ible* слабо продуктивен (2 прилаг.).

Суффикс *-aire* (13 прилаг.) присоединяется к именным книжным основам и образует терминологические прилагательные со значением отношения: *colinaire, alluvionnaire, aquatubulaire, pubertaire*.

Структурная модель "сущ. + -e" являет собой типичный пример образования атрибутивных единиц в результате конверсии суффикса, генетически восходящего к окончанию причастий прошедшего времени. Она послужила для создания 14 прилагательных, основная часть которых термины: *carbolé* (геология), *graphié* (языковедение), *carboculé* (химия), *aroscopé* (фонетика). Суффикс имеет большую способность присоединяться к книжным основам, чем к народным: *acibé, chocolaté, chainé, couturé, rasché*. Основным значением суффикса является указание на содержание, но он может также указывать на сходство по форме, цвету, составу или иному признаку.

Суффикс *-eux* создал 8 неологизмов. Господствующим значением является указание на содержание (5 прилаг.). Производные от книжных основ имеют терминологический характер: *chlorigeux, chromeux, acrimonioux*. Образования от народных основ имеют обычно созначение "насыщенности характеризующим признаком" (*avalancheux*) или же обозначают "свойственность, подобие" (*cloutchouteux*). Суффикс способен давать образования уничтожительного характера в разговорно-фамильярной лек-

сике (саfouilleux).

Рассмотренные модели дали языку 80,4 % неологизмов. Остальные словообразовательные модели (-oide, -gène, -forme, -phobe, -phile, -morphe, -phone, -esque, -escent, -ot, -in, -ard, -ier, -ichon, -u) уступают им в продуктивности и активности.

в) Префиксация

Префиксальные неологизмы составляют 20,6 % (138) новообразований. 12 префиксов, участвующих в префиксации, являются книжными формантами (греческими - 7 и латинскими - 5). Наибольшую продуктивность и активность проявляют форманты anti- 46 прилаг.: antiétatique, antifongique, antistatique, antiéconomique, antipsychiatrique, antisymétrique, antisyndical, antiarportif, antiraciste, anticapitaliste);

auto- 24 прилаг.: autocéphale, autoimmune, autopolaire, autoréparable, autodestructeur, autopunitif, autoroutier, autocopiant); pre- (16 прилаг.: préreflexif, préscolaire, préindustriel, préobjectal, prégénital, préelectoral, préopératoire, préclassique, préhellénique, précuit, prélatin, préroman); a- (15 прилаг.: aplescentaire, atemporel, afocal, agrammatical, amensal, atypique, asemantique); para- (12 прилаг.: parascolaire, paralittéraire, paranormal, paramédical, paralogique, parasynthétique). Реже встречаются pér(i)- (6 прилаг.: périglacière, périurbain, péridural, perlingual, périnatal); poly- (5 прилаг.: polinomiel, polytonal, polycentrique, polygénique); post- (5 прилаг.: postglacière, postnatal, postindustriel); pan- (4 прилаг.: panafricain, panslave, panhellénique, panislamique. Единичны новообразования с anté- (antéprédicatif, antéposé); contre- (contrescolé, contre-indique); per- (percutané).

Как видно из анализа, почти все префиксальные неологиз-

мы являются книжными образованиями и употребляются в различных сферах.

2. Конверсия

Конверсия — один из самых продуктивных способов образования атрибутивных неологизмов после аффиксации в современном французском языке. Она обогатила лексический состав языка 96 прилагательными (14 % всех неологизмов). Наблюдения показывают, что конверсии подвергаются 1) производные существительные (3 прилаг. *sibernétique, arabisant, affrique*); 2) морфологически простые существительные (8 прилаг.: *parme, cannelle, chou, siouï, son, crétin*); 3) сложные образования (26 прилаг.: *un service après-vente, lotion après-rasage, train autos-couchettes, filtre passebas, filtre passe-haut, filtre passe-bande, navire porte-barges, antibruit, antirouï*) 4) причастия настоящего времени на *-ant* (20 прилаг.: *pieffant, performant, aliénant, consternant, pétant, poilant, affligeant*); 5) причастия прошедшего времени (39 прилаг.: *acquis, affaibli, programmé, concerté, contrasté, posté, carié, arboré, ajusté*).

Особо следует отметить образования с формантом *anti-*, который в современном языке выполняет функцию транспозитора базового существительного в класс прилагательных. *Anti-* легко присоединяется к разным основам — книжным, народным, и иноязычным, свободно сочетается как с существительными, так и с прилагательными: *antigrève, antiviol, antihausse, anticorrosion, anticancer, antiacide, antisatellite, antimissile, antipoison, antinazi, antireflet, antitrust, antidoping, antigang, antiétatique, antistatique, anticapitaliste, anti-impérialiste, antinucléaire, anticonjoncturel, etc.*

3. Словосложение

Словосложение - живой и продуктивный способ словообразования (39 прилагательных). Реализуется оно на базе книжных (греческих и латинских) элементов. Словосложение представлено в исследовании двумя типами: 1) словосложением самостоятельных или несамостоятельных книжных элементов (cosmopolite, psychorigide, phosomèle, rhéoplaste, alloctone, photopolymère, aéromobile); 2) словосложением при помощи соединительных гласных -о-, -и- (pénicillino-résistant, anarcho-syndicaliste, cardia-général, audio-oral, cardio-pulmonaire, agro-alimentaire, caducifolié, patrilocal, pluridimensionnel, pluriannuel, pluridisciplinaire). Компонентами сложных прилагательных могут быть и народные слова (agro-américain, centre-américain).

4. Заимствования

Заимствования включают 25 новых единиц. Их основу составляют латинизмы и греческие слова (15 прилаг.: contumax, réceptive, vignasse, proclive, algide, parèdre, aglyphe). Немаловажна роль иноязычных слов в обогащении словарного состава французского языка (10 прилаг.: cool, punk, cosskney (англ. яз.); schwärz, chleuh (нем.яз.); sagaité, ashkéla-zí (евр. яз.); reul (яз. Африки); aléoute (Аляска).

Подводя итог проделанному анализу, можно заключить, что в словообразовании наиболее активным и продуктивным способом была и остается суффиксация. Следует также отметить активность префиксации, конверсии и словосложения. Доминирует в словообразовании книжное словопроизводство (480 прилаг., что составляет 73 % неологизмов), народные образования включают 14 % (93) прилагательных, иноязычные основы и слова - 13 % (87) прилагательных.

Л и т е р а т у р а

1. Giraud J., Parnart P., Riverain J. Les nouveaux mots dans le vent. - Paris: Larousse, 1974.
2. Князькова Е.Н. О неологизмах в современном французском языке. - Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. - Л., 1958. - Т.127.
3. Левит З.Н. Неологизмы в современном французском языке: Дис...канд. филол. наук. - М., 1951.
4. Степанян А.Х. Развитие словарного состава современного французского языка за период с 1960 по 1967 гг. - Автореф. дис... канд. филол. наук. - М.; 1970.
5. Колесник И.Г. К вопросу образования неологизмов в современном французском языке. - В кн.: Грамматический строй и стилистика романских языков. Калинин: Калининский госуниверситет, 1979.
6. Guilbert L. La créativité lexicale. - Paris: Larousse, 1975.
7. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. - М.: Просвещение, 1980.
8. Petit Larousse: Dictionnaire encyclopédique pour tous. 20e tirage. - Paris: Larousse, 1965.
9. Petit Larousse: Dictionnaire encyclopédique pour tous. - Paris: Larousse, 1981.
10. Цыбова И.А. Определите значение слова. - М.: Междунар. отношения, 1981.

Л.П.Олдырева
Рига

НОВОЕ В ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА АНГЛИЙСКИХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Наблюдения над лексикой современного английского языка свидетельствуют о том, что из всех грамматических форм этого языка более всех склонны к лексикализации грамматические формы множественного числа имён существительных и причастия I и II (I, с. 48). Именно эти формы служат источником не только новых значений, но и новых слов и словосочетаний. Это случается, когда грамматическая форма слова, послужившая оформлению нового значения, обособляется от своей парадигмы и обретает статус цельнооформленного слова, фигурируя в словаре как новая лексическая единица¹. Лексикализация грамматических форм — постоянно действующий в языке процесс обновления семантических возможностей языковых средств.

В данной статье речь пойдет об этом процессе на примере лексикализации грамматической формы множественного числа имён существительных. Материалом к статье послужили примеры из сплошной выборки лексиколизованных форм множественного числа существительных из "Дополнения к большому англо-русскому словарю" 1980 года под ред. И.Р.Гальперина (3). Эти формы были затем сверены со словником одного из последних изданий

¹Традиционный пример такого рода — слово *colours*. Лексикализованная форма множественного числа от существительного *colour* (цвет, тон, оттенок) живет в лексике современного английского языка как самостоятельное многозначное слово (значения *colours*: знамя, военная служба, значок, спортивная форма, цветное платье). У этого слова своя "фразеологическая жизнь" (2), никак не пересекающаяся с идиоматикой от слова *colour* в единственном числе (примеры идиом с *colours*: *to win one's colours*, *to lower one's colours*, *to show one's true colours*, *with flying colours*).

словаря Лонгмана (4). Сверка показала насколько нормативны подобные формы в словаре современной общепотребительной лексики (отметим, что словарь Лонгмана более решительно, чем другие словари фиксирует подобные формы на правах отдельного слова). Поскольку словарь регистрирует такие случаи употребления множественного числа, в которых грамматическая форма стала фактом лексики (строго говоря, иногда лексики, иногда лексикографии, иногда фразеологии - зависит от точки зрения составителя словаря), по ним можно судить о номинативных возможностях этой формы в развитии лексического фонда языка.

То, что категория числа английских имён существительных имеет характер лексико-грамматический и в силу этого довольно часто и легко становится формой словообразования, можно считать точкой зрения большинства советских англистов, специально занимавшихся изучением этой категории (5, 6, 7). Существует мнение, что лексико-грамматическое значение грамматической по форме и происхождению морфемы "-s" (проявляющаяся, к примеру, в таких неологизмах как *shambles* - хаос, *jam* - джем - мандраж, *rip* - порыв) связано с общим движением английского языка к аналитизму (8, с. 34). Это движение сопряжено с чисто автоматическим употреблением морфологических форм, которое "стирает" признак грамматического множества, обращая его на номинацию новых значений, иногда весьма своеобразно связанных с идеей множества (таковы, к примеру, грамматические "аналогизмы" из словаря Лонгмана: *The house was a shambles* - В доме хаос или *She is the top* - Она лучше всех; с точки зрения грамматики морфема "-s" является здесь "опустошенной формой"). Этой демеантизации "-s" способствует общее состояние тех малочисленных грамматических морфем, которые остались в английском языке от его флективного прошлого: эти морфемы (-s, -ing, -ed) многозначны и полифункциональны, они служат образованию и форм слова, и слов (см. исследование И. А. Наумовой о природе морфемы -ing - (9, с. 73). Для строя языка они реликты эрств-

ших грамматических формаций, постепенно размывающиеся наполнением их новыми смысловыми ассоциациями. Эти ассоциации язык может употребить на нужды номинативной функции.

Полифункциональный характер существования грамматических морфем, их дефицит приводит к омонимии^I, и вполне возможно, что в такой ситуации о словообразовательной и словоизменяющей функциях морфемы -s следует говорить в терминах лексико-грамматической омонимии (т.е. говорить о словоизменяющей и словообразовательной морфеме -s как о двух омонимичных формах). Во всяком случае и лексико-грамматический характер самой категории числа, и функциональная размытость употребления малого набора грамматических морфем английского языка создаст для этого благоприятные условия.

Помимо этих, обусловленных историей развития английской грамматики причин, для смыслового наполнения грамматических форм существуют причины более универсального порядка: это прежде всего - асимметрия языкового знака (IO, с. 65). В случае категории числа эта асимметричность проявляется в следующем: значение множественности далеко не всегда выражается грамматической формой множественного числа (оно может выражаться лексически: *much*, синтаксически: *the police are*), и далеко не всякая форма множественного числа выражает чистую множественность (она может выражать многосоставность, сложность действия и состояния и многое другое, не выражая при этом собственно множественности, а для выражения категории числа в таких случаях пользуются дополнительными, неграмматическими средствами, например: лексическим: *a pair of bi focals or sunshades* - двухфокусные или тёмные очки). Значения форм множественного числа не сводимы к когнитивной категории множественности (II, с. 400), и эта несводимость -

^IПримеры таких новых омонимов: *bells* - браслеты (от слова *bell* - колокол), *starters* - первое блюдо (от слова *starter* - стартёр), *cobblers* - чепуха (от слова *cobbler* сапожник), *fringes* - льготы (от слова *fringe* - бахрома).

следствие асимметричности языкового знака, в которой заложена потенция к семантическому развитию языковой формы. Выход за пределы значения грамматической формы и её последующая лексикализация - один из видов такого семантического развития, возможного в языке благодаря асимметрии языкового знака.

Это развитие подчиняется, в свою очередь некоторым закономерностям: так лексикализация грамматической формы есть раскрытие семантических потенций этой формы, и результат этого развития предопределён смысловыми возможностями грамматического значения - в нашем случае значения форм множественного числа. Разберём зафиксированные словарями лексикализованные формы^I с точки зрения обусловленности их значений грамматическим значением множественности. Все случаи лексикализации множественного числа можно сгруппировать следующим образом:

Наименования предметов и совокупностей, связанных с идеей парности

- I) части тела (рот, зубы: braces, chompers, shoppers, pearly gates, глаза, уши: cloth-ears, four-eyes, lazy-eyes, тело: buzz, dabs, pipe-stem legs, thumbs-down,

^I В этой статье разбираются случаи как полной (т.е. когда словарь истолковывает множественную форму как самостоятельное слово), так и частичной (т.е. когда словарь истолковывает употребление множественной формы как одно из значений слова) лексикализации. Этим объясняется присутствие в статье таких примеров как lovebirds (попугайчики-неразлучники, в переносном значении - влюбленные), pop-teachers (сотрудники вуза, занятые научно-исследовательской, а не преподавательской работой). Эти словоформы не потеряли связей со своей грамматической парадигмой: формы a love-bird или a pop-teacher вполне возможны, и тем не менее именно в форме множественного числа эти инновации фиксируются словарём. Очевидно, у такой лексикографической трактовки есть свои основания (хотя она и может вызвать возражения) - источником всех этих новых значений является форма множественного числа.

thumbs-up, hands-down, hands-off, hands-on)

2) детали одежды, бельё, обувь, аксессуары (иные виды

брак: balls, boxers, chinos, cut-offs, flares, gauchos, hip-huggers, hot pants, jeans, knee-cords, knee-pants, long Johns, longs, striped pants, sweat pants, tin pants; одежда: dinner clothes, play clothes, fatigues, tentans; бельё: cheaters, combs, crew socks, galluses, gams, panty leg stockings, panti-tights, underpants; аксессуары: fal-lals, love-beads, worry-beads; обувь: beaver boots, surgical boots, blocked shoes, court shoes, deck shoes, pant shoes, saddle shoes, peep toes, square-toes, chappals, espadrilles, Wellingtons (wellies), casuals, cotton dummies; bifocals, granny glasses, horn-rims, nose-glasses, nose-wipers, sunshades).

II. Наименования масел вещества совокупностей однородных предметов, промежутков времени и пространства, связанных со значением обратительности

1) еда, напитки, лекарства (еда: animal crackers, burned almonds, champons, cold cuts, convenience foods, corn chips, fish sticks, French fries, French plums, home fries, meat-and-potatoes, rolled oats, runner beans, starters лекарства: diet pills)

2) инструменты, технические приспособления транспорт (audio-visuals, blade tools, burns, business machines, commercial vehicles, haptic lens, houselights, micro lens, omnifocal lens, outsiders, props, rabbit ears, realia, soft lens, white-wall, wool-shears)

3) товары (cheaps, free goods, hard goods, returnables, semidurables, soft furnishings, superior goods, white goods, yard goods)

4) деньги, совокупности денежных сумм (clouds, fringes, megabucks, no-show salaries, petrodollars, special interests)

- 5) возраст (post teens, proteens, subteens),
промежутки времени (locust years, swaddling clothes);
адвербиальные наименования регулярно повто-
ряющихся периодов времени (days, evenings, mornings, Satur-
days, Thursdays, Tuesdays, Wednesdays- эти слова соот-
ветствуют русским "вечерами", "по утрам")
- 6) наименование места и местности (boondocks, lutzs, tullies),
присутственные места, учреждения, учебные заведения
(directory inquiries, international agencies, magnet
schools, multiple stores, plateglass universities,
Seven Sisters, without doors).

III. Наименования различного рода объединений и группировок
на основе значения совокупности

- 1) группировки и объединения людей по разного рода при-
знакам: по национальному признаку (English Canadians,
First Americans, French Canadians, Native Americans);
по семейному положению (foster parents, fraternal twins,
lovebirds, marrieds); по роду занятий, общественному по-
ложению и верованиям (angries, blue helmets, boover boys,
Bow-street Runners, oleanskin(s), culturati, dissenters,
expendables, green berets, illuminati, movers and
shakers, musky-musks, narcks, non-teachers, Pentecostals,
pledges electors, preppers, provisionals, rank-and-filers,
seabees, state troopers, undocumented persons).
- 2) названия корпораций (multinationals, transnationals,
sucession states)
- 3) виды животных (free-range hens, stablemates, stick-
insects).
- IV. Наименования действий, состояний, совокупностей предметов
и явлений на основе значений многосоставности и сложности
процесса
- 1) названия болезней и болезненных состояний (magky,
phantom limb pains, night terrors, runy, teething troubles,
touristas)

- 2) названия сложных действий: игр, упражнений, церемоний (chops, cops and robbers, heads or tails, hustings, jerks, musical chairs, numbers, numbers game, panel games, snake eyes, trappings)
 - 3) действия, связанные с идеей закона (юридические полномочия: delegated powers, granted powers, implied powers, inherent powers, specific powers; преступления: index crimes)
 - 4) документы и действия, регулируемые правилами и законами (calling-up papers, cards, collected papers, credits, credit titles, data sheets, graduate degrees, ground rules, labour relations, machinery orders, parentals, regs, Special Drawing Rights, specs)
 - 5) литературные произведения и их фрагменты (типы изданий: comics, Elzevirs, selects, curioss, quality (news)-papers, unbooks; части изданий: yellow pages; знаки пунктуации: double quotes, single quotes; виды высказываний и сообщений: hard news, managed news, spot news, winged words)
 - 6) области научных исследований, научные понятия и единицы (geosciences, hard sciences, life sciences; soft sciences, Black Studies, slavonic studies, colliding beams, contoids, delta waves, lowest terms, near synopsus, peripherals, spheric, whistlers)
- У. Эмоционально окрашенные просторечные наименования явлений, состояний и ощущений, связанные со значением интенсивности и эмоционально-оценочного восприятия всех оттенков значения множественности
- 1) состояния и события (blabs, cobblers, cobwebs, curtains, hard lines, horsefeathers, hots, jim-jams, unk-unks)
 - 2) оценочные наименования людей и их поступков (bonkers, grass roots, hunks, tops, smarty pants, starkers).

Помимо всех этих форм, столь разнообразных по словообразовательным моделям и по способу образования нового значения, можно выделить ещё одну группу инноваций, связанных с лексикализацией формы множественного числа - это фразеологические единства, включающие в своё идиоматическое значение словоформу множественного числа. Например: *to get balloons* - спятить, *not to have all one's buttons* - шариков не хватает, *to go like the clappers* - мчаться как угорелый, *to have cobwebs in one's head* - каша в голове, *to make the hackles rise* - вывести из себя - и т.п., всего в словаре-приложении Гальперина более 30 идиом этого типа. Подобные фразеологизмы могут выстраивать свою идиоматику, пользуясь всеми перечисленными выше видами лексического употребления форм множественного числа.

Приведенная выше классификация словарных примеров не претендует на строгость, у неё иная цель - продемонстрировать номинативную активность грамматической формы множественного числа в лексике последних десятилетий. Перечисленные примеры свидетельствуют о многообразии видов лексикализации грамматического значения множественности. Этот процесс затрагивает лексические единицы разных уровней: словоформы, сложные слова, словосочетания, фразеологизмы (таковы неологизмы *post-hippies* - пенсне, *square-toes* - тупоносые башмаки, *post-show salaries* - заработная плата, выписываемая на подставных лиц). Встречается лексикализация и в конверсивных образованиях (типа *longs* - длинные брюки, *returnables* - возвратная тара), иногда в сочетании с сокращением или опущением фрагмента фразеологического сочетания (*audiovisuals* от *audiovisual aids* - аудиовизуальные средства). Присутствует она и в оформлении смысловых переносов, использующих форму множественного числа для создания нового, чаще всего огубо разговорного именованья (таковы амер. жаргонизмы *blabs* - хандра и *chewers* - зубы). Множественное число довольно часто обеспечивает слово-

формой всевозможные лексические тропы, напр. синекдоху в blue helmets "голубые каски", войска ООН, или антономазию в Wellingtona, wellies - название резиновых сапог. Как видим, номинативные возможности множественного числа используются различными приёмами языковой номинации.

Область содержания этой номинации образуется сочетанием значений, связанных с грамматической формой множественности (это значение парности, совокупности, собирательности, многооставности, количественного восприятия сложности и интенсивности) с конкретными лексическими значениями слова. Эти смысловые сцепления дают новые значения, приводящие в случае их окончательной лексикализации к омонимии. Несмотря на многообразие этих семантических комбинаций в них прослеживается некоторая закономерность (судя по всему типологического порядка): морфологическая форма множественного числа имён существительных претерпевает лексикализацию всякий раз, когда слово переходит к наименованию понятий по-иному сегментирующего множественность. Например, слово в исходном своём значении принадлежит к разряду существительных с полной парадигмой числа, такие слова, как правило, выражают формой множественного числа идею дискретного множества, они исчисляемы, и круг их значений связан с дискретным представлением множества. Между тем в результате различных лексических тропов слово может поменять разряд существительных, обозначив понятие, которое во множественном числе выражает идею не дискретного, а собирательного или парного множества - в этом случае существительное может приобрести свой омоним из разряда, например, *luggage* *trunks* (как это случилось с неологизмами *bells* - брилки-клёш и *horn-glasses* - очки в роговой оправе) или из разряда собирательных (как к примеру, в случае с *muskey-muske* - начальство и *soft furnishings* - обивочные ткани). Смена отношения нового значения слова к представляемому его парадигмой типу множественности, а именно, переход от дискретности к собиратель-

ности, к парности, к эмоционально-усилительному восприятию многократности (типа разговорного - мандраж) неизменно связан с лексикализацией, чреватой омонимией.

Этот семантический процесс характерен для множественного числа не только английских существительных, то же происходит и в русском¹, и во французском языках (по наблюдениям В.Т.Гака во французском языке чаще, чем в русском - 13, с. 219. Значимым представляется и тот факт, что тематика новых значений форм множественного числа английских существительных полностью соответствует тематической классификации значений множественного числа русских существительных, приводимой академиком В.В.Виноградовым в его классической грамматике русского языка (14, с. 136-138). Напомним, что В.В.Виноградов считал семантически сильной форму множественного числа, поскольку в русском языке именно эта форма даёт "больше всего переносных значений и оттенков в семантической системе существительных" (14, с. 138). Думается, это асимметричное положение форм множественного числа характерно в разной степени для многих индоевропейских языков, оно связано с тем, что в этих языках в сегментировании множества принимает участие как лексическое, так и грамматическое значения слова (см. сравнительно-типологический анализ этого явления у В.Т.Гака и С.Н.Кузнецова - 15, с. 98-100).

Помимо типологических причин у лексикализации множественного числа есть и причины иного плана: именуя и сегментируя количественные формы существования субстанции, язык сталкивается с необходимостью проименовать множества разного типа: множества дистрибутивные, собирательные, непрерывные (16, с. 212-335), причем у каждого вида явлений, проимено-

¹Таковы, к примеру, зафиксированные в "Словарных материалах-80" инновации в лексикализации русских существительных: аксиохи, вешенки, вкусоности, вождёрки, гутули, дискусыта, догоны контакты, куролесии, лоунджи, нетушки, отчёты-выборы, нальцы, смотрини, унтыта, часодли, шакалы, юги (12).

ванных существительными, свой тип множества, а иногда и несколько типов множеств, тем тем как в языке набор флективных средств, с помощью которых можно было бы дифференцированно проименовать разные виды множеств весьма ограничен, и особенно он ограничен в английском языке. В распоряжении английского языка одна продуктивная морфема "-s", остальные грамматические формы либо непродуктивны - типа *ocean*, либо заимствованы - типа слов из словаря-приложения *culturati, curiosi, illuminati*. Набор словообразовательных суффиксов небогат, а суффиксов, связанных со значением собирательного множества, крайне мало (*-try - peasantry, -dom - officialdom*), и они непродуктивны. В русском языке, к примеру, ситуация иная: аффиксально-флективный фонд языка намного богаче, и это дает возможность с помощью суффиксов и окончаний различать лексические оттенки слов, обозначающих разные типы множеств, например: профессора (дискретное множество) - профессура (собирательное множество), камня (дискретное множество) - камни (собирательное множество). Лексикализация форм с морфемой -s компенсирует в английском дефицит этого фонда и позволяет проименовать разные оттенки собирательности, совокупности и интенсивности.

Разнообразие словарных примеров свидетельствует о продуктивности и семантической закономерности этого способа наименования: новые формы лексикализации числа образуются по аналогии с образцами, устоявшимися в языке. Так всем примерам, приведенным в нашей классификации, можно подобрать структурно-семантический прототип, который будет для этих слов их общим гиперонимом: например, слово *trousers* будет гиперонимом и прототипом всех новых наименований брюк (*baggies, knee-cords*), слово *etsy* - гиперонимом новых наименований съестного (*starters* - первое блюдо) и т.д. Инновации следуют традиционным для лексики английского языка видам семантизации категории числа.

В завершение еще одно наблюдение над стилистическим

статусом этих наименований: среди них преобладают просторечные, разговорные и жаргонные словообразования. Почти все те формы, которые включены в словарь Лонгмена, т.е. в норматив общеупотребительной лексики, отмечены стилистическими пометами разговорного стиля. Лексикализация морфемы -s присущ стилистический оттенок просторечия. Некоторая фамильярность и заниженность наименования слышится в этих формах даже в тех случаях, когда само слово не принадлежит к разговорному стилю: например, expendable - жаргонизм солдата, cloth ears - тупоухий, Provisionals - "временные", экстремистская террористическая группа в Ирландии. Этот вид наименования характерен для современной разговорной речи.

Л и т е р а т у р а

1. Наумова И. The Lexicalization of Grammatical forms (Participles I and II) as a means of replenishing the modern English vocab. - В кн.: Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышских языков. Рига, 1978.
2. Гак В., Рецкер Я. О французской фразеологии и француско-русском фразеологическом словаре. - В кн.: Француско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И.Рецкера. М., 1963, с. 5-12.
3. Дополнение к Большому англо-русскому словарю / Под ред. И.Р.Гальперина. М., 1980.
4. Longman Dictionary of Contemporary English, 1st ed. 1978, reprinted 1983.
5. Набатова Э.В. Случай лексического обособления словоформ множественного числа существительных в современном английском языке: Автореф.дис... канд.филол. наук.-М., 1960.
6. Токмаджан А.А. Формы множественного числа имен существительных, имеющие обособленное значение в современном английском языке: Автореф.дис... канд.филол. наук.- Ереван, 1961.

7. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка.- М., 1960.
8. Щенельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление.-М., 1972.
9. Naumova I. The Linguistic Status of the Noun with "ing" in Modern English.-В кн.: Вопросы английской филологии. Рига, 1973.
10. Кумахов М.А. Число и грамматика. - Вопросы языкознания, 1959, № 4.
11. Реформатский А.А. Число и грамматика.-В кн.: Вопросы грамматики. М;Л., 1960.
12. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80 / Под ред. Н.З.Котеловой.-М., 1984.
13. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология.-М., 1977.
14. Виноградов В.В. Русский язык.-2 изд.-М., 1972.
15. Гак В.Г., Кузнецов С.Н. Опыт сравнительно-типологического анализа категории числа.-В кн.: Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов.-М., 1984.
16. Папфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания.-М., 1982, с. 302-355.

О.А.Прокудина
Нальчик

ИННОВАЦИИ В ОККАЗИОНАЛЬНЫХ АНТРОПОНИМАХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Лексические инновации разнородны по своему характеру, причинам возникновения и отношению к системе языка. Стало традицией выделения неологизмов как устойчивых инноваций, вошедших в употребление языкового коллектива, и окказионализмов, как слов, порожденных определенным контекстом и только в нем существующих (1, 2, 3). Кроме привязанности к контексту за окказионализмом сохраняется принадлежность автору.

Вопрос об узуальном и окказиональном слове приобретает особое преломление для имён собственных как для специфического класса слов. При этом в силу разнородности имён собственных как по содержанию, так и по принципам изменения, он решается неодинаково для разных групп. В некоторых группах, например, в группе фитонимов, идеонимов, прагмонимов, всякая инновация имеет тенденцию стать узуальной. В группе антропонимов проблема получает двойное решение в зависимости от того, имеет ли место традиционная или искусственная номинация. Под традиционной номинацией здесь понимается именование человека в реальной жизни, которое характеризуется сложным переплетением социальных и психологических факторов (4). В свою очередь, искусственную номинацию характеризует направленный учет свойств объекта и наличие авторской целеустановки (5).

Фамильные именные персонажей художественного произведения являются единицами искусственной номинации. В подлинно художественном произведении все фамилии персонажей несут определенную семантическую и стилистическую нагрузку, причем каждая из них участвует в создании художественного образа произведения. Как отмечал Э.Золя в своем письме де Сиону, "имя в произведении становится как бы душой персонажа, нередко даже в сочетании слогов мы видим характер человека" (6, с. 204).

В связи с тем, что антропонимы в художественном тексте могут быть как созданными автором, так и заимствованными из реального именника, возникает необходимость выявить в антропонимах узуальность и окказиональность. Теоретические работы, посвященные вымышленным антропонимам, весьма немногочисленны, в них проблема рассматривается с одной стороны, в связи с разграничением персонажей на реальные, исторические лица и вымышленные автором персонажи (Силаева А.Г. - 7). С другой стороны, ставится вопрос об изучении литературного антропонима как имени созданного самим автором и характеризующего в той или иной степени персонаж. Представляется целесообразным считать, что те антропонимы, которые заимствованы автором из реальной, исторически сложившейся системы имен, являются узуальными. Вымышленные автором фамилии и не зафиксированные в справочниках остаются по отношению к реальной системе фамилии окказиональными.

Разграничение фамилий, созданных автором, и фамилий, входящих в реальную антропонимическую систему, в отдельных случаях может оказаться субъективным: фамилии, встречающиеся в реальном именнике, могут приобретать черты окказионализма за счет их семантического наполнения в тексте произведения.

Окказиональность в области антропонимии может проявляться по-разному. Перейдем к рассмотрению тех форм окказиональности, которые нам удалось обнаружить. При описании следует учитывать два момента: соотносимость антропонимов с реальным именником и семантическую наполненность антропонимов в тексте.

Как пример семантического обогащения узуальных фамилий и приобретения ими черт окказиональности рассмотрим фамилию *Sears*. Эта узуальная английская фамилия трактуется словарями как происходящая от личного имени *Sara*: *Sears* - *Sara's* son. Эту фамилию носит один из второстепенных персонажей в романе А.Мердок "The Nice and the Good". На первый взгляд может показаться, что характеристические возможности

этой фамилии не велики и, следовательно, обогащение его художественного контекста незначительно. Действительно, фамилия *Sears* казалось бы, остается нейтральной по отношению к личности персонажа. Однако некоторое созвучие фамилии и имени нарицательного *leaf*, увядший, сухой, и вхождение последнего в состав фразеологизма "*The sear and yellow leaf*" - пожилой возраст - имеет прямое отношение к характеристике персонажа. По сюжету романа эту каламбурную фамилию носит немолодой человек, изрядно потропанный и никому не нужный.

Таким образом, контекст литературного произведения выявляет потенциальные коннотации узуального антропонима. Фамилия *Sears* в обиходном употреблении немотивирована, мотивированность достигается контекстом произведения. Подобные случаи "ремотивации" фамилий в контексте произведений следует рассматривать как их окказиональное употребление. Такие случаи являясь пограничными между узуальными и вымышленными автором фамилии, могут рассматриваться как один из видов окказиональности.

Разновидностью авторских окказионализмов являются вымышленные автором антропонимы, в которых план выражения как бы заслоняет план содержания. Речь идет об именах персонажей в романе У.Голдинга "*The Inheritors*". Необычность и нереальность описываемых в романе общностей - племена неандертальцев и племена *Homo Sapiens* - потребовали и создания нового набора имён. Использование автором в качестве имен персонажей простых, легко произносимых окказиональных образований: *Pa*; *Na*; *Ma*; *Li*; *Oa*, соответствует нашему представлению о языке первобытных существ как о примитивном средстве общения. Только контекст произведения позволяет идентифицировать эти окказиональные образования как имена. По своей структуре и внутренней форме они далеки от узуальных, по крайней мере англоязычных антропонимов. Как бы не слаба внутренняя форма некоторых окказиональных антропонимов, нельзя безоговорочно отрицать наличие у них плана содержания. Если мы рассмат-

риваем текст произведения как единое художественное целое (8), то мы должны признать роль окказиональных образований в фонетической инструментровке текста. "Виды фонетического значения... вступать во взаимодействие друг с другом, обогащая информацию, передаваемую текстом" (9, с. 9). При этом следует учитывать, что информация, передаваемая фонемами, по большей части не понятийного, а сенсорно-эмотивного характера. Сказанное о фонетическом облике антропонимов имеет отношение не только к данной группе, но также и ко всем используемым в литературе антропонимам. В данной же группе окказионизмов, где превалирует план выражения, фонетический облик является наиболее важным.

Несколько иной по характеру реализации в тексте является группа окказиональных антропонимов, связанных по своему происхождению с именами нарицательными. Основной отличительной особенностью этой группы является то, что имена нарицательные, переходя в художественном тексте в разряд антропонимов, по-иному реализуют свое семантическое содержание. Например, квалификативный признак, даже если он не был присущ именам нарицательным, появляется при переходе их в разряд окказиональных антропонимов. Имя нарицательное *buglar*, став окказиональной фамилией персонажа О. Хаксли "Контрапункт", не может реализовывать свое основное лексическое значение - дегрига, мемковина. В произведении реализуется скорее ассоциативное поле имени нарицательного *buglar*, выражающее представление о грубости и черствости. В романе фамилия является косвенной характеристикой бестактного и бездушного человека.

Имена нарицательные, из числа которых выбираются литературные антропонимы, иногда имеют в своей структуре элементы, которые могут быть истолкованы как формальные антропонимические показатели. Это облегчает отнесение этих окказионализмов к классу антропонимов. Ср. имя нарицательное *aglet* (аксельбант) - фамилия *Aglet* (О. Хаксли "Контрапункт"), где *-let* -

уменьшительный формант некоторых реальных фамилий (напр., Roblett, Giblett и др.). Имя нарицательное Throbbing - фамилия Throbbing (И.Во "Мерзкая плоть"), где -ing - патронимический формант реальных английских фамилий (например, Browning, Kipling, Flomling). Окказиональные антропонимы могут образовываться также из сочетания имен нарицательных с различными элементами реальных фамилий.

Попытку выделения различных групп окказиональных антропонимов следует считать предварительной, однако очевидным остается тот факт, что окказиональные антропонимы являются разнохарактерными по структуре, по семантической наполненности, а также по связи с реальной номенклатурой имен, т.е. они являются в разной степени мотивированными. Антропонимы в художественном тексте, наряду с другими знаками языка, реализуют свои номинативные и дескриптивные возможности. Степень их окказиональности и стилистическая нагрузка варьируются в зависимости от семантической мотивированности фамильного именованья как языкового знака.

Л и т е р а т у р а

1. Лыков А.Г. Русское окказиональное слово. - Автореф. дис... докт. филол. наук. - М., 1972.
2. Король Т.В. Окказиональные сложные существительные в современном немецком языке; Автореф. дис... канд. филол. наук - Рига, 1967.
3. Соскина С.Н. Окказиональные образования научной фантастики: Дис...канд. филол. наук. - Калининград, 1980.
4. Сталтмане В.Э. Из истории латышских фамилий. - В кн.: Историческая ономастика. М., 1977.
5. Голев Н.Д. "Естественная" номинации объектов природы собственными и нарицательными именами. - В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1974.
6. Письмо Э. Золя де Сиону от 29 января 1882 г. - Литературная учеба, 1940, № 8, 9.

7. Силаева Г.А. О содержании понятия литературной антропоним.-В кн.:Русская ономастика.-Рязань, 1977.
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста.-М., 1970.
9. Пелевина Н.Ф. О семантизации звуковой стороны художественного текста.-В кн.:Вопросы семантики.-Ленинград, 1976.

Я.К. Рашкевич
Рига

НЕОЛОГИЯ И НЕОГРАФИЯ

В результате бурного и никогда не останавливающегося развития лексики языка и всестороннего изучения этого процесса в разных языках возникли новые отрасли языкознания неология и неография, областью изучения которых является исследование и описание нового в словарном составе языка, т.е. выявление путей опознания новых слов, значений и устойчивых словосочетаний, анализ факторов, вызвавших их появление, изучение моделей их создания и их лексикографическое описание и отражение в словарях.

Неография как раздел лексикографии занимает особое место среди всех филологических дисциплин в области неологии при регистрации и толковании новообразований.

Новые лексические единицы фиксируются сначала, как правило, в научных статьях, диссертациях и т.д. и только потом включаются или в специальные словари неологизмов, или в другие типы словарей.

Обычные толковые, переводные и другие словари, какими бы всеобъемлющими они не были, не успевают за появлением в языке новых слов, значений и устойчивых словосочетаний, и поэтому необходимы специальные словари неологизмов, даже если иногда они бываю сравнительно небольшими по объему. Такие словари как, например, словари новых слов русского языка Новые слова и значения: Словарь - справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. (Москва, 1971) и Новые слова и значения: Словарь - справочник по материалам прессы

и литературы 70-х гг. (Москва, 1984), словарь новых слов французского языка P. Gilbert. *Dictionnaire des mots nouveaux* (Paris, 1971), словарь неологизмов немецкого языка G. Hellvig. *Kennen Sie die neuesten Wörter* (München, 1973), словарь новых слов румынского языка P. Morcu, C. Malcesa. *Dictionar de neologisme* (Bucuresti, 1961) и др. быстро и оперативно регистрируют новообразования и издаются во многих странах мира.

Первые словари лексических неологизмов появляются в начале XIX века. Так один из первых словарей неологизмов французского языка (L.S. Mercier. *Neologie, ou vocabulaire des mots nouveaux, a renouveler, au pris dans des acceptions nouvelles*)

был издан в Париже уже в 1801 г.

В XX веке уже целый ряд таких словарей издается в разных странах, тогда же и определяется их место среди других типов словарей.

Среди первых важнейших неограрических работ в области английской неологии известны (в хронологическом порядке) такие словари неологизмов как *The Language of World War II* (New York, 1948) А.М.Тейлора (A.M. Taylor), отражающий новое в лексике английского языка времен второй мировой войны, *A Dictionary of New Words in English* (London, 1953) П. Берга (P.C. Berg), который включает в себя около 2500 словарных статей, регистрирующих новые лексические единицы, появившиеся в английском языке с начала 30-х годов до 1953 г. и отражающие новые понятия в научно-технической, политической, культурной и др. областях человеческой деятельности данного периода, *Dictionary of New Words* (New York, 1955)

М. Рейфер (M. Reifer), регистрирующий около 4500 новообразований периода с 30-х годов до 1955 г., *Wartime English* (Groningen, 1957) Р. Зандворта (R.W. Zandvoort), который

как и словарь А.Тейлора, включает в себя новые лексические единицы английского языка периода второй мировой войны, *Morrow Book of New Words* (New York, 1962), составленный Н. Магер и С. Магер (H.H. Mager, S.K. Mager) и отражающий но-

вообразования американского варианта английского языка периода 1967 - 1980 гг. и др., включая и такие словари как V. Kay, P. Strevens. *Beyond the Dictionary in English* (London, 1974), K. Hudson. *The Dictionary of Diseased English* (London, 1977), M. Pei. *Doublepeak in America* (New York, 1973) и др., отражающие развитие не только нейтральной, но и разговорной и сленговой лексики английского языка.

В последние десятилетия издаются и очень солидные словари неологизмов английского языка. Так, очень ценными являются словари *A Dictionary of New English: 1963-1972* (London-Bronxville, NY, 1973) и *The Second Barnhart Dictionary of New English* (Bronxville, NY, 1980), составленные соавторами К. Барнхарт, С. Стейнмец и Р. Барнхарт (C. L. Barnhart, Sol Steinmetz, R. K. Barnhart). Эти два словаря охватывают самые разнообразные лексические неологизмы 1963-1980 гг. В обоих словарях около 10 000 словарных статей - словарных единиц, которые по мнению составителей словаря уже во время опубликования этих словарей стали достоянием международного английского языка. Словари Барнхарта (как они для краткости обычно называются) являются очень важными лексикографическими пособиями и дают ценную информацию о новых словах, значениях и устойчивых словосочетаниях английского языка, появившихся в 1963-1980 гг. Словари Барнхарта - это составленный на высоком лексикографическом уровне своего рода индекс лексикографических новообразований, регистрирующий то новое, что за 1963-1980 гг. появилось в быту людей, в их производственных отношениях, в науке, технике, культуре и др. областях человеческой деятельности.

Словари Барнхарта дают хорошие дефиниции, год первого появления данной лексической единицы в литературе или периоде. Иллюстрирующие цитаты иногда содержат полное толкование значения; в этих случаях дефиниции отсутствуют.

В настоящее время словари Барнхарта являются лучшими неологическими словарями современного английского языка.

* * *

Введение нового слова, значения или устойчивого словосочетания в общие толковые или переводные словари говорит о важности этой лексической единицы, однако оно может осуществляться разными способами. Может быть выпущен дополнительный том или даже несколько дополнительных томов в качестве приложения к большому словарю. Так, например, под редакцией Р. Берчфилда (R. W. Burchfield) готовится новое четырёхтомное приложение к Большому Оксфордскому словарю

(Supplement to the Oxford English Dictionary). В 1972 - 1982 гг. уже опубликовано 3 тома, в скором времени выйдет из печати последний, четвёртый том. Новое четырёхтомное приложение Большого Оксфордского словаря, содержащее более 60 000 словарных статей и более полмиллиона иллюстративных примеров, будет очень важным достижением английской лексикографии и заменит старое, однотомное приложение 1933 г. Новое приложение БОСа, регистрирующее изменения в лексике английского языка с 1984 г. (когда была издана первая часть первого тома БОСа) отражает обширный географический ареал - это Англия, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Индия и др. англоязычные страны.

В 1976 г. был опубликован словарь 6000 words: A Supplement to Webster's Third New International Dictionary (Springfield, Mass.) - однотомное приложение к 3-му изданию словаря Вебстера (Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Springfield, Mass., 1961).

В нём дается более 6000 новых слов, значений и устойчивых словосочетаний (включая и сленг, диалектизмы и др.), которые появились в английском языке в 1961-1975 гг. Этот словарь также служит ценным лексикографическим пособием в области неологии.

Дополнительные тома, содержащие неологизмы, иногда выпускаются и к большим периодическим словарям. Так, например, в 1980 г. было издано Дополнение к Большому англо-русскому словарю, опубликованному в 1972г.

Но специальные дополнения в виде отдельного тома или нескольких томов готовятся, как правило, довольно редко и только к большим словарям. Обычно новые слова, значения и устойчивые словосочетания включаются в сам словарь при его пересмотре, или они даются как специальное приложение (addenda) при перепечатке.

* * *

Для подготовки словарей неологизмов или дополнений к уже существующим словарям важную роль играют и различного рода периодические издания (журналы, специальные бюллетени, списки неологизмов), такие как *Word Study* выпускаемый издательством Мэрриам - Вебстер, *The Barnhart Dictionary Companion: A Quarterly to Update the Dictionary*, или издателей словарей Баршарта, *The Periodical*, периодический бюллетень издательства Оксфордского университета и др. Периодические издания - органы соответствующих издательств являются ценными пособиями, в которых публикуются списки неологизмов перед тем, как они включаются в словари и обсуждается их важность, история и значение, а также рассматриваются различного рода теоретические проблемы неологии и неографии.

Я.Я.Силис
Рига

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В НЕОЛОГИИ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Новые тенденции в системе современного британского обращения наблюдаются главным образом в сфере употребления уже существующих, исторически сложившихся форм обращения. Подобное выдвигение на первый план функционального аспекта позволяет отнести эти тенденции к сфере стилистики. Однако более подробное ознакомление с различными видами обращения в Великобритании¹ позволяет выделить некоторые новые формы, которые регулярно воспроизводятся в разговорной речи.

Наблюдаются также и случаи лексико-семантических и лексико-фразологических изменений в уже существующих способах обращения. Настоящая статья затрагивает именно эти аспекты неологии английского обращения.

В самом широком смысле обращение - это "употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращаются с речью; синтаксически обращение обычно оформляется сверхсегментными синтаксическими средствами" (I, с. 276).

В конкретном случае термин "обращение" употребляется

¹ Автор имел возможность стажироваться в Лондонском университете в течение 1982/83 уч.г.

в более узком смысле, т.е. прежде всего обращение рассматривается с социолингвистической точки зрения, и в центре внимания оказываются те слова или словосочетания, которыми пользуются, когда обращаются именно к лицу, а не к персонифицированному предмету или явлению (обращение к последним всегда носит стилистически окрашенный, метасемиотический характер). Следует также отметить, что нами рассмотрены формы прямого обращения (в отличие от "косвенного обращения" - различных форм обозначения в прямой речи третьего лица (2, с.9) в реальном речепотреблении. Материал исследования отражает языковую ситуацию в Великобритании в 1983 году и основывается главным образом на опросе и анкетировании информаторов г. Лондона, а также на аутентичных образцах английского реального речепотребления, полученных автором во время работы в исследовательской группе "Обзор английского языка" (Survey of English Usage) под руководством профессора С.Гринбаума при кафедре английского языка Лондонского университета.

При рассмотрении форм обращения реальной речи наряду с чисто лингвистическими моментами необходимо учитывать влияние социолингвистических факторов (например, общественные отношения между говорящими, их социальное положение, возраст, классовая принадлежность, тип речевой ситуации и т.п.).

Взаимоотношения между участниками разговора нами характеризуются либо как:

- 1) "симметрические", когда собеседники относятся к одной социальной, возрастной и т.п. группе,
- 2) либо как "асимметрические", когда говорящие принадлежат к разным социальным, возрастным и т.п. группам, следовательно, имеют разный социальный статус.

По характеру общественных отношений между участниками разговора возможно различить три случая:

- а) фамильярный, когда участники беседы находятся в близких отношениях;

б) равноправный, когда говорящие равны по социальному положению, возрасту и т.п;

в) неравноправный, когда говорящие не равны по социальному положению, принадлежат к различным группам и т.п.

Сопоставление этих двух принципов классификации позволяет сделать вывод, что фамильярные и равноправные взаимоотношения симметричны, а неравноправные отношения - асимметричны.

Число новых форм обращения регулярно воспроизводимых в речи, весьма невелико. Некоторые из них образованы при помощи аффиксации и конверсии. К обращениям подобного типа относятся, например, "chairry" (столяр) и "электрик".

Подобные варианты, естественно, не являются нормативными, однако, по данным Дж. Уиткет (3, с. 89-97), вполне возможны в качестве прямого обращения при фамильярных и симметрических отношениях между говорящими.

В результате движения за эмансипацию женщин возник ряд новых обращений, наглядным примером которых является форма "Chairperson", образовавшаяся при помощи словосложения и употребляемая в официальной речевой ситуации как при симметрических, так и при асимметрических отношениях. Этот вид обращения обязательно сочетается со "словами-титудами" "Mr" или "Madam" (Mr Chairperson, Madam Chairperson).

Однако любопытно отметить, что данная форма уже критиковалась некоторыми исследователями как неудачное отождествление общественной функции с человеком, выполняющим ее (4, с. 30-31).

В течение последних десятилетий в разговорной речи более или менее регулярно употребляются виды обращения, семиотика которых связана с обозначением национальности собеседника. Как правило, подобные формы метасемиотически окрашены и не являются нормой. Некоторые из этих вариантов носят

вполне дружелюбный характер и употребляются симметрически между близкими и равными, например, "Mac" - по отношению к шотландцу, "Paddy" - к ирландцу и "Taffy" - к уроженцу Уэльса. Напротив такие формы как "wog" (араб, индосец) и "wop" (итальянец) по своему характеру являются оскорблением национального достоинства.

Помимо возникновения новых форм обращения в собственно лексическом аспекте, необходимо остановиться на рассмотрении некоторых случаев расширения функциональной семантики слова.

Так, например, в результате анализа данных анкетирования информантов выяснилось, что обращение "Nurse" в современной языковой ситуации употребляется по отношению к представителям обоих полов, выполняющих обязанности младшего медицинского персонала. Это подтверждается употреблением словосочетаний "male nurse" в качестве "косвенного обращения". В свою очередь, к медсестре женского пола, занимающей более высокое служебное положение (обычно в больнице) уместно обращаться при помощи формы "sister" (ср. "sister2 - сестра, "aister" - фамильярное обращение к любой женщине в США, "sister + last name" - монахиня). Обращение "Matron" означает, что подразумевается либо старшая сестра больницы, либо завхоз школы (ср. "matron" - замужняя женщина средних лет, употребляемого в качестве косвенного обращения).

Члены одного профсоюза обращаются друг к другу при помощи формы "Brother + last name" (ср. с "brother" - брат, "brother + last name" монах). Подобная форма употребляется в официальной речевой ситуации симметрически и асимметрически: Brothers, I'd like to congratulate you ...

(обращение к аудитории коллег по профсоюзу).

Интересно, что расширилась также функциональная семантика таких видов обращения как "love", "(my) dear", "darling", которые вполне нейтральны и типичны даже по отношению к незнакомому человеку.

Следует отметить, что подобное употребление все же не

встречается в высших и даже средних слоях общества. Известный специалист по грамматике английского языка Р. Клоуз высказывает мнение, что во время бомбардировок Лондона и других городов обращение "love" в нейтральном значении функционировало во всех социальных группах, но в послевоенные годы осталось типичным в основном для рабочего класса. Подобное мнение подтверждается и наблюдениями автора за современной языковой ситуацией.

Необходимо упомянуть и новые тенденции в обращениях, которые относятся к "малому синтаксису", т.е. к сфере фразеологии. В изучении проблемы обращения как словосочетания приходится иметь дело с явлением, которое можно назвать "словами-титулами", где титул имеет расширенное значение, которое метафорически сопоставляется с "ручкой", при помощи которой имя собственное (а также обозначение должности или выполняемой общественной функции) вводится в реальное речепотребление: Mr. Brown, Mrs. Johnson, Miss White, Mr. President т.п.

При рассмотрении группы лексических неологизмов нами уже упоминалась форма обращения этого типа - "Mr/Madam Chairperson", которая имеет также и параллельный вариант "Mr/Madam Chairperson". В своеобразии формы "Madam Chairman" заключается в факте, что "слово-титул" "Madam" сочетается с "Chairman" отражающим положение недавнего прошлого, когда данная общественная функция была привилегией мужчин.

Иногда замена одного "слова-титла" в форме обращения другим служит сигналом изменения социального статуса участника разговора. Так, например, если врач является крупным специалистом в своей области, то к нему следует обращаться (асимметрически или в формальной ситуации) при помощи формы "Mr + last name", а не "Doctor + last name", как прежде.

В современном британском варианте английского языка существуют случаи, когда в обращении к человеку, занимающему определенную должность, отсутствует "слово-титул" Mr/Mrs/Miss. Подобные формы употребляются, например, в разговоре

с министром, премьер-министром, директором школы и т.п.:
Minister, Prime Minister, Headmaster (вариант "Head-
mistress" не существует как прямое обращение).

Непосредственное обращение к женщине или мужчине по имени и фамилии без Mr /Mrs/ Miss, которое было немыслимо в довоенный период и раньше, в наши дни вполне типично на радио или телепередачах, особенно в случаях, когда обращающийся это ведущий данной передачи, который таким образом дает слово участнику беседы:

"D: ...when they have a battle between themselves all their missiles hit the unfortunate Mr Brooke who as I understand is neither ... (laughter).

F: Yes, Honor Balfour?

E: May I just say that I happened to be talking with Mr Brooke the following evening and he did assure me he was not hit (laughter). (S.5.4.-5)

F: What are the teams views? Victor Michoon?

V: Well I suppose if any one was - um, angry about the Rent Act it would be myself and it is my Party - we feel it to be a very wrong and a very unjust Act..." (S.5.4.-1)

Причины функционирования этой формы обращения, заключаются в необходимости идентификации участников интервью и отражают стремление ведущего передачи сохранять беспристрастную позицию (4, с. 24).

Обобщение упомянутых примеров функционирования новых форм современного английского обращения в реальных речевых ситуациях позволяет сделать вывод, что неология в этой области языкознания ярче всего выражена в расширении функциональной семантики слова. Роль собственно лексического аспекта в формировании новых форм обращений срав-

нительно невелика: лингвистические и социальные факторы в процессе возникновения новых способов обращения (или при новом употреблении уже существующих форм) действуют в тесной взаимосвязи.

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов -М., 1966.
2. Силис Я.Я. Семантика вариантных форм обращения в английском и латышском языках: Дис... канд.филол. наук.-М., 1979.
3. См. Janet Whitout The Language of Address. In: The State of Language.-U. of California Press, 1980.
4. См. в частн. Sandra Bale. Some Observations on the Use of the Vocative in British English: A project submitted as a partial requirement for the degree of Master of Arts in the University of London,- University College, 1975.
5. Тексты записей аутентичных радио- и телеинтервью из материалов исследовательской группы "Обзор английского языка". Лондонского университета. Текст S.5.4 числится под заглавием "Any Questions (Radio)".

В.Скуина
Рига

НАИБОЛЕЕ ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ЛАТЫШСКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Новообразования в терминологии создаются, если 1) создана необходимость нового слова, 2) определено место термилируемого понятия в системе понятий, 3) в языке имеется соответствующая структурно-семантическая модель.

В латышском языке терминообразование в основном происходит с помощью общелитературных словообразовательных моделей аффиксации и словосложения, в частности, продуктивных суффиксов *-šun-*, *-um-*, *-lv-*, *-tij-*, *-isk-*, суффиксальных окончаний *-e*, *-is*, префиксов *at-*, *pa-*, *ar-*, а также с малопродуктивных суффиксов *-/t/n-*, *-en-*, *-kl-*, *-āj-*, *-nes-*, *-ien-*, *-on-* и др. Появляются новые глаголы с *-ēt*, *-ot*, *-inēt*. Активно используются модели с интернациональными элементами *-izms*, *-istika*, *-ists*, *-itāte*, *-/i/āde*, *-/izās/ijs*, *-tās*, *-ids*, *-āls*, *-ārs* и др. В словосложении продуктивным стал целый ряд первых и вторых компонентов. Новые сложные слова в латышском языке строятся также из интернациональных корневых элементов при помощи соединительного гласного *o*. В активизации некоторых моделей свою роль играют контактирующие языки (сравн. русск. соседство). Некоторые модели (например, сложносокращенные образования) характерны в основном для слов, заимствованных из других языков.

Одновременно с разн. иными новообразованиями происходит некоторые изменения в отдельных компонентах словообразовательной системы латышского языка.

V. Skujina

AKTĪVĀKTE VĀRDDARINĀŠANAS MODELI
LATVIEŠU VALODAS ZINĀTNISKAJĀ TERMINOLOĢIJĀ

"Mums latviešu valodā ir tik daudz sakņu, tik daudz celmu, ka no viņiem var izaugt vesels vārdu mežs" (1, 46), - šo Kārļa Milenbaha vārdu patiesīgu pilnībā pierāda gan mūsdienu latviešu valodas leksikas bagātība, gan jaunu vārdu darināšanas iespējas, ko mums piedāvā latviešu valodas vārdarināšanas sistēma ar dažādiem produktīvajiem un mazāk produktīvajiem jaunu vārdu darināšanas paņēmieniem un līdzekļiem.

Ipaši daudz jaunu vārdu tiek darināts sekārā ar zinātnes attīstību dažādu nozaru zinātniskās terminoloģijas izstrādāšanas un pilnveidošanas procesā.

Jauns vārds zinātniskās terminoloģijas vajadzībām tiek radīts tad, ja ir izveidojušies šādi priekšnoteikumi: 1) ir nobriedusi nepieciešamība pēc jauna vārda; 2) ir pilnīgi skaidrs nozinājamais respektīvi terminājamais jēdziens; 3) valodā ir attiecīgs strukturāli semantisks vārdarināšanas modelis.

1) Nepieciešamība pēc jauna vārda var rasties gan jauna jēdziena apzīmēšanai (dzīvotne - 'dzīvnieka mitināšanās un attīstības vieta'; piecietība - 'organisma spēja nepieņemtā vidē saglabāt savas sugas pamatpatvarus'; driks - 'stāda ar substrātā ietvertām saknēm'), gan esoša jēdziena precizēšanai respektīvi jēdzienu diferencēšanai (noslogojums - noslogotība, kraušana - krautņajums, nedzīvdzīmšana - nedzīvdzīmība, asens - šķeltnis, laistīšana - lietēšana). Nereti jauns vārds tiek veidots nevēlama profesionālisma vai praksē lietota garāka vārdu savienojuma aizstāšanai (šlifs → pieslipnis, broņa → nodrose, klipverks → pacinkaltava;

lasīt un rakstīt pratējs → rakstpratējs, lasīt un rakstīt prasme → rakstpratība, raismas signālaparāts → luksosofors).

2) Lai radītu jaunu vārdu, izvēlētos semantiski piemērotākos vārddarināšanas elementus, labi jāpazīst attiecīgais jēdziens, skaidri jāapzinās tā būtiskās pazīmes, robežas, jāzina virsjēdziena un blakusjēdzienu termini. Izvēloties, piemēram, apzīmējumu vairāku objektu (valstu, pilsētu, celtnu u.c.) apskati ietverošam atpūtas ceļojumam (ko krievu valodā apzīmē ar angļu vārdu КРУЖ), ir jāzina, vai runa ir par ceļojumu tikai ar kuģi (kuģojums, apkuģojums), vai arī ar lidmašīnu, autobusu un pat zirga pajūgu (apceļojums), vai galvenais ir tas, ka ceļotāji iepazīstas ar dažādās vietās esošiem objektiem (apkuģojums, apceļojums), vai tas, ka ceļojums ir atpūtas (atpūtas kuģojums, atpūtas ceļojums) vai izpriecās brauciens (izpriecakuģojums, izpriecaceļojums) u.c. Apzinējamā jēdziena skaidra apzināšanās ļautu no dažādajiem vārddarinājumiem izraudzīties atbilstošāko.

3) Liela loma vārddarināšanā ir jaundarinājuma strukturāli semantiskai analogijai ar citiem valodas vārdiem, terminiem. Piemēram, tāpat kā ražība, auglība darināti taktība, adresība, autorība, pēc analogijas ar darinājumiem akmenājs, smiltājs veidoti jaundarinājumi bručājs, grēdājs, pēc analogijas ar ortopēdija, pediatrija iespējams arī protēzija, pēc analogijas ar ainavists, viensliecists - arī rok/as/bumbists. Ja valodā nav attiecīga modeļa, darinājums ir nedabisks, piemēram, strupinājums salikteņi "putlits" vai "litputs" puteklmēteļu un lietusmēteļu apzīmēšanai.

Katrā kultūras valodā, arī latviešu valodā, vārdu krājuma bagātināšana notiek galvenokārt uz pašas valodas vārddarināšanas iespēju bāzes. Jaunu vārdu respektīvi terminu darināšanā tiek izmantoti dažādu valodu cilmes elementi - gan tādi, kas jau produktīvi latviešu valodas vārddarināšanā, gan tādi, kas vārddarināšanas vajadzībām tiek aizgūti no citām valodām.

Produktīvākie latviešu valodas vārddarināšanas pamēieni ir afiksācija un salikteņu veidošana, produktīvākie vārda-

rināšanas elementi, kas pievienojami gan latviskas, gan citvalodu cilmes celmiem, ir izskaņas -āna, -ums, -ība, -tājs (lietvārdiem); -isks (Ipašības vārdiem); sufiksālās lietvārdu galotnes -e, -is, priedēkļi at-, pār-, ap- u.c. Par to mūs informē jau akadēmiskā gramatika (2, 86-170, 181-196, 252-268 u.c.). Daudz šādu jaundarījumu arī pēdējo gadu zinātniskajā terminoloģijā: apvalkošana, divošana (tehnika), priekšmētošana (bibliotēku zinātnē), cienātošana (ekonomiskajā ģeogrāfijā), plūcātošana (lopkopība), pulverēšana (lezniecība), sezonašana (tālniecība); iejutojums, sarīnājums (glezniecība), priekšmetojums (bibliotēku zinātnē), kompleksums, prezidentējums (sabiedrības mācība); galvaspilsētiskums, laudīgums, svešādojums (ekonomiskajā ģeogrāfijā), stāvainums (hidrometeoroloģijā); arteliskums, kārtiskums, kopieniskums (vēsture); izmainītība, kaulotība, sadalītība (lopkopība), gājība, negrīnātība (jūrniecība), rūkamība (tekstilrūpniecība), apkalpotība, kaimiņniecība (ekonomiskajā ģeogrāfijā), ģimenība, laulātība (demogrāfijā), nozaru nosaukumi arhīvniecība, monētāniecība, riktniecība, zinātniecība; skaitļotājs (elektronika); Ipašības vārdi brīvdisks, desmitisks, divisks, kāpnisks, masisks, sadzīvisks, skanisks, troksnisks.

Ar sufiksālajām galotnēm atvasināti vārdi dzese, pūte, saudze, spriedze, vilce; aptvarste, iegule, izplete; kakle, roce (piegrieztņās - kakla un rokas izgriezumi); mūķis; apdedži. Arī galotnēm -a, -s dažos atvasinājumos ir sufiksālās galotnes funkcija: aiznesas, atgājas, atkritas, izskalas; spīds, sprauds.

Jaunākie priedēklīdarinājumi ir atgāiss, atgāzes, atspriedze, attvaiks, atūdens; pārgāiss, pārmiesošāns, apraide, aprikojums. Vairāki jaunvārdi kvalificējami par sufiksāli prefiksāliem jaundarījumiem (šo vārdu atvasināšanā vienlaikus izmantots gan priedēklis, gan priedēklis), piemēram, apvirvēšana, atdādāšana, atradzīs, paaudekļošana, pārtautošana, sarūgtēšana.

Mazāk produktīvi, tomēr terminoloģijā aktīvi ir lietvārdu darināšanas modeļi ar piedēkļiem -fj-n-, -en-, -kl-, -āj-, -nic-, -ien-, -on-: pildne, viršne; mazgātne, ražotne, skalotne; glaudnis, kliednis, dzertnis, mazgātnis, slietnis, pieslīpnis, nosmacenis; gaisveklis; bruņājs; tabelīca; iedalīna ('iedalīta zeme'), savrupiene, dzēronis, salonis.

Jaunu īpašības vārdu darināšanā tiek izmantoti piedēklā -ig-, -en-: ātrbojīgs, ātrdarbīgs (darinājumi ar -īgs izmantoti atgriezenisko divdabju ar -ošies vieta); laidens. Sastopami arī konverģenti deverbālie darinājumi: atlupe, pieguls - no atlupt, piegult/ies (piemēram, atlupa un piegula garoza).

Terminu sarakstos darbības vārdi sastopami reti. Tomēr gan zinātniskie teksti, gan terminu sarakstos ietvertu vārdukopterainu atkarīgie komponenti, kuros izmantotas lokāmo divdabju formas, kā arī deverbālie atvasinājumi ar -šana un -ums liecina, ka jaunākajā laikā jauni darbības vārdi tiek atvasināti no lietvārdiem un īpašības vārdiem, izmantojot izskaņas -ēt, -ot, -ināt. Šādi jauni atvasinājumi ir apvirvēt, horeografēt, prezidentēt, procesēt, rezolucēt, sarcēt, skeletēt; antikot, galotņot, višķlēt; aukstināt, blāvināt, dzeltināt, gaišināt, siltināt, smāzināt, vieglināt. Darbības vārdiem divot, četrēt, sintēt pamatā ir skaitļa vārdi (piemēram, sadīvota caurule - 'viena caurule, kas ar īpašu savienojumu pāriet divās caurulēs').

Daži deverbālie lietvārdi ar -šana, -ums, kam pamatā ir nominālas cilmes darbības vārdi, pēc modeļa "lietvārds → darbības vārds → lietvārds ar -šana, -ums" darināti tieši no lietvārdiem, apejot vidusposmu: kurmis → kurmošana. Attiecīgais darbības vārds, kaut arī potenciāli iespējams, tomēr lietošanā var neparādīties.

Latviešu valodas jaundarinājumos liela daļa ir salikteni. Aktīvākie saliktedarinājumu modeļi (ar sistēmas raksturu) latviešu valodas zinātniskajā terminoloģijā ir ar -mācība, /ne/izturība, -ne/isturīgs, -ne/caurlaidība,

-īne/caurlaidīgs, -jutība, -jutīgs, -ražība, -ražīgs, -īe/-tilpība, -īe/tilpīgs u.c. pamatkomponentā, kā arī ar saskar-, rok-, mašīn-, darb-, šef-, mērķ-, gadījum- u.c. pirmajā komponentā: barībasācība, gaļasmācība, piennācība, purvmācība; salizturība, korozijizturība, salizturīgs, korozijizturīgs; gaismaurlaidība, mitrumcaurlaidīt, gaismaurlaidīgs, mitrumcaurlaidīgs; gaismjutība, gaismjutīgs; medusražība, vaskražība, medusražīgs, vaskražīgs; darbietilpība, mitrumietilpība, zinātnesietilpība, darbietilpīgs, mitrumietilpīgs, zinātnesietilpīgs; saskarnozāre, saskarprofesija, saskarzinātne; rokapstrāde, rokiekraušana, rokstrādnieks, rokšuvēja; mašīnapstrāde, mašīnlaiks, mašīnstrādnieks, mašīnšuvēja; darbaudzinātājs, darbaupīgs; šefsaimniecība, šefuzņēmums; mērķaspirantūra, mērķprogramma; gadījumklūda, gadījumlīdums, gadījumskaitlis. Salikteņu pirmajā komponentā sastopamas arī jaunu apstākļa vārdu formas ar -up- iekšupstinums, priekšupgaita (iekšupstinuma spoļe, priekšupgaitas ekscentrs).

Rodas jauni salikti dažādu abstraktu, vispārinātu īpašību nosaukumi: buldogpurnība, daudzplānainība, divpadsmittonība, īsastainība, vienvērstība; andrejupītiskums (arī andrejupītisks), ojarvdoiētiskums (ojarvdoiētisks) u.c.

Produktīvs ir saliktedarīnājumu modelis ar deverbālu atvasinājumu ar -is, -e pamatkomponentā: cauruītīris, fondradis, fondturis, gaismīlis, laikdevis, sārsaucis, sniegbraucis, ūņunturis; ārvede, cietstāve, koppulce, kūstāve, taukvāre, tautskaite, vējgāze, arī ar donominālu otro komponentu: platgalis, trīssliecis. Rodas jauni salikti īpašības vārdi: ātrbojīgs, ātrdarbīgs, sīksadzīvīks, svešdabīks, vīrsmaktīvs; salikti divdabji: garenlocīts, iekšupvērstis, kopgriezts, šķērslocīts.

Visai plaša ir salikto ģenitīvu grupa: daudzedegvielu sūknis, jaunattīstības valstis, vīstautas apspriešana.

Latviešu valodas vārddarīnāšanas modeļu aktivizēšanā sava loma ir tūvakajām kontaktvalodām. Ja kontaktvalodā nominējamajam jēdzienam jau ir savs apzīmējums, tas var nodē-

rēt par jaundarinājumu paraugu. Tā latviešu valodas jaundarinājumu kaimiņniecība, laudīgums, laulātība radīšanā sava loma bija attiecīgajiem krievu valodas terminiem СОСЕДСТВО, ЛЮБНОСТЬ, БРАЧНОСТЬ (3, 81-83). Lai izvēlētos apzīņojumus dažādu nosacītas radniecības jēdzienu izteikšanai, kam krievu valodā ir tādi termini kā ПООБРАТННОСТЬ, СООТНОСТВО u.c. (attiecības starp dažāda vecuma cilvēkiem, kas nav radnieki, bet kas uzņemas radniecīgu - brāļu, tēvu - attiecības'), latviešu valodā aktivizēta vesela jaundarinājumu grupa: pabrālis (tāpat kā pameits, padēls, panāts, patēvs), pabrāliņa, pabrāļiskums, brāļiskots ('oficiāli pielīdzināts brālim'); satēvots, satēvotība, koptēvība u.c. (par citvalodu ietekmē radītiem kalkiem sk. 4).

Mūsdienu latviešu vārddarināšanas sistēmā ir aktivizējusies arī dažādi internacionālie postfiksālie un prefiksālie elementi. Dažādu virzienu, nozaru u.tml. parādību un šo virzienu, nozaru pārstāvju, speciālitu nosaukšanai - internacionālās izskaņas -isms, -istika, -ists (turklāt - ne tikai saistījumā ar internacionāliem, bet arī ar latviskiem celmiem), piemēram, naivisms, rainisms, baskājisms, arābistika, arhivistika, rainistika, rainists, baskājists, arābists, amatūrists, aparātists, družbiests ('tas, kas strādā ar motorzāģi "Družba"). Ar -ists atvasināti dažādu jaunu sporta veidu sportistu nosaukumi: džudists, karatists, sambists, viensliecists, vajdsliests, ūdenspolists, kanoists. Daudz jaunu lietvārdu atvasināti ar internacionālajām izskaņām -tāte, -lāde, -lāde: eksemplaritāte, situatīvītāte, dinamiāde, sibiriāde, šubertiāde, priekšmetizācija, perfekcija, protēzijs, guculija (kr.val. гуцульщина). Aktivizējas arī izskaņas -ants, -ands: konkursants, operands. Dažādu materiālu nosaukšanai tiek izmantotas izskaņas -ins, -īts, -ids: nikelīns, vorbalīns, kamiāīts, voloknīts, celkeramīts (kr.val. керамид), laukspatīds.

Jaunu īpašības vārdu atvasināšanā produktīvas ir internacionālas izskaņas -āls, -ārs, kas tiek pievienotas liet-

darināt paralēli dažādās valodās (piemēram, tādas darinājumus kā arhivistika, religioloģija, dialektāls u.c.).

Daļa latviešu valodas jaunvārdu ieskaitāmi tā saucamo strupinājumsalikteņu grupā: herkons (no hermētiķa kontakts), miplasts (no mikroporainā plastmasa), hrompiks (no hroms un pikelēšana), laktams (no latīņu cilmes celma lakt- un vārda amonijs). Šādi vārdi latviešu valodā parasti ir aizguvumi.

Daži latviešu valodas jaundarinājumi veidoti uz iniciaisalikteņu bāzes: Vefs (no Valsts elektrotehniskā fabrika), Rers (no Rīgas elektronāšīnu rūpnīca), bet tiem parasti ir ipašvārdisks raksturs.

Ipašvārdiskos darinājumos sastop arī iniciaisalikteņu, strupinājumsalikteņu un pilnu vārdu salikuma kombinācijas, piemēram, "Līga" (apdares materiāls, no līmes un ģipša apmetums), LURIGA (instrumentu ražošanas automatizētā sistēma, no Latvijas universitāte, Rīga).

Par jaunu terminu pamatu mēdz izmantot arī ipašvārdus. Tā, izmantojot zinātnieku uzvārdus, ipašvārdiem sugizējoties, veidoti internacionālie termini ampērs, oms, rentgens, vats. Ipašvārdi ir pamatā atvasinājumiem avicennīts, gagarinīts, altaīts, americijs. Šāds paņēmieni izmantots arī latviešu valodas vārdarināšanā. Kā ipašvārdiskas cilmes sugasvārdus var minēt vispārlietojamā valodā sastopamos automobiļu nosaukumus čaiķa, volga, žigulis (no pēdējās rakstāmajiem automobiļu marku apzīmējumiem "Čaiķa", "Volga", "Žiguli").

Aktīvs paņēmieni gan zinātniskajā terminoloģijā, gan vispār latviešu valodā ir konversija, kad bez ipašiem vārdarināšanas formantiem līdztekus lietvārdiem veidojas attiecīgi ipašības vārdi un blakus ipašības vārdiem attiecīgi lietvārdi, piemēram, gan lietvārdu, gan ipašības vārdu funkcijā tiek lietoti vārdi analogs, antimikrobs, fakultatīvs, hibrīds, hidrofobs, pensionārs, poligēns, recipients, triplets u.d.c. (5, 163-178).

Nelielais ieskats jaunākajā latviešu valodas vārddarināšanā liecina, ka mūsdienu latviešu valoda strauji papildinās ar daudzveidīgiem jaundarinājumiem. Turklāt vērojamas dažas pārvirzes atsevišķos latviešu valodas vārddarināšanas sistēmas komponentos.

Palielinās, piemēram, hibrīddarinājumu (vārdu ar dažādu valodu cilmes elementiem) skaits. Visai pieņemti latviešu valodā ir hibrīdvārdi, kuros citvalodu cilmes celmam pievienots kāds latvisks afiksāls elements vai kuros salikt ni savienoti dažādu valodu cilmes elementi: dropslēšana, atmagatizēšana, konfliktība, mērķekspertīze u.tml. Aktivizējošies internacionālajiem elementiem latviešu valodas vārddarināšanā, rodas tādi jauni hibrīdatvasinājumi, kuros internacionāli afiksālie elementi pievienoti latviskas cilmes celmam: vienglieciets, baskājams.

Latviešu valodas vārddarinājumos ir tādi atvasinājumu un salikteņu pamatkomponenti, kurus patstāvīgi, ārpus attiecīgā atvasinājuma vai salikteņa nelieto, piemēram, pamatkomponenti vārdos lapkrīte, pavērse, skaidrgriezis, sniegtīris, vilplauzis u.tml. Taču jaunākajā laikā zinātniskajā terminoloģijā daži no šādiem darinājumu pamatkomponentiem kļuvuši arī par patstāvīgi lietojamiem vārdiem, piemēram, dzese, grieze, nese, plūde. Patstāvīgi nelieto arī tā saucamās internacionālās vārdiskās izskaņas, tādas kā -grāfija, -grāfs, -hronija, -līze, -logs, -lofija, -stāze u.c. Vispārīgo, kopjēdzienu apzinēšanai dažas no šādām izskaņām respektīvi salikteņu pamatkomponentiem ieguvušas patstāvīgu vārdu funkciju. Tāpat kā, piemēram, absorbojija, adsorbocija ir pakārtoti jēdzienam sorbojija, diahronija, sinhronija savukārt ir hronijas paveidi. Kopjēdzienu apzinēšanai patstāvīgi tiek lietoti arī vārdi koma, līze, ptoze, stāze, ko parasti sastop kā salikteņu pamatkomponentus.

Dažādos valodas līmeņos notiek pārmaiņas kopējās valodas sistēmas prasību dēļ. Latviešu valodas vārddarināšanas sistēmas likumības, konkrēti - dažādu vārddarināšanas modeļu aktivitāte, nosaka pārmaiņas dažu aizguvumu struktūrā,

proti: tiek atņemti tādi elementi, kam nav semantiskas slodzes un kas neietilpst attiecīgajos latviešu valodas vārdārinājumu modeļos (šādi elementi parasti radušies aizguvumos starpniekvalodu ietekmē). Tā īpašības vārdu izskaņa -isks latviešu valodā tiek pievienots lietvārda ceļmam (bezglotnes formai): sakn-e → sakn-isks, sistēm-a → sistēm-isks, ✓
sfēr-a → sfēr-isks, tāpēc arī aizguvumu faunistisks, floristisks ✓ S vietā jaunākajā laikā rodas atvasinājumi faun-a → faun-isks, flor-a → flor-isks. Divpiedēkļu izskaņa -istisks tiek paturēta, ja atvasinājuma pamatā ir lietvārds ar -ists un/vai ja ir arī attiecīgs lietvārds ar -isms, ar kuru īpašības vārds ir semantiski saistīts, piemēram, internacionālists, internacionālisms → internacionālistisks.

Attiecīga lietvārda vai īpašības vārda ceļmam (bezglotnes formai) latviešu valodā parasti seko arī internacionālās lietvārdu izskaņas -isms, -ists: parād-o → parād-isms, naiiv-s → naiiv-isms; hokej-s → hokej-ists. Tāpēc, piemēram, dažādu filozofisku un reliģisku virzienu nosaukumos agrākās starpniekvalodu ietekmē radušās garākās formas ničeēnisms, nauilicānisms, konfucianisms, luterānisms tiek aizstātas ar sistēmiskiem darinājumiem ničisms (no Niče), pāvilisms (no Pāvils), luterisms (no Lutere) u.tml. Reizēm aizguvumos sistēmiskas formas latviešu valodā ir garākas par to pamatā esošajām formām aizguvuma devējvalodā, piemēram, krievu valodā Бакунизм, bet latviešu valodā bakuninisms (jo pamatā uzvārds Bakunins).

Sistēmiskuma tendence raksturīga arī citām valodām, tāpēc dažkārt internacionālo aizguvumu formas maiņa vērojama paralēli vairākās valodās, piemēram, pāreja no anglicisms ('angļu cilmes vārds') uz anglisms notiek ne tikai latviešu valodā vien.

Jaunu aizgūto (aizgūstamo) sugasvārdu noformēšanā dominējošā loma ir aizgūvējas valodas sistēmas prasībām, analogijai ar attiecīgu vārdu grupu, piemēram, aizgūvums karavānserāls latviešu valodā noformēts ar produktīvo internacionālo izskaņu -āls, kaut arī šādas formas nav krievu valodā, no kuras

šis vārds aizgūts (krievu valodā lietotas formas караван-сераль, караван-сералл, караван-сараи).

Ja atšķirīgas struktūras darinājumi nodēro nozīmes diferencēšanas vajadzībām, valodā tiek paturāti dažādi vienas un tās pašas saknes vai celma atvasinājumi: aktivēt, grafitēt - 'no virspuses', aktivizēt, grafitizēt - 'viscaur'; gāzēt - 'piesātināt ar gāzi', gāzificēt - 'apgādāt ar ierīcēm gāzes izmantošanai'; karburators - ierīce, karburizators - viela; bitums - dabiska viela, bitumens - mākslīga viela. Īpašības vārdi komisks, tragisks semantiski saistāmi ar lietvārdiem komisms, traģisms (komiska loma, traģiska loma), bet īpašības vārdi komēdists, traģēdists - ar lietvārdiem komēdijs, traģēdijs (komēdiskā loma, traģēdiskā loma). Dažādu nozīmju izteikšanai izmantojami arī īpašības vārdi internacionalistisks un internacionāls, sistemātisks un sistēmisks, problematisks un problēmisks, prozaisks un prozisks.

Ja nav vajadzības pēc nozīmes diferencēšanas un valodas sistēma pieļauj dažādus darinājumus, tad latviešu valodā atsevišķās atvasinājumu grupās vērojama tendence uz īsākām formām: lietenis → lietnis, slidenis → slīdnis, vārstulis → vārsts; īstarošana → īstarošana.

Jauns vārd darināšanas modelis latviešu valodā veidojas ar savienotājpatstāvi -o- saistīto internacionālo salikteņu ietekmē. Pēc analogijas ar internacionāliem immunoloģija, kristalogrāfija, hologrāfs, hronometrs, kartotika, kleptomānija u.d.c. latviešu valodā no internacionāliem respektīvi citvalodu elementiem veidoti salikteņi religioloģija, religiologs, scientioloģija, scientiologs, scientiometrija, ludotika, luksofors. Pēdējā laikā rakstos parādās arī politoloģija, politologs, afrikoloģija, afrikologs, horeogrāfoloģija, horeogrāfologs, teātromānija, teātromāns, džinsonānija, džinsonāns u.c. Saskaņā ar latviešu valodas likumībām savienotājpatstāvis -o- nevar sekot aiz latviskas cilmes elementa. Taču tādi darinājumi kā horeogrāfologs, teātromānija, kuru pirmajos komponentos ir garie patstāvi, kas nav raksturīgi internacionālajiem elementiem ar -o-, bet ir rak-

sturīgi latviešu valodā patstāvīgi lietoto aizguvumu celmiem (imūns - bet imunoloģija, kristāls - bet kristalogrāfija), pakāpeniski rada likumību pārvirzes, un, piemēram, ķīmijas zinātniskajā terminoloģijā jau apstiprināts salikteinis stiloģrāfija ar savienotājpatkāni -o- aiz latviskas cilmes vārda celma.

Kārļa Milenbaha paredzētais vārdu mežs latviešu valodā sakoplojis un turpina augt. Prasmīgi orientējot es šajā vārdu audē un arī turpmāk aktīvi izmantojot bagātās latviešu valodas vārddarīšanas spēces zinātnes valodas attīstībā, ir iespējams pilnveidot jebkuras nozares zinātnisko terminoloģiju un bagātināt vārdu krājumu.

LITERATŪRAS SARAKSTS

1. Milenbaha K. Daži jautājumi par latviešu valodu.-R., 1909, IV burtn. - 110 lpp.
2. Maslaņņu latviešu literārās valodas gramatika.-R., 1959, I daļa 30 lpp.
3. Скуиня В. Роль языковых контактов в развитии латышского литературного языка и научной терминологии.-В кн.: Языковые контакты в аспекте культуры языка. Рига, 1981.
4. Каулакене А.Ю. Кальки в современной литовской технической терминологии. Автореф. дис... канд. филол. наук. -Вильнюс, 1983.
5. Skujīņa V. Revidējama vai nerevidējama homonīmija?-Latviešu valodas kultūras jautājumi.-R., 1962, 17.laid.

Л.Ф.Ткаченко
Москва

ОБ ИННОВАЦИЯХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

Языку свойственны системные, глубокие связи всех элементов и уровней. При неизменных внешних условиях его функционирования внутренняя перестройка не затрагивает основных принципов грамматического строя, а напротив относится лишь к изменениям внутри языковых явлений. Инновации отличаются при этом лишь некоторыми вариантами по отношению к прежним элементам. Так, появление все новых вариантов способов действия, их дифференциация во французском языке на структуре вида не сказывается. В данном случае идет только количественная перестройка, функциональное пополнение вариантов, средств, выражающих способ действия. Глагольные перифразы и аналитические конструкции приспособляются для выражения способа действия. В речи возникают неграмматизированные видовые значения, выраженные средствами различных языковых уровней, используются обстоятельства, дополнения для выражения синтаксической структуры всего предложения при их определенном характере взаимодействия с глагольными формами. Пример: *il se met à chanter*. Так лексико-грамматическая категория способа действия обогащается новыми вариантами.

С типологической точки зрения здесь уместно было бы напомнить и о примере балтийских языков, в которых структура годами шлифуется, оттачивает свои варианты, не меняясь существенно. При этом языковые изменения становятся более тонкими и подчиняются принципу аналогии (Ср. пример шлифовки суффиксов в заимствованных латышским языком галлицизмах).

О настоящих инновациях в языке можно говорить лишь в случае, когда они вызваны исторически меняющимися услови-

ями общения. Изменение внешних условий функционирования языка может быть количественным и качественным. И соответственно количественные и качественные изменения претерпевает грамматический строй языка.

Наиболее типичным случаем количественных изменений является увеличение числа посетителей языка, приводящее к уменьшению степени осведомленности слушающего о содержании, которое должен ему передать говорящий. Примером могут служить изменения, которые мы наблюдаем в русском языке, начиная с праиндоевропейского и до современного его состояния. В русском языке реализуется потребность говорящего использовать все больше языковых средств для введения собеседника в курс речи. Для русского предложения характерна обязательность томи; за счет чего развивается группа подлежащего и потребность противопоставлений ее группе сказуемого по форме.

Качественные изменения связаны с тем, что происходит смешение народов, в результате которого собеседники имеют существенные ограничения в общесоциальных сведениях, откуда возникает потребность в упрощении языковых средств. И таким образом, если внешние условия продолжают изменяться в одном и том же направлении, то подстройка к ним языковой системы приводит к необходимости введения новых приемов выражения мысли, то есть осуществляется качественная перестройка для удовлетворения одних и тех же социальных, коммуникативных запросов во все большем количестве. С позиций современной синтаксической типологии в этом и заключается суть стадийных перестроек языка.

.. примеру, в русском языке качественное прилагательное не отличается от существительного по форме, составу морфем, а только позиционно-семантически. В ходе языковых изменений возникает отличие по составу морфем: жене доброе - жене доброй - жене доброй. Происходит все более частая замена паратаксии на гипотаксию.

К числу качественных перестроек нужно отнести и те, которые возникают в результате длительного двуязычия между родственными языками, что приводит к тенденции закрепления тех элементов, которые являются либо наиболее употребительными, либо общими для обоих языков и к необходимой утрате несовпадающих у них элементов; это позволяет компенсировать утраченные элементы средствами описательного выражения, которые постепенно грамматикализуются. Имеется в виду в данном случае появление аналитических временных форм.

Русский язык на протяжении столетий характеризуется непрерывным постепенным развитием, связанным с изменением стадийного характера. Флексии и словообразование играют определяющую роль в его строе, в связи с чем лексика носит конкретный характер по сравнению с языками преимущественно аналитического строя.

Французский язык претерпел более существенные изменения качественного характера, представляющие собой типологическую перестройку. Владение ситуацией двуязычия и необходимости приспособления языка к субстрату в старофранцузском языке приводит к контрастизации индоевропейских стейств.

При падении флексий во французском языке формируется основной фонд лексических единиц прежде всего абстрактного значения. Связь между актантами получает выражение с помощью аналитических элементов, благодаря чему синтаксис языка, несмотря на утрату флексий, оказывается прозрачным и гибким. Мы наблюдаем картину разветвления системы гипотаксиса, который преодолевает аналитическую тенденцию в синтаксисе. С другой стороны, появляется обширная система выделительных средств, предложения усложняются в многокомпонентную структуру; средств пояснения становится гораздо меньше, но язык их выносит в отдельный план.

К примеру, элементы многокомпонентного сложноподчиненного предложения вступают в два вида связей: связь между

главным и придаточным предложениями, образующими придаточный комплекс, и синтаксические и смысловые связи между самими придаточными предложениями. При этом одним из своеобразных композиционных признаков многокомпонентных предложений является включение в их состав полуслужебных выразителей синтаксических отношений, служащих выделению полнозначных членов предложений (*mise en relief*, к примеру), которые восполняют в проблемных ситуациях разрыв между известным и неизвестным, отсутствие связующего звена между новым и данным, что служит раскрытию темы и ремы высказывания: I/II (*un esprit créateur nous permet de croire que cette page que nous jouons, nous l'inventons en la jouant, et même que nous l'inventons en l'écoutant.* (J. Duhamel, *Le jardin des bêtes sauvages*, p. 23). 2/ *Voilà, ce qu'elle me dira, ta mère, là-haut quand j'y monterai et moi j'aurai honte à en mourir si je n'étais pas déjà morte et je ne pourrai que baisser la tête ...* (Anouilh, *Invitation au château*, P., 1958, p. 44).

При типологическом анализе и диахроническом рассмотрении французский язык обнаруживает устойчивость инноваций индоевропейских принципов. Своеобразие инноваций заключается в том, что флексивными средствами выражается система формальных отношений, а основная информация закреплена в аналитических средствах. Несомненно развитие аналитических черт французского языка, но в самых основополагающих, прочных узлах взаимосвязи высказываний он сохраняет флективность.

Мы наблюдаем, что поскольку собеседник при восприятии приводимых выше синтаксических комплексов утрачивает ясное представление об отношениях актантов в ситуации, о коммуникативных функциях фрагментов содержания описываемой ситуации, то появляется необходимость при сообщении информации раскрыть соотношение темы и ремы с помощью

аналитических выделительных средств (репризмы и антипации).

С общетипологической точки зрения местоимения, репрезентирующие выделяемые слова, соответствуют в большей степени слову-предложению полисинтетических языков, чем слову типичных флективных языков. Очевидно, что французский язык группирует в данном случае абстрактные морфемы в самостоятельные ядра, содержание которых конкретизируется полнозначными словами вне этих ядер. В русском языке эти абстрактные морфемы распределяются равномерно между полнозначными словоформами.

Ряд рассмотренных примеров позволяет отметить и тот факт, что связь между полнозначными словами и их служебными оформителями в составе французских выделительных оборотов подобна в ряде отношений связи между флексиями и поднозначными словами русского языка.

Таким образом, при непрерывном совершенствовании системы возможны стадийная, либо типологическая перестройка языковых явлений. Система же остается одинаково совершенной при постоянном развитии языка.

А. Г. Трейлон
Рига

ПРОДУКТИВНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ СУФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ

Разговорную лексику образуют слова, которые функционируют в сфере неофициальной коммуникации.

Как отмечает К.Рябова, "разговорная лексика (коллоквиализмы) – это минимально сниженные лексические единицы, расположенные на шкале эстетических значимостей непосредственно за нейтральным слоем" (I, 4).

По сравнению с нейтральной лексикой основным качеством разговорной лексики является ее эмоциональная окраска (2, 53; 3, 88).

Цель автора – рассмотреть новейшие единицы разговорной лексики, которые образованы при помощи деривационных суффиксов и помещены в Дополнении к большому англо-русскому словарю под редакцией И.Гальперина (4).

Интересно отметить, что из всего обширного арсенала деривационных суффиксов английского языка (в общем количестве более 50) только небольшая часть суффиксов принимает участие в обогащении разговорной лексики, а именно деривационные суффиксы: **-er, -y(-ie), -ing, -ed**.

Суффиксальные образования разговорной лексики

Таблица I

Общая численность суффиксальных образований	Количество производных с суффиксами -y(-ie), -er, -ing, -ed %			
	-y(-ie)	-er	-ing	-ed
120	42 %	38 %	10 %	10 %

Как видно из табл. I, наибольшей продуктивностью отличаются деривационные суффиксы **-y(-ie)** и **-er**.

Далее в статье анализируются образования с этими двумя деривационными суффиксами.

Количественное распределение словообразовательных моделей с суффиксом $-y(-ie)$ выглядит следующим образом:

Производные с суффиксом $-y(-ie)$

Таблица 2

Общее число	Adj. %		N %	
	n+y	v+y	n+y(-ie)	adj+y(-ie)
50	40 %	12 %	24 %	24 %

В образовании прилагательных английского языка П. Карашук (5, IOI) различает три омонимичных суффикса $-y$: 1) $-y_1$, образующий прилагательные от основ существительных; 2) $-y_2$, образующий прилагательные от основ глаголов; 3) $-y_3$, образующий прилагательные от основ прилагательных.

Таким образом, согласно точке зрения П. Карашука суффикс $-y$ дает три словообразовательные модели прилагательных:

$n + -y = Adj$; $v + -y = Adj$; $adj. + -y = Adj$.

Анализируемый материал словаря позволяет сделать вывод, что в образовании разговорной лексики современного английского языка участвуют лишь две первые модели: $n + -y = Adj$.

($cigar + -y = cigary$); $v + -y = Adj$ ($to kick + -y = kicky$).

Высокой продуктивностью отличается модель $n + -y = Adj$. Прилагательные, образованные по этой модели, составляют значительное число (40 %). Одновременно со словообразовательным значением деривационный суффикс придает новообразованному слову дополнительную окраску. Фактически семантика этих новообразованных прилагательных основывается на метаторическом и метонимическом переносе значения соответствующих существительных. Однако их семантика прозрачна, например, price - "цена"

prissy "дорогой, дорогостоящий"; saucy "клетка" saucy
"неразговорчивый, скрытный",

Сравнительно меньшую группу составляют прилагательные, образованные суффиксом -у от основ глаголов (12 %). Семантика этих образований резко отличается от семантики, мотивирующих глаголов, например, to kick "ударять ногой" kicky (амер.) "волнующий, привлекательный, энергичный"; to hum "жужжать, гудеть, напевать" hummy "довольный, счастливый, наивно-беспечный".

Словарный материал свидетельствует о том, что суффиксом -у(-ie) могут быть образованы не только прилагательные, но и существительные по моделям: $n + -у(-ie) = N$, $adj + -у(-ie) = N^x$.

Этим существительным свойственна эмоциональная окраска, часто они приобретают уменьшительное значение.

В существительных, образованных по модели $n + -у(-ie) = N$ (24 %), происходит сокращение исходного слова. Часто это сопровождается удвоением корневых согласных, например,

<u>ciggy</u>	<u>cigarette</u>	"сигарета";
<u>trannie</u>	<u>transistor</u>	"транзистор";
<u>veggie</u>	<u>segregationist</u>	"сегрегационист", сторонник расовой сегрегации.

По форме и семантике интересным образованием является существительное "baggies". В этом примере формант множественного числа преобразует прилагательное, образованное по модели $n + -у(-ie) = N$ в существительное, а именно baggy "купальные трусы" (свободного покроя) "baggy" "мешковатый".

Существительных, образованных от основ прилагательных по модели: $adj + -у(-ie) = N$ - 24 %. Это слова типа biggie "шишка, важная персона" big "большой"; oldie "старушка (старая песня, сохранившая популярность)" old "старый".

Все слова, образованные по этим моделям, не принадлежат

^x В этих моделях чаще встречается вариант -ie суффикса -у.

больше к нейтральной лексике. В большинстве случаев производным с суффиксом -у(-іе) свойственна фамильярная, реже презрительная окраска, например, прилагательные: *kindy* "эксцентричный, оригинальный, привлекательный"; *posy* "ароматный", *folksy* "простонародный, фамильярный"; существительные *goosie* "товарищ по комнате"; *gerrpie* "учащийся или выпускник частной средней школы".

Почти такой же продуктивностью в обогащении английской разговорной лексики отличается деривационный суффикс существительных -er (см. табл. 1). Образования с этим суффиксом созданы по нескольким словообразовательным моделям: 1) от основ простого слова (обычного глагола): *raver* "энтузиаст, болельщик" (*to rave* "восторгаться, восхищаться (чем-л.)"); 2) от основ сложного слова: *headworker* "работник умственного труда" (*head-work* "умственная работа"); 3) от словосочетаний, преобразованных в сложные слова: *eye-catcher* "вещь бросающаяся в глаза" (*to catch one's eye* "броситься кому-л. в глаза").

Таким образом, образования с суффиксом -er являются производными существительными и сложноположительными существительными.

С точки зрения семантики производные с суффиксом -er подразделяются на несколько групп (см. табл. 3).

Семантическое подразделение производных с суффиксом -er

Таблица 3

Общее число	Наименование деятеля %	Названия предметов %	Названия абстрактных понятий %
45	54 %	33 %	13 %

Как отмечает П. Карашук (5, 38) суффикс -er является самым продуктивным в образовании имен-деятеля (*Nomina Agentis*). Это относится и к рассмотренной разговорной лексике (см. табл. 3).

У небольшой части производных имен деятеля с суффиксом семантика основного глагола адекватна семантике имени деятеля, например, browzer "посетитель магазина, рассматривающий товары, перелистывающий книги и т.п." (to browse "пролистать, проглядеть");

biker "велосипедист, мотоциклист"
(to bike "ездить на велосипеде, мотоцикле").

Чаще всего наблюдается сужение семантики производного по сравнению с семантикой основного глагола (hustler "предприимчивый, пробивной делец; жулик, темная личность to hustle "действовать быстро, энергично") или полное отсутствие мотивации производного (hummer "парень хоть куда to hum "жужжать, гудеть, напевать").

Семантика сложнопроизводных существительных зависит от основы мотивирующего слова или мотивирующего словосочетания. Встречаются сложнопроизводные существительные, значение которых адекватно выражает основа мотивирующего слова (ratracer "беспощадный конкурент" rat-race "ожесточенная конкуренция") или мотивирующее словосочетание, особенно те, между компонентами которых отношения глагола и прямого дополнения (hell-raiser "скандалист, склочник" to raise hell "устроить скандал, поднять шум").

Однако большинство этих сложнопроизводных существительных идиоматичны, и их семантика не связана с словосочетанием например, leadswinger "лодырь, симулянт"; can-carrier "несущий ответственность, особ. за чужие ошибки, грехи и т.п." То же относится к сложнопроизводным существительным, чьи компоненты связаны отношениями определения и определяемого слова. В них также ощутимо отсутствие ясной мотивации, как, например, big-league (амер.) - 1) игрок низшей лиги (в бейсболе), 2) плохой игрок; 3) плохой работник; халтурщик. Здесь наблюдается расширение семантики слова, которое выражается в семантическом переносе с одной сферы дея-

тельности человека на другую, в этом случае со спорта на любую деятельность.

Как отмечает П. Дарёв, "слова, построенные семантически по принципу переноса значения, носят ярко выраженный разговорный характер" (6, с. III).

Вторую группу производных с суффиксом *-er* образуют существительные с предметным значением (см. табл. 3). Большинство производных существительных этой группы возникли в результате расширения их семантики. Благодаря метафорическому и метонимическому переносу значения, образовались такие лексико-семантические варианты, как, например, runner "сердце" (to run "работать насосом; качать"); bancker "брандулет" (об автомобиле) (to bang "грохотать"). У слонопроизводных существительных этой группы семантика сравнительно прозрачна, например, head-bugger "женский головной убор, облегчающий голову, чампа, тюрбан" (head "голова" + to hug "крепко обнимать").

Часто производные этой группы в разговорной речи приобретают адекватное значение имени деятеля (self-starter "инициативный человек" self-starter "автоматический стартер").

Третью и сравнительно небольшую группу производных с суффиксом *-er* составляют названия абстрактных понятий (см. табл. 3), например, clinker "ошибка, неудача" (to clink "звенеть, звучать"); clanger "грубый промах; явная ошибка" (to clang "бренчать, звенеть").

У некоторых производных этой группы наблюдается расширение их семантики и образование новых лексико-семантических вариантов с ярко выраженной окраской разговорной лексики. Это видно на примере "killer" и "gasser". В этих словах от значения деятеля образовалось значение абстрактных понятий, а именно, killer "что-л. производящее сильный эффект" (killer "убийца"); gasser "приятное времяпрепровождение, веселье" (gasser "болтун, хвастун").

Проводя исследование семантики разговорной лексики, К. Рябова (1, с. 8) пришла к выводу, что большинство единиц разговорной лексики обозначают отрицательные понятия (64%) и лишь небольшая часть (8%) дает положительные. Это относится и к проанализированным нами производным с суффиксом -er. Большой части наименований деятеля с суффиксом -er свойственна презрительная окраска, например, swinger "жизнелюб, ультрасовременный человек"; party-reerer "некомпанейский человек; индивидуалист". Производные этого типа с предметным значением (snorper "вертолет"; stinger "виски с содовой водой"), как и названия абстрактных понятий (eye-rooper "потрясающее событие") имеют пренебрежительный, фамильярный оттенок по сравнению с адекватными единицами нейтральной лексики.

Исследованный словарный материал свидетельствует о высокой продуктивности суффиксов -y(-ie) и -er в образовании слов современной английской разговорной речи. Они содержат в себе разнообразные номинативные потенции, органично реализующие себя в разговорной речи.

Л и т е р а т у р а

1. Рябова К. Коллоквиальная лексика современного английского языка. - Одесса, 1980.
2. Гальперин И. Очерки по стилистике английского языка. - М., 1958.
3. Арнольд И. Стилистика современного английского языка. - Л., 1978.
4. Дополнение к большому англо-русскому словарю / Под ред. И. Гальперина. - М., 1980.
5. Карашук П. Словообразование английского языка. - М., 1977.
6. Царёв П. Сложные слова типа baby-sitter в современном разговорном английском языке. - В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1972. - Вып. 2.

О НЕКОТОРЫХ ПРОДУКТИВНЫХ ПРЕФИКСАХ НОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ
И ЛАТЫШСКОЙ ЛЕКСИКИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К
ТЕРМИНОЛОГИИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Охрана природы неизменно связана с процессами разрушения и восстановления. В английском и латышском языках эти процессы выражены словообразовательными элементами, обозначающими чрезмерность или избыточность действия, на которое указывает словообразующая основа (9, 10), недостаточность или неполноту действия, либо действие, противоположное действиям, обозначенным основой, и отрицание результата, вызванного действием, на которое указывает основа (10). В английском языке для обозначения этих действий используется ряд противоположных по значению элементов: over-, under-, up-down, in-out, on-off (11), принадлежность которых к определенной части речи и их словообразовательные потенции зависят от положения в структурной модели слова. Спорным является вопрос об их принадлежности определенному типу словообразования в постпозитивном положении (6, 9). Большая широта смысловой сочетаемости этих элементов создает предпосылки для высокой продуктивности этих моделей как с постпозитивной, так и с префиксальной функцией упомянутых элементов (2).

В латышском языке это достигается путем применения развернутой системы префиксов: pār-, ar-, pa-, pie-, uz-, iz-, no-, at-, ar-, aiz- в сочетании с различными частями речи для передачи действий и процессов, происходящих в природопользовании.

В английском языке особенно развита система глаголов с постпозитивами и префиксами пространственного значения. В пространстве они предполагают сталкивание противоположностей (4). Следует выяснить, является ли их контраст-

ность предпосылкой для положительных и отрицательных оценок процессов, от жарких взаимодействие человека и природы (II).

Наиболее продуктивный словообразовательный элемент *over* присоединяется к глаголам и отглагольным формам для обозначения процессов, происходящих при вмешательстве человека в природу и отражающих понятие чрезмерности действий на объект: *overkill, overhunt* - убивать слишком много животных, *overfish* - производить чрезмерный отлов рыбы. Имеются некоторые новообразования, исходные понятия которых обозначают начальные бедствия, например: *overpopulation, overcrowdedness* - в значении перенаселение городов. От этого понятия получили развитие такие новые слова как *overspill, overflow* - контингент людей, который удаляется от перегруженных городов. Встречается ряд слов с синонимичной основой: *overbrowsing, overgrazing* - чрезмерный выпас скота. Этим достигается некоторая ясность в определении причинности отрицательных явлений (12). Слова с отрицательным значением, как *kill* - убивать, *spill* - расплескать, логичны в соединении с *over*. Более неожиданными являются соединения с положительными основами: *overdevelopment* - чрезмерное развитие, *overnutrition* - чрезмерное употребление пищи, *overenrichment* - чрезмерное обогащение почвы, для обозначения отрицательных явлений воздействия человека на природу уже после осоздания вреда им же нанесенного.

Характерна позиция *over* как постпозитива в раздельном или дефисном написании: *wash-over* - налив, *carry-over* - примеси, *burned over area* - площадь выжженная.

Чрезмерность действия в латышском языке выражается префиксом *pār-*, который присоединяется к различным частям речи со значением перемены объекта или интенсивности качества объекта, которые выражены в основном слове. Новообразования имеют выразительно отрицательную оценку: *pārbarzī tība* - перенаселение, *pārmitība* - слишком

влажный.

Префикс *under* автономичен префиксу *over* - используется в английском языке для передачи недостаточности действия, выраженного основным словом: *understocking* - недостаточное число скота, *underfit* - умирающая (река). В латышском языке это значение передается отрицательным префиксом *ne* - или лексикой с отрицательной коннотацией.

Пара постпозитивов *up* и *down* пространственно противоположного значения часто встречается в сочетании с конвертированными глаголами или отглагольными формами, обозначающими разрушительные действия: *burst-up* - шлак, *freeze-up* - замерзание.

Положительные действия передаются более нейтральными словами общелитературного языка: *follow-up* (activities) - последовательные действия, *follow-up* (water) - вода добавочная, а также со словами, обозначающими восстановительные действия: *clean-up* - чистка, *wake-up* (water) - вода вторичного пользования. С *down* сочетаются слова, обозначающие процессы разрушения: *blow* - дуть, *break* - сломать, *wash* - смывать, *burn* - сгорать, так, например: *break-down* (wind velocity) - опасная скорость ветра. То же происходит с составными пар *in-out*, *on-off*, *back-away*, где пространственная направленность от объекта эквивалента отрицательному воздействию на него в природоохранной лексике: *freeze-out* - вымерзание, *die-off* - преждевременное опадание листьев, *die-back* - усыхание верхушек деревьев, *throw-away* (container) - контейнер одноразового пользования. Является ли оценка происходящих процессов положительной или отрицательной в некоторых случаях определяется контекстом: *run-off* - утечка, но *run-off-farming* - использование дождевого стока, *back-wash* - попадание воды в водопровод с других трубопроводов, *back-wash* - вода для вымы-

вания загрязнений. В латышском языке это значение может быть передано элементом атракаļ - атракаļтесе, атракаļтесе. Количество таких слов невелико. В латышском языке теоретически по сравнению с английским богаче выбор префиксов для передачи различных оценок в значении избыточного и законченного воздействия на объект (10) : iz-, no-, ie-, aiz-. Фактически в природоохранной лексике перечисленные префиксы являются синонимичными (12).

Префикс iz- обозначает истребление объекта или его самоуничтожение. Этот префикс отрицательного значения наиболее распространен в сочетании со словами, обозначающими отрицательные действия: zirāt - рубить, dedzināt - жечь, kaļēt - рассыпать, шtīt - топтать, nīcināt - уничтожать, mīkt - самоуничтожаться, postīt - разрушать, tēst - течь, sīkt - испражнять, saelt - черпать, gūst - исчезать.

Законченность действий выражается префиксом no-, который стоит ближе всего к iz- по функциям, хотя не является столь распространенным, но также привлекает к себе основы с отрицательным значением или отрицательной направленностью действия, например, nopostīt - уничтожать, nogulsnēt - выпасть в осадок, tēst - смыв.

Для обозначения законченности действия употребляется префикс ie- для положительной оценки: ierīcīt - планирование. Для отображения положительного воздействия на природу префикс aiz- употребляется при обозначении законченного цикла действий - aizsargāt - охранять.

Многочисленны в латышском языке слова, образованные при помощи префикса at- и выражающие положительные восстановительные для природопользования действия: atšaut - отстрелять, ataudzēt - вновь вырастить, atjaunot - восстановить. В латышском языке не имеется чисто анонимичных пар префиксов, но они объединяются в две группы. Целый ряд продуктивных префиксов в природоохранной лексике

обозначает ту или иную степень интенсивности действия, выраженного основой, и тяготеет к отрицательной (в большинстве случаев) или к положительной оценке действий. Это префиксы *pa-*, *za-*, *pie-*. Префикс *pa-* сочетается с основами прилагательных для образования отглагольных форм действия или результатов действия: (*ogļskābes gāzes*) *palielināšanās* - повышение уровня углекислого газа в атмосфере, (*radioaktivitātes*) *paugstināšanās* - повышение радиоактивности, (*maži nekrišijas trašību*) *razemīnāšanās* - понижение оздоровительных функций леса и др.

В отличие от *iz-*, *pa-* имеет значение частичной законченности действия. К этой группе префиксов, указывающих на повышение или понижение интенсивности действия, выраженного основой, примыкает *za-*, имеющий отрицательную коннотацию: *zaņairoties* - расплодиться, *zablvētība* - скученность, *zaindēt* - загрязнять. Сходным образом функционирует префикс *pie-*: *piezāņot* - загрязнять.

Законченность действия выражается употреблением префикса *ar* - при положительной оценке воздействия на объекты природы: *arzaļšobana* - озеленение, *aršēņot* - посадить лес, *aršamīekot* - использовать по-хозяйски. В латышском языке большинство из анализируемых префиксов *pār-*, *za-*, *re-*, *pie-*, *uz-*, *iz-*, *no-* употребляются для образования слов с отрицательной оценкой процессов природопользования. Только *at-*, *ar-*, *aiz-* содержат положительную коннотацию. Это объясняется настоящим положением развития природопользования, которое имеет свое отражение в языке.

Л и т е р а т у р а

1. Английские неологизмы / Отв. ред. Е.А. Жук-тенко. - Киев, 1983.
2. Вопросы словообразования и фразеобразования: Сборник научн. тр. - Ростов-на-Дону, 1980.

3. Гатианулина З.З. Сравнительная типология лексических систем английского и татарского языков.-М., 1982.
4. Карацук П.М. Словообразование английского языка.- М., 1977.
5. Новые слова и словари новых слов/ Отв. ред. Н.З. Котелова. -Л., 1983.
6. Раткевич Я.К. Некоторые проблемы лексических инноваций и их отражение в лексикографических источниках.-В кн.: Лексические и грамматические инновации. Рига, 1982.
7. Терминология и культура речи/ Отв. ред. Л.М. Скворцов.- М., 1981.
8. Язык и стиль научного изложения /Отв. ред. И.Я. Цвиллинг. -М., 1983.
9. Царев П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке.-М. 1984.
10. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika.-R., 1959, I. sēj.
11. Skujina V. Likumību protdarbības terminoloģiskās leksikas attīstībā.-Groz.: Latviešu valodas kultūras jautājumi. R., 1975, II. laidziens.
12. Veidemane R. Latviešu valodas leksiskā sinonīmijs.-R., 1970.

Е.М. Чекалина
Ленинград

СУФФИКС *-iste* НА СТРАНИЦАХ ФРАНЦУЗСКИХ
ГАЗЕТ (К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ)

В современном французском языке суффикс *-iste* принадлежит к числу наиболее активных и продуктивных словообразовательных элементов. Широта категориального значения *-iste*, служащего для обозначения лица по профессиональной деятельности, политическим взглядам, характерному занятию или состоянию, приверженности к тем или иным направлениям; учениям и т.п., его интернациональный характер, способность давать производные имена существительные и прилагательные делают образование с этим суффиксом неотъемлемой принадлежностью газетного текста, для которого номинации такого рода весьма существенны. Части производных существительных и прилагательных с суффиксом *-iste* свойственна некоторая неустойчивость, они нередко создаются для нужд текущего момента и выходят из употребления, когда то или иное явление или лицо, с которыми они связаны, теряют свою актуальность (I, с. 63). Однако в языке продолжает сохраняться некий более или менее постоянный фонд образований с суффиксом *-iste* внутри которого, как показал изучаемый материал, наблюдаются определенные семантические закономерности.

Одной из таких закономерностей, действующих в современном французском языке, представляется приобретение суффиксом *-iste* в некоторых производных оценочного (стригательного) значения. Это проявляется, например, в некоторых существительных и прилагательных, характерных для языка прессы. Специфическое значение *-iste* легче всего вычленивается в производных от имен прилагательных благодаря прямонаправленной производности и симметричному характеру словообразовательной мотивации (2, с. 14). Например, *simple* "простой" - *simpliste* adj. cf. v., 1829 (1, 1743) "упрощенческий"; *gauche* "левый" -

gauchiste adj. et n., 1962 (L, 821) "левацкий". Отрицательная оценочность обнаруживается в семантической структуре и давно вошедшего в языковой обиход simpliste, и неологизма gauchiste, что позволяет заключить как о давних истоках наблюдаемой тенденции, так и о ее жизнеспособности в современном языке.

Несколько иначе обстоит дело с формой intimiste adj. et n., известной с 1883 г. (L, 975) и имевшей узко специальное употребление, когда речь шла о камерной ("интимной") поэзии или жанровой живописи, изображающей домашний быт. На страницах современных газет сочетательные связи intimiste расширяются: Michael Curtis a réalisé un film simple, mais non simpliste. ... Le cinéaste mêle avec efficacité la politique et des scènes intimistes révélant ce monde secret de la diplomatie (Н, 24.11.84).

В приведенном примере intimiste фигурирует в новом значении, не зафиксированном пока словарями и трудно поддающемся эквивалентной передаче на русский язык (эта трудность существует для многих неологизмов с суффиксом -iste оценочного значения). Наблюдаемый семантический сдвиг в сторону "ухудшения" значения, возможно, аналогического характера, по типу simple-simpliste выводит прилагательное intimiste за пределы ограниченной сферы употребления.

Наличие в значении суффикса -iste отрицательной оценочности подтверждается т. наз. потенциальными, "речевыми" словами, создаваемыми по готовым моделям (З, с. 38). Так, по образцу неологизма gauchiste, именно оценочность своей резко отличающегося по значению от homme de gauche (4), на страницах газеты возникает окказионализм droitiste, неспроста поставленный автором в кавычки: Ces trois faits en moins de huit jours traduisent-ils le renouveau - toujours annoncé, toujours radoussi - de l'extrême droite? ... Le nouveau pouvoir, face aux "droitistes", ne peut faire l'économie d'une analyse.

(М. 16.02.82). Слово *droitiste* приведено в словаре Лексис (581) как производное от *droitisme*: "dans une organisation de gauche, tendance à adopter des attitudes de droite"; т.е. *droitiste* - это представитель правого крыла внутри левой партии. В нашем примере это слово фигурирует в другом значении, симметричном *gauchiste* - "крайний правый". Еще более интересным с точки зрения значения является окказионализм *familialiste* - от прилагательного *familial*; это отрицательная оценочность гармонирует с контекстом, где речь идет о крайне слабом, мелодраматичном фильме, прославляющем якобы "традиционно американские" семейные добродетели: *Le Texas conquérant laisse ici la place au mélodrame du pire aloi ... "Tender mercies" constitue un élément supplémentaire de la structure idéologique de base de l'Amérique profonde, familialiste et optimisante* (ИД, 28.10.83).

Подобные образования представляют интерес с лингвистической точки зрения, так как в них обнаруживаются возможности обогащения лексики, тенденции ее развития.

В формах *égalitariste*, *triothraliste*, *miserabiliste*, производных от соответствующих имен существительных *égalitarisme*, *triothralisme*, *miserabilisme*, словообразовательная мотивация осуществляется также через связь с исходными прилагательными *égalitaire*, *triothral*, *miserable*. Неологизмам в собственном смысле слова является *miserabiliste* adj., 1964 (L, 1167) и *triothraliste* adj. et n., v. 1950 (L, 1939); *égalitariste* adj. et n. известно с 1870г. Однако, начиная с 50-х годов XX в. (L, 607) переживает период функциональной активизации. В значениях этих слов как бы видоизменяется в плохую сторону качество, называемое исходными прилагательными: *égalitariste* - "уравнительный", *triothraliste* - "чрезмерно уверенный в своей правоте", *miserabiliste* "сгущающий краски в описании человеческих несчастий". Отрицательная оценочность этих слов наглядно реализуется в контексте.

Gare a cette philosophie egalitariste, qui voudrait imposer, par je ne sais quel terrorisme intellectuel, un type de rapports entre hommes et femmes ne tenant pas compte de leurs "specifites naturelles", s'exclama un deputé français chiraquien (Н, 20.01.84); Cette vision trionphaliste des choses demontre par les faits (М, 19.06.83); L'horrible feuilleton miserabiliste n'en est pas a son dernier chapitre (Н 6.01.81). Кроме того, она носит особый, "унаследованный" характер благодаря производности egalitariste, trionphaliste, miserabiliste от приведенных выше существительных с суффиксом -isme в большой степени наделенных оценочностью.

Среди образований на -iste, восходящих к именам существительным, слова razvêiste и inflationniste характеризуются неидиоматической мотивацией. Их значения выводятся из значений составляющих их словообразовательных формантов: razvêiste - "ярый приверженец прошлого", inflationniste - "порождающий инфляцию, сторонник инфляции". Etre razvêiste, n'est-ce pas prescrire aujourd'hui les vieux remèdes qui ont déjà failli emporter le malade? (Н, 7.02.84); La centrale syndicale constate que les tensions inflationnistes persistent (Н, 14.12.84); Va donc, eh! cochon d'inflationniste...

(НВ, 28.11.83). Словарь Малый Робер датирует слово razvêiste (1923г.) и определяет его значение через связь с существительными razvê и razvêisme. Слово же razvêisme примечательно тем, что его оценочность удостоверена словарной пометой "péj." (PR, 1244). В словаре Лексис razvêisme - razvêiste датируются 50-ми годами XX в. (L, 1349). словарь новых слов Дильбера также подчеркивает их новое вхождение в широкий языковой обиход в середине текущего столетия (G, 347). Слово inflationniste adj. et n. 1894 (L, 955)

в настоящий момент является одним из наиболее часто встречающихся в газетном тексте образований на -iste.

Неологизм sexiste adj. et n., de sexisme, v. 1960 (L, 1733) идиоматичен с точки зрения словообразовательной мотивации,

так как в его семантической структуре присутствуют компоненты, не обусловленные значением формантов (2, с.17).

Sexiste - "убежденный сторонник мужского превосходства в жизни общества, противник равноправия женщин". Ce projet autorise les associations qui ont pour objet de combattre les discriminations sexistes a se constituer partie civile, notamment en cas de refus d'embauche et d'offres d'emploi discriminatoires (Н, 10.03.83). Формально и по смыслу связанное с наименованием одной из форм дискриминации, присущих современному буржуазному обществу, слово **sexiste** неизбежно приобретает отрицательную оценочность в лексиконе прогрессивной идеологии.

Средством выявления оценочности интересующих нас производных слов на уровне речи является контекстуальный анализ. Однако наличие отрицательной оценки в значениях ряда производных слов на **-iste** подтверждается и при сопоставлении словарных дефиниций, т.е. отрицательная оценка присутствует и на языковом уровне. Весьма показателен тот факт, что словарные статьи, толкующие значения производных слов, связанных со своими производящими отношениями неидиоматичной производности, содержат такие слова и выражения, как *exagéré, exagérément, extrême, absolu, outre mesure, excessif* и подр. Например, **simpliste** - qui ne considère qu'un aspect des choses et simplifie outré mesure (FR, 1652); **passéiste** - qui s'attache exagérément au passé (G, 374); **gauchiste** - partisan extrême des solutions de gauche (FR, 773). Слова такого рода помогают понять языковой механизм создания в значении слова отрицательной оценочности: она возникает как результат утрирования, доведения до крайности какого-либо качества или свойства, называемого исходной формой. Противоречие между изначально положительным или нейтральным качеством и нелепостью этого же качества при неумеренном преувеличении (искажении) его дает эффект отрицательного восприятия явления.

Среди рассмотренных нами слов фигурируют неологизмы разных типов: 1) лексические: *trionphaliste, sexiste, gauchiste, nicotabiliste*; 2) семантические: *intimiste, passiste*; изменение значения в данных случаях сопровождается переходом из узко специальной сферы употребления (поэзия, живопись для *intimiste*, философия для *passiste* в область общественно-политической лексики; 3) функциональные, получившие новую жизнь в языке, ставшие более употребительными (6): *egalitariste, inflationniste*; 4) окказионализмы: *familialiste, droitiste*. Все эти слова объединяет наличие ярко выраженной отрицательной оценочности значения.

Инновации несколько иного рода наблюдаются среди форм на *-iste*, образованных от имен собственных и обозначающих, как правило, последователей, сторонников того или иного учения, направления. Подобным словам в наибольшей мере свойственна "текучесть", быстрое распространение в политической лексике и языке прессы и столь же быстрый выход из употребления, обусловленные внеязыковыми причинами. Однако часть из них, называющая особенно значительные в жизни данного общества понятия, прочно укореняется в языке и обнаруживает способность к семантическим преобразованиям, в которых существенную роль играет идеологический фактор.

По данным словаря Малый Робер за словом *gaulliste* "сторонник политического курса генерала де Голля" (*adj. et n.*, 1943; PR 773) стоит различное конкретное содержание в зависимости от того, о каком периоде в истории страны идёт речь: военном или послевоенном, когда де Голль был президентом Франции. В современной прессе слово *gaulliste* чаще всего употребляется как наименование лиц по партийной принадлежности (имеется в виду созданная де Голлем партия UDR, в современной модификации RPR). *Mais en écartant certains gaullistes du gouvernement pour faire place aux "giscard-*

ens" ... Georges Pompidou fait en réalité le lit des adversaires de l'UDR (M, 28.03.84). В настоящее время слово gaulliste больше связывается по значению с gaullisme как политической доктриной, нежели с именем основоположника этой доктрины. Чтобы подчеркнуть личный дейный вклад де Голля употребляется форма gaullien. Ср.: Ceux qui se veulent les héritiers des gaullistes de gauche affirment que la pensée gaulliste n'est pas pour l'instant présente dans la camp gne. (M, 28.03.84); Aussi bien est-ce la première fois que le président de la République s'écarte autant de la ligne assez généralement gaullienne de sa politique étrangère

(M, 30.05.84). Однако это разграничение семантических оттенков суффиксов -iste и -ien в языке газет соблюдается довольно редко. М.Козна приводит примеры взаимозаменяемости gaulliste и gaullien под пером журналиста (С).

По-видимому, некоторое языковое безразличие в этом случае можно объяснить тем обстоятельством, что смысловое различие -iste и -ien в образованиях от имен обобщенных не поддерживается достаточным количеством оппозиций: выбор того или иного суффикса часто определяется соображениями благозвучия. По свидетельству М.Козна, очень недолго просуществовавшая форма rompidouiste была окончательно вытеснена rompidolien (7); к этому можно добавить, что, вероятно, звуковая форма сыграла решающую роль при образовании производных форм для наименования сторонников бывшего и нынешнего президентов Франции: giscardiens и mitterendistes.

Следует отметить, что различия в значениях словообразовательных форматов приобретают особую актуальность, когда они призваны передавать расхождения в плане идеологии. Основоположник марксизма Карл Маркс и его учение постоянно находятся в центре острейшей идеологической борьбы. Слово marxiste - идеологизированный элемент общественно-политической лексики, его оценочность полярно противоположна в системах антагонистических мировоззрений. Стремление обособленно обозначить свою позицию по отношению к марксизму, непри-

тие термина marxiste породило серию образований, отличающихся нюансами идеологического порядка. Marx salué par l'UTESCO. Marxistes, marxologues et marxiens de tous pays étaient au rendez-vous. Table ronde ininterrompue pendant trois jours. ... Un Africain - se présentant comme non marxiste - a note que les colons avaient l'habitude d'appeler "marxiste" quiconque remettait en question leur pouvoir (H, 20.12.83). Форма marxien называет исследователь, намеренно отделяющего личность Маркса от созданного им учения, marxologue подчеркивает "объективный", "беспристрастный" взгляд на марксизм, что на практике означает его дискредитацию. Словарь Лексис приводит также неологизм marxisant adj. et n., 1966. Proche des théories marxistes (L, 1116). Таким образом, смысловые различия между формантами -iste, -ien, -logue, -ant выступают на первый план, поскольку с их помощью передается вполне определенное идеологическое содержание.

Проведенный анализ показал динамику смыслового развития некоторых употребительных словообразовательных формантов в составе лексических единиц, используемых преимущественно в языке газет. Средства массовой информации являются той коммуникативной сферой, в которой наиболее остро ощущается связь языка с жизнью общества, благодаря чему в них создаются наиболее благоприятные условия для семантических преобразований. Изучение сдвигов, происходящих в значении языковых единиц под влиянием специфики их функционирования в массовой коммуникации позволит в дальнейшем подойти к проблеме своеобразия семантической эволюции современного французского языка.

Л и т е р а т у р а

1. Халифман Э.А., Максеева Т.С., Раевская О.В. Словообразование в современном французском языке.-М., 1983.
2. Захарова Р.В. Виды производности и их соотношение в современном французском языке (на материале аффиксальных новообразований): Автореф. дис... канд.филол. наук.-М., 1980.
3. Гак В.Г. О современной французской неологии.-В кн.: Новые слова и словари новых слов.-Л., 1978.
4. Cellard J. Mots nouveaux, en vaux-tu, en voilà! Le Monde dimanche, 21 février 1982.
5. Гак В.Г. Новые слова и новые словари.-В кн.: Новые словари новых слов. Л., 1983.
6. Cohen M. Regards sur la langue française. Pompidolien.-L'Humanité, 24 mai 1973.
7. Cohen M. Regards sur la langue française. Pot pourri de lexicque et de grammaire.-L'Humanité, 7 juin 1973.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

- G - Gilbert P. Dictionnaire des mots nouveaux. P., 1971.
L - Lexis. Larousse de la langue française. P., 1979.
PR - Le Petit Robert. P., 1976.
H - l'Humanité
HD - l'Humanité Dimanche
M - le Monde

В.Е. Ярнатовская
Москва

НЕОЛОГИЗМЫ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕРОЯТНОСТИ

Лингвистическая вероятность как мера возможности превращения ее в действительность проявляется в зависимости от уровней языка. В то время как грамматическая вероятность определяет структуру слов и словосочетаний в индивидуальном акте общения, лексическая проявляется в семантике и структуре готовых воспроизводимых единиц, а лексико-грамматическая — при наполнении грамматических структур лексическим материалом, стилистическая вероятность представляет собой качественно новую взаимосвязь и взаимозависимость трех понятий: возможность — вероятность — действительность.

Стилистическая вероятность — это мера возможности реализации стилистических значений языковых единиц, то есть превращения их в стилистическую значимость в определенных, способных беспрестанно повторяться условиях синтагматического плана. Не следует отождествлять такие важные понятия стилистики как стилистическое значение и стилистическая значимость. Под стилистическим значением понимается потенциальное свойство языковой единицы, возникшее в результате многократного, а вследствие этого и преимущественного употребления ее в определенной сфере и ситуации общения, с определенным "эмоциональным зарядом" (В.А.Портянников). Это — явление парадигматического уровня, относительно постоянная величина парадигматического плана, входящая наряду с грамматическими и лексическими значениями в содержание данной языковой единицы.

Стилистическая значимость представляет собой функциональное свойство языковых единиц придавать высказыванию стилистическую стилевую окраску в зависимости от его содержания, цели и ситуации. При этом под стилиевой окраской понимается

соотнесенность с одним из функциональных стилей. Стилистическая значимость — явление синтагматического порядка, это переменная величина синтагматического плана. Она возникает в речи и служит формой проявления и существования стилистической потенции, заложенной в языке в виде стилистического значения незначительного числа языковых единиц и латентных стилистических возможностей всех единиц (В.А.Портяников).

Таким образом, стилистическое значение представляет собой стилистическую значимость в скрытом состоянии — потенции, возможность, которая может проявиться в известных условиях на уровне коннотации, смежном между грамматикой и стилистикой. (Е.И.Шендель). При этом стилистическая значимость более конкретна и богата в отношении экспрессивно-эмоциональной окраски, субъективной оценки познаваемого.

Философской основой понятия вероятности служит учение материалистической диалектики о случайности и необходимости. Каждое отдельное явление, в том числе и языковое, подвержено множеству случайных условий и фактов. Но вместе с тем всякая случайность связана с необходимостью и выступает как форма проявления необходимости.

Условиями реализации стилистической вероятности могут быть многие лингвистические и экстралингвистические факторы. Они, как правило, взаимосвязаны и образуют определенную систему средств выражения стилистической значимости языковых единиц. Поскольку в системе языка как общественного явления доминирует не случайность, а необходимость, то все существенно процессы и изменения в нем, в том числе и реализация стилистического потенциала, обусловлены необходимостью, в данном случае, необходимостью стилистического воздействия.

В систему средств реализации стилистической вероятности, определяющей меру возможности перехода стилистических потенциальных значений в стилистическую значимость, входят:

- формально-грамматические средства (форманты отдельных морфологических категорий, транспозиция грамматических форм, их колебания, перераспределение грамматических схем, их

столкновение, синтаксическая модель предложения, порядок слов и др.);

- словообразовательные (выбор словообразовательной модели, валентность производящей основы и т.п.);
- лексико-семантические (значение производящей основы, семантика определяющего слова, внутренняя лексическая обусловленность, то есть определенное лексическое наполнение грамматической структуры и др.);
- контекстуальные (микрконтекст, благоприятное диагностическое окружение, концентрация определенных лексических единиц, способов когерентности и другие явления и факты из области текстолингвистики);
- фонетические факторы (интонация, звукоподражание и т.п.);
- функционально-стилевые (стилевая окраска, жанровые диалектальные и индивидуальные особенности речи);
- экстралингвистические факторы (содержание и цель высказывания, субъективная и качественная оценка, закон изменчивого угла зрения, стремления к интенсификации воздействия и пр.).

Неологизмы - новые слова и словосочетания, возникающие как с появлением новых предметов и понятий, так и в силу потребности в экспрессивно-эмоциональной лексике, играют значительную роль в системе реализации стилистической вероятности, а также и в стилеобразовании. При этом в систему лексико-семантических и словообразовательных факторов входят неологизмы, обусловленные социально-экономическим, политическим и культурным развитием страны как их основная разновидность, так и обусловленные экспрессивно-эмоциональными потребностями носителей языка.

В первом случае они выполняют, главным образом, стилиобразующую функцию, являясь релевантными признаками определенных функциональных стилей. Так, многочисленные лексические неологизмы в немецком языке Германской Демократической Республики, возникшие в результате социалистических преобразований, часто в виде калек с русского языка, характери-

зуют стиль публицистики и прессы: die Entnatifizierung, die Volkswirtschaft, der sozialistische Wettbewerb, der Diamat, die Agitprop-Gruppe, die Brigade.

Стилеобразующими факторами того же функционального стиля национальных вариантов немецкого языка ФРГ, Австрии, Швейцарии являются неологизмы — новые тексемы и словосочетания, заимствованные, в первую очередь, из английского языка: das Advertising (die Reklame), das Business (das Geschäft), das Canvassing (der Stimmenfang), Displaced Person (ausländischer Verschleppter im 2. Weltkrieg).

Словарь неологизмов, недавно изданный в ФРГ Герхардом Хельвигом, содержит 5000 новых лексических единиц и словосочетаний, главным образом, общественно-политическую и социологическую терминологию, подтверждая тем самым их определенное функционально-стилистическое ограничение¹.

Неологизмы индивидуальные, творческие, создаваемые писателями и публицистами, являясь стилистическими синонимами нейтральных слов, реализуют совместно с контекстуальными факторами, в благоприятном контекстуальном окружении гамму стилистических оттенков и значений.

В процессе словотворчества создаются, например, коррелятивные родовые формы имен существительных, отсутствующие в языке и незафиксированные словарями. К ним относятся, в основном, соотносительные пары женского рода к именам мужского рода, являющиеся индивидуально-стилистическими неологизмами.

В целях достижения эмоционального воздействия и создания поэтического образа поэт Ф.Хёльдерлин прибегает к активизации деривационного суффикса женского рода -in. Создавая поэтический образ ночи, поэт сравнивает ее с мечтательной чужестранкой: die Nacht — die Fremdlingin unter den Menschen.

¹ Gerhard Hellwig. Kennen Sie die neuesten Wörter?
Humboldt-Taschenbuchverlag, München, 1973.

Публицист Л. Бёрне, описывая предместье Парижа, персонифицирует природу, создавая образ девочки-озорницы и используя при этом тот же суффикс женского рода, позволяющий ему продолжить цепочку сравнений: Die liebe Natur, mit ihren Wiesen und Feldern, ihren säuselnden Bäumen, ihrer erquickenden Luft, ihrer Milch, ihren Eiern, ihren Kirchweihfesten, Weinlesen und ländlichen Tänzen ist eine so feine Spitzbüb'n als ihre städtische Schwester, die Kunst.

Иронически звучат авторские неологизмы, образованные по той же деривационной модели и классиками немецкой литературы Фридрихом Шиллером, Томасом Манном и современным немецким писателем Хербертом Эбстом:

Wir sind quitt,
du Hervorgeriffen. /F. Schiller/

Томас Манн в романе "Иосиф и его братья", пародируя церемонно насыщенный стиль аристократии древнего Египта, неоднократно употребляет субстантивное словосочетание Mann und Männin. Так, негативное отношение родителей к их сыночке он передает словообразовательным средством, активизируя все тот же формант женского рода:

... ist sie genannt, unsere Bönnin ... /Th. Mann/

Индивидуальные творческие неологизмы остаются чаще всего в пределах данного произведения.

Таким образом, неологизмы - новые слова и устойчивые словосочетания, созданные по словообразовательным моделям данного языка или заимствованные из других языков, входят в систему средств реализации стилистической вероятности, реализации стилистических значений языковых единиц.

Большие стилистические возможности таит в себе и субстантивное словотворчество, тесно связанное со структурно-семантическими особенностями производных имен существительных. Создаваемые авторами индивидуально-стилистические неологизмы являются часто отсутствующими в языке коррелятами женского рода по отношению к именам мужского рода, что создает неожиданный эмоционально-выразительный эффект и обеспечивает условия метафорической персонификации.

С о д е р ж а н и е

Н. А. Аверьянова	Немаркированные пассивные конструкции в современном английском языке	7
А. Я. Банков	Словообразовательный потенциал галлицизмов современного латышского языка	14
В. Г. Бойко	Утрата постоянного компонента перфектных форм в шведском языке сопоставительно с английским - инновация фонетического и грамматического уровней	19
Н. Н. Болдырев	Инновации в способах реализации логико-синтаксических отношений	26
М. А. Брете	Новые данные экспериментального изучения восприятия сонантов латышского языка	34
А. Г. Вейсберг	Новые тенденции в использовании фразеологических единиц в заголовках	43
В. А. Гуртая	Новые тенденции в исследовании просодической природы глухих шумных согласных латышского литературного языка в сопоставлении с английским ...	50
Н. Н. Данченко	Структурно-семантические особенности	
<u>Л. И. Орловская</u>	фразеологических неологизмов	55

Е. В. Дорошенко	Новые наименования знаков в американском варианте английского языка	64
В. В. Кабакчи	Иновации в английском языке советской культуры: межъязыковые транспланты	69
Т. В. Король	Об экстралингвистических условиях актуализации внутренней логико-семантической валентности при образовании лексических инноваций	80
Э. А. Лапина	Терминологические неологизмы в микроэлектронике	86
М. Я. Нейланде	Новое в акцентуации основных частей речи английского языка	94
О. Л. Озолинь	Структурные характеристики неологизмов в системе прилагательных современного французского языка	98
Л. П. Олдырева	Новое в лексикализации множественного числа английских имен существительных	108
О. А. Прокудина	Иновации в окказиональных антропонимах персонажей	121
Я. К. Рашкевич	Неология и неография	126
Я. Я. Силис	Лингвистическое и социальное в неологии британского варианта современного английского обращения	131
В. Скуиня	Наиболее используемые словообразовательные модели в латышской научной терминологии	138

V. Skujina	Aktīvuāris vārdārināšanas modeļi Latviešu valodas zinātniskajā ter- minoloģijā	139
Л.Ф.Ткаченко	Об инновациях в сопоставительном плане	151
А.Г.Трейлон	Продуктивные деривационные суффиксы в современной английской разговорной лексике	156
Б.Э.Узня	О некоторых продуктивных префиксах но- вой английской и латвиской лексики, от- носящейся к терминологии охраны природы	163
Е.М.Чекалина	Суффикс -iste на страницах француз- ских газет (к проблема семантических инноваций)	169
З.Е.Ярнатовская	Неологизмы в системе реализации стилистической вероятности	178

- 186 -

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Рецензенты: Л.Сайдяшева, ст. преп. кафедры иностранных языков РПИ им. А. Пельше;
Е.Шульц, канд. филол. наук доц. каф. иностр. языков ЛГУ им. П.Стучки;
Б.Кеде, зав. кафедрой иностранных языков Академии художеств ЛатвССР им. Т.Залькална

НЕОЛОГИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ, ГРАММАТИКЕ И ФОНЕТИКЕ

Сборник научных трудов

Редакторы: Л.Олдырева, Р.Паплова
Технический редактор А.Яковича
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 01. II. 85. ЯТ 03498. Ф/б 60x84/16.
Бумага № 3. 12,0 фз.печ.л. II,2 усл.печ.л. 8,5 уч.-изд.л.
Тираж 350 экз. Зак. № 1347 Цена 1 р. 30 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, 226050 Рига, ул.Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
LABORATORY OF PHYSICAL CHEMISTRY
CHICAGO, ILLINOIS
1950

RESEARCH REPORT NO. 1
BY
J. H. VAN VLECK
AND
R. W. WILSON

Published by the University of Chicago Press
Chicago, Illinois
1950

362 P7P

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509061660

474

1.30

87

2001

80